
Вадим Злотников
Ось Ариона
18+

Вадим Злотников

Ось Ариона

«Автор»
2026

Злотников В.

Ось Ариона / В. Злотников — «Автор», 2026

Мир не обязан подчиняться человеческим представлениям о возможном. Но у него всегда есть свои законы.На Арионе магия не творит чудеса — она следует равновесию. Здесь сила имеет цену, возможности ограничены, а любое воздействие неизбежно меняет что-то ещё.Ренат, инженер из другого мира, оказывается в теле местного юноши и начинает изучать новую реальность с единственным доступным ему инструментом — разумом. Он ищет закономерности, проверяет границы возможного и постепенно учится использовать то, что другим кажется необъяснимым.Но чем глубже он погружается в жизнь Ариона, тем больше вопросов возникает. За устройством магии скрываются неизвестные закономерности, за благородными титулами — личные интересы, а за привычным порядком — тайны, которые не каждый готов раскрывать.Ему предстоит пройти путь, от чужого в незнакомом мире до человека, способного влиять на происходящее вокруг.Иногда, чтобы изменить равновесие, сначала нужно понять, кто и зачем его нарушает.

© Злотников В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Холод и тишина 5
Карта мира на стене 9
Дело найдётся каждому 16
Первый всплеск 25
Проводник 34
Легенда о равновесии 40
Новый урок 47
Цена дороги 55
Магический зверь 62
Первые механизмы 75
На пути в Каэргард 82
Каэргардский рынок 91
Крепость и договор 103
Предел 109
Новые горизонты 119
Барон 128
Конец ознакомительного фрагмента. 137

Вадим Злотников
Ось Ариона

Холод и тишина

Ренат проснулся от непривычной тишины.

Не от той, что бывает ранним утром, когда весь дом ещё спит и можно спокойно выпить кофе. Эта тишина была другой — глухой, тяжёлой, словно снег за окном укутал не только улицы, но и весь мир вокруг.

За стеклом лежал ноябрьский снег. Снег был плотным и мокрым, местами уже слежавшимся. Небо затянули низкие серые облака, и даже утро казалось поздним вечером.

Ренат полежал ещё немного, глядя в потолок, затем потянулся за телефоном.

Сообщения от диспетчера. Напоминание о завтрашнем отчёте. Сводка по запасам угля.

Ничего нового.

Он поднялся, накинул домашнюю кофту и отправился на кухню. Там было теплее всего. Старые батареи грели как придётся: в одной комнате приходилось открывать окно, чтобы не было душно, а в другой — надевать носки потеплее. Ренат давно привык к этим мелочам.

Поставив чайник, он включил кофемашину и невольно улыбнулся. На работе он привык следить за десятками параметров, чтобы всё работало как положено. А дома позволял себе не обращать внимания на небольшие неудобства.

Кофе, душ, одежда. Всё по привычному порядку.

Перед выходом Ренат проверил карманы, убедился, что пропуск и небольшой блокнот при нём, и вышел. В блокноте не было сложных расчётов и формул — только короткие рабочие заметки: надо проверить задвижку на третьей линии, уточнить у слесаря состояние ленты и глянуть на датчики натяжения.

Обычные вещи, о которых легко забыть, если не записать.

Машина встретила его теплом салона и знакомым запахом пластика. Ренат поставил термокружку в подстаканник, завёл двигатель и выехал со двора.

По дороге он думал о работе. Ничего особенного — предстояло разобраться с подачей топлива, проверить нагрузку на конвейер и ещё раз поговорить с молодым стажёром. Тот никак не мог понять простую вещь: слово "немного" в инженерном деле порой обходится слишком дорого.

На электростанции день прошёл привычно — сплошные бумаги, отчёты и обходы. Короткие разговоры с коллегами:

— Как лента?

— Пока держится.

— Давление смотрел?

— Утром проверял. Всё в пределах нормы.

— Снег опять обещают.

Ренат кивнул и пошёл дальше.

Работа ему нравилась. Не каждый день происходило что-то интересное, чаще приходилось заниматься мелочами, которые никто не замечал, пока они исправно работали. Но именно из таких мелочей складывалась надёжность всей системы.

Он хорошо знал свой участок, знал коллег и понимал, что от него зависит. Здесь всё было привычно и понятно. К концу смены за окнами стемнело, и снег всё шёл. На дороге местами уже блестел тонкий налёт льда. Ренат не торопился, держал дистанцию и старался не делать резких движений.

Усталость постепенно давала о себе знать. Хотелось домой: снять куртку, налить кофе, выдохнуть и ни о чём не думать хотя бы полчаса.

Впереди показались фары: сначала обычный свет встречной машины, но уже через мгновение он сделался слишком ярким. Ренат прищурился, стараясь не терять дорогу из виду.

Дальше всё произошло быстро.

Колёса потеряли сцепление с дорогой. Машину повело в сторону. Он попытался выровнять руль, но автомобиль уже не слушался.

На мгновение перед глазами мелькнул встречный ряд.

А потом прямо перед ним вспыхнули огромные фары грузовика.

Тишина.

Ренат очнулся от неприятного запаха.

Сырость, старая зола и какие-то травы. Он не сразу сообразил, что именно его разбудило.

Голова раскалывалась. Казалось, кто-то несколько раз ударил его чем-то тяжёлым.

Он попытался сесть, но чья-то рука мягко легла ему на плечо и осторожно, но настойчиво заставила опуститься обратно.

— Тише, тише!

Перед глазами всё поплыло. В ушах зашумело. Ренат зажмурился, пережидая приступ головокружения.

— Не торопись.

—тебе ещё рано вставать.

Голос был женский, немного хрипловатый, но спокойный.

Когда он снова открыл глаза, рядом сидела пожилая женщина, среднего роста, но с крепкой фигурой. Седые волосы собраны в аккуратный пучок на затылке. Лицо покрывали тонкие морщины, особенно заметные у глаз, но взгляд оставался ясным и внимательным. В одной руке она держала небольшую кружку, в другой — сложенную ткань. Она была одета в простое платье, поверх которого лежала тёплая шерстяная накидка.

Ренат попытался рассмотреть комнату.

Деревянные стены, низкий потолок, небольшое окно. Рядом стояла печь, от которой исходило приятное тепло. В углу висели пучки сушёных трав, а на столе лежали какие-то тряпки и глиняная посуда.

Не больница.

Эта мысль почему-то оказалась первой.

— Где я? — спросил он.

Собственный голос заставил его нахмуриться.

Голос оказался слишком высоким и молодым — совсем не таким, каким он привык его слышать.

Женщина поправила ткань у него на лбу.

— У меня дома. В моей избе. Ты долго не приходил в себя.

— Что произошло?— Этого я и сама не знаю.

Тебя нашли после пожара. Ты был без сознания, весь в грязи. Хорошо ещё, что жив остался.

Пожар.

Ренат попытался вспомнить хоть что-нибудь. Перед глазами мелькнули какие-то обрывки: яркий свет, крики, дым. Но стоило ухватиться за них, как всё расплывалось.

Он медленно поднял руку. Пальцы были тонкими. Кожа чистая, без привычных мозолей и небольших шрамов. Запястье казалось слишком узким.

Ренат посмотрел на свою ладонь, потом на женщину.

— Какой сейчас год?

Та слегка нахмурилась.

— Год? — переспросила она. — Ты, должно быть, сильно головой ударился.

— Просто ответьте.

Женщина некоторое время смотрела на него, затем вздохнула.

— Сейчас год после смены власти у барона. А если тебе нужны числа, то я их не помню. Тут больше по урожаям да зимам считают.

Ренат ничего не ответил.

Слова были понятны. Смысл — нет.

— А где мы находимся?

— В Вестрионе. На землях барона Каэрбрука. Деревня отсюда недалеко, но ты пока лучше лежи.

Вестрион.

Он повторил название про себя, пытаясь зацепиться хоть за что-нибудь знакомое.

— А планета? Как она называется?

Теперь женщина посмотрела на него с явным недоумением.

— Арион. А что?

Ренат отвернулся к потолку.

Арион. Вестрион. Незнакомые названия, незнакомое место. И тело, которое ему совершенно не принадлежало.

— Я ничего не помню, — произнёс он после паузы. — Только пожар. Крики. И… имя.

— Имя хоть помнишь?

Ренат замолчал.

Ренат. Это имя было частью его прежней жизни. Работы, дома, привычек, людей, которых он знал. Но сейчас оно казалось каким-то далёким.

Женщина, заметив его замешательство, заговорила снова:

— Если не помнишь, ничего страшного. У нас имена попроще. Можешь выбрать себе другое. Главное, чтобы самому нравилось.

Он задумался.

Старое имя здесь звучало бы чуждо. Да и объяснить своё происхождение он всё равно не смог бы.

— Тогда Рэн, — тихо произнёс он. — Просто Рэн.

Женщина повторила имя, словно проверяя, удобно ли оно звучит.

— Рэн… Ладно. Пусть будет Рэн. А меня зовут Мара. Если что-нибудь понадобится — зови.

Он кивнул.

Мара. Ещё одно имя, которое следовало запомнить.

Рэн снова осмотрел комнату. Печь была сложена из камня и глины; дымоход уходил вверх, теряясь за потолком. В стыках темнели небольшие трещины — но пока ничего страшного. Тепло она держала хорошо.

— Если раствор в стыках начнёт осыпаться, тяга может измениться, — негромко произнёс он.

Мара проследила за его взглядом.

— Что?

— Печь. Если между камнями появятся щели, дым может пойти в комнату.

Женщина посмотрела на печь, затем снова на него.

— Ты разбираешься в печах?

Рэн пожал плечами.

— Немного. Просто видел, как их делают.

Он вовремя остановился. Ещё немного — и мог бы сказать что-нибудь о работе на электростанции, о системах отвода дыма и других вещах, которые здесь вряд ли кому-нибудь знакомы.

Мара подала ему кружку.

— Выпей. Травы с мёдом. Голове станет легче.

Рэн осторожно сделал глоток. Напиток оказался горьковатым, но приятным. Тепло медленно разошлось по горлу и груди.

— Спасибо.

— Не за что. А теперь отдыхай. Тебе нужно набраться сил. Когда станет лучше, поговорим.

Он хотел задать ещё десяток вопросов. Узнать, где находится, что это за место, кто такой барон Каэрбрук и почему здесь никто не считает годы привычным способом.

Но голова снова начала болеть, а веки налились тяжестью.

Рэн поставил кружку на столик и лёг удобнее.

Мир вокруг был чужим, и в нём было слишком много вопросов при слишком малом числе ответов.

Но хотя бы теперь у него было имя, место и человек, к которому можно обратиться.

Пока этого должно было хватить.

Карта мира на стене

Я проснулся не сразу. Сначала накатил холод — не тот, что пробирает под одеждой на зимней улице, а сырой, тяжёлый, будто скопившийся в старом доме. Потом запах дыма, трав и чего-то горького. И только после этого — воспоминания.

Чужие.

Они всплывали обрывками: покосившийся забор, грязная дорога, крик женщины. Чьи-то руки хватают меня за плечо, тащат. Огонь. Дым. Бегущие люди. Лица, которые никак не удавалось рассмотреть целиком.

Я зажмурился.

Не мои воспоминания. Но и не совсем чужие.

Иногда мне удавалось ухватить отдельную картинку, услышать знакомое слово или вспомнить название вещи, которую я никогда в жизни не видел. Стоило попытаться разобраться, как всё расплывалось. Будто за мутным стеклом время от времени вспыхивал свет, но приблизиться к нему не получалось.

Дверь тихо скрипнула.

— Проснулся? А я уж думала, ещё полдня проспишь.

Мара вошла с деревянной кружкой. Поставила её на стол возле кровати и посмотрела на меня.

— Ну как ты себя чувствуешь?

— Лучше. Наверное.

— «Наверное» — не самый надёжный ответ.

— Голова уже почти не болит. Только немного кружится.

— Вот и хорошо. Но с постели пока не вскакивай. Вчера ты и до кружки толком дотянуться не мог.

— Долго я спал?

— Достаточно, чтобы я успела пожалеть, что взялась за тебя.

Она сказала это с таким серьёзным видом, что я не сразу понял, шутит она или нет.

— Значит, мне повезло, что ты не передумала.

— Хватит испытывать моё терпение. Пей.

Я взял кружку. Отвар оказался тёмным и пах так, будто в него положили всё, что нашли под ближайшим кустом.

— Что это?

— Лекарство.

— А из чего?

— Из всего, что под руку попалось. Травы, коренья… Да не выпытывай, всё равно половины названий не знаешь.

Я посмотрел на неё поверх кружки.

— Очень подробный рецепт.

— Хочешь, в следующий раз напишу на бумажке?

— Если там будет указано, как это пить, я буду благодарен.

Мара усмехнулась.

— Пей, пока не остыло.

Я осторожно сделал глоток. Горечь тут же разлилась по языку.

— Мерзость.

— Зато помогает.

— Это многое объясняет.

— Что именно?

— Почему лекарства здесь такие невкусные.

— А где они бывают вкусными?

— Хороший вопрос.

Мара придвинула ко мне миску с водой.

— Вот и не задавай лишних. Выпей всё, потом умоешься. Только не спеши.

Я допил отвар, стараясь не думать о его вкусе, и медленно поднялся. Голова немного закружилась, но быстро отпустило. Тело всё ещё казалось непривычным. Слабость, лёгкая дрожь в руках, какая-то странная лёгкость в плечах.

Пятнадцать лет — столько было этому телу. А сам я помнил другую жизнь и другой возраст, куда старше. И пока никак не мог привыкнуть к тому, что теперь всё это придётся совмещать.

Провёл ладонью по лицу и оглядел комнату. Небольшая изба, грубая мебель, печь, полки с глиняными горшками. На стене напротив кровати висела деревянная доска.

Только теперь я толком обратил на неё внимание.

На доске были выжжены и нарисованы линии. Одни извивались, другие пересекались, третьи обрывались возле небольших значков. Рядом с несколькими линиями стояли короткие надписи.

— Это карта?

Мара проследила за моим взглядом.

— Можно и так сказать.

— Не очень похоже на карту.

— Передам мужу, когда увижу его.

Я перевёл взгляд на неё.

— Он рисовал?

— Когда-то. Любил возиться с такими вещами. Говорил, что однажды я перестану спрашивать, где какая дорога.

— И перестали?

— Нет. Но теперь спрашивать не у кого.

Она произнесла это спокойно, без надрыва. Потом подошла к стене и указала на длинную извилистую линию.

— Вот Каэр. Река. Если верить рисунку, здесь она делает большой изгиб, а дальше уходит к северу.

Я прищурился.

— Если верить рисунку?

— Ты хотел, чтобы я сказала, будто он был великим картографом?

— Я просто заметил, что река у него почти прямая.

— Осторожнее. Он бы обиделся.

— Даже после смерти?

— Особенно после смерти. Память надо уважать.

Я невольно улыбнулся. Мара тоже улыбнулась, но почти сразу вернулась к карте.

— А вот здесь Лир-Холм. Наша деревня.

Небольшая отметка стояла в стороне от основного русла. Рядом виднелась тонкая линия дороги.

— Далеко от реки?

— Не так уж. Пешком можно дойти за несколько часов, если дорога сухая и ноги не подводят.

— А это что?

Я указал на другой знак, ближе к переправе. От него почти ничего не осталось — только тёмный след и несколько коротких штрихов.

Мара ненадолго замолчала.

— Деревня, которой больше нет.

Внутри неприятно ёкнуло. Перед глазами мелькнули огонь, женский крик, запах горелого дерева.

— Та самая?

— Да.

Я ещё немного посмотрел на отметку.

— Она была возле переправы?

— Почти у самой дороги. Оттуда удобно было следить за теми, кто двигался вдоль реки.

— Значит, её сожгли не случайно.

Мара повернула ко мне голову.

— А ты быстро делаешь выводы.

— Если нужно ударить по торговле, необязательно нападать на крепость. Можно перекрыть дорогу, сжечь склады, напугать перевозчиков. Или заставить людей уйти.

— Может быть, — ответила она. — Я слышала разные разговоры. Одни говорят, что искали припасы. Другие — что хотели предупредить нашего правителя. А кто-то уверяет, будто это была обычная расправа.

— И никто не знает наверняка?

— Если кто-то и знает, то молчит.

Я снова посмотрел на карту.

— А переправа кому принадлежит?

— Вот это уже интереснее.

Мара коснулась пальцем небольшого обозначения у реки.

— Сама крепость и основные подходы к переправе находятся на нашей стороне. В землях Каэрмарча. Каэргард поставили именно для защиты этого места.

— А северный берег?

— Там уже Нордхейм. Другие земли, другие порядки. У них свои правители.

— Значит, переправа разделена между двумя сторонами?

— Примерно так. Караваны идут через обе территории. Каждая сторона собирает пошлины там, где имеет на это право. Но сам Нордхейм находится далеко от нашего берега.

— Тогда в чём спор?

Мара посмотрела на меня с лёгкой усмешкой.

— Ты думаешь, дело только в пошлинах?

— А разве нет?

— Представь, что ты купец. Твой товар должен пройти через переправу. На одном берегу его проверяют, на другом могут задержать обоз, а потом ещё и изменить условия прохода. И всё это не обязательно делать одновременно. Достаточно, чтобы дорога стала неудобной или опасной.

Я задумался.

— Но ты раньше сказала про Нордхейм. Он ведь далеко.

Мара хмыкнула, будто удивилась, что приходится объяснять такие вещи.

— Потому что это единственный нормальный переход на сотни вёрст. Дальше река либо слишком широкая, либо пороги такие, что ни обоз, ни лодка не пройдут. Значит, все караваны идут здесь.

— И Нордхейму не нужна земля, ему нужно, чтобы товары шли его маршрутом.

— Получается, тот, кто контролирует переправу, может влиять на торговлю даже за пределами своих земель.

— Вот теперь ближе.

Она убрала палец с карты и посмотрела на меня.

— Только не думай, что всё решается одним приказом. Купцы тоже не дураки. Если им станет невыгодно, они найдут другой путь. А если таких станет много, пострадают и те, кто привык получать пошлины.

— Значит, каждый старается перетянуть торговлю на свою сторону, но не настолько, чтобы она совсем остановилась.

— Именно. Река кормит многих. Никому не хочется остаться у пустой переправы.

Я снова посмотрел на отметку сожжённой деревни.

— И набеги?

Мара не сразу ответила.

— Так говорят. Сначала страдают деревни, потом обозы, потом купцы начинают искать другие дороги. Но кто именно отдал приказ напасть на ту деревню, я не знаю.

— А кому это выгодно?

— Если бы я знала наверняка, то, наверное, не сидела бы здесь и не варила тебе отвары.

— А чем бы занималась?

— Уж точно не отвечала бы на бесконечные вопросы.

Она сказала это с улыбкой, и я решил пока не продолжать.

Я понимал, что передо мной не вся картина. Но уже мог представить, почему небольшая переправа способна стать причиной серьёзного конфликта.

— А Каэргард где? — спросил я после небольшой паузы.

Мара указала на отметку дальше по реке.

— Вот здесь. Крепость стоит недалеко от воды. При ней есть рынок. Туда свозят товары с окрестных земель, там меняют, продают, покупают. Иногда приходят торговцы издалека.

— То есть крепость охраняет реку и рынок?

— И дорогу. И переправу. Хотя насчёт того, насколько хорошо она всё это охраняет, у каждого своё мнение.

— А далеко отсюда?

— Если идти без спешки — около трёх дней.

Я запомнил расстояние. До Каэргарда было около трех дней пути.

— А это? — Я указал на другую сторону доски. — Дорога уходит вглубь материка.

— Там Торнмар. Тоже примерно три дня пути, но в другую сторону.

— Большой город?

— Достаточно большой. Один из тех, что находятся под властью герцога.

— Герцог здесь главный?

— Не совсем. Над ним король. Но герцоги владеют большими землями и могут многое решать самостоятельно. Ни один из них не любит, когда ему указывают, как распоряжаться собственными владениями.

— А графы?

— Управляют округами. Некоторые имеют немало власти, особенно если их земли стоят на важных дорогах или торговых путях.

— Каэрмарч?

Мара кивнула.

— Наш округ. Земли здесь не самые богатые, зато река кормит многих. Через неё проходят товары, обозы, баржи. Поэтому Каэрмарч имеет немалое значение для соседних владений.

— И бароны?

— Бароны держат свои земли. Многие служат графам, но сила у всех разная. Один может иметь несколько деревень и небольшой отряд, другой — куда больше людей и денег. Сам титул ещё не говорит, насколько влиятелен его обладатель.

— А рыцари?

— Бывают разные. Одни служат при дворе, другие сопровождают своих господ, третьи владеют небольшими землями. Не всякий рыцарь богат, и не всякий богатый человек носит рыцарский пояс.

Я чуть нахмурился.

— Сложная система.

— Люди вообще любят всё усложнять.

— А король может остановить спор двух владетелей?

Мара убрала руку от карты.

— Может. Если захочет. Если посчитает нужным. Если у него найдутся время и причины вмешиваться.

Ответ прозвучал слишком знакомо. Я даже усмехнулся.

— Похоже, здесь тоже не всё решается по инструкции.

— По какой инструкции?

— Неважно. Просто подумал вслух.

Мара посмотрела на меня, будто хотела что-то спросить, но в итоге промолчала.

Я ещё раз оглядел доску.

— А остальные земли? Ты говорила, есть другие континенты.

— Есть. Эстария, Нордхейм, Сураха. И Вестрион, на котором мы сейчас живём.

— Ты там бывала?

— Не везде. И не во всех местах, о которых слышала, стоит верить рассказам.

— Что о них говорят?

— Про Эстарию — что там много богатых городов и высоких башен. Про Нордхейм — что там холодно, а законы суровые. Про Сураху — что солнце палит так, будто хочет выжечь землю до основания.

— А на деле?

— А на деле я там не была.

Я улыбнулся.

— Честный ответ.

— Запомни его. Он полезнее многих красивых историй.

Мара отошла от стены и занялась посудой. Я немного помолчал, разглядывая карту, потом всё-таки заговорил:

— Мара, а можно ещё кое-что спросить?

— Спрашивай. Только если опять про дороги, то на сегодня с меня хватит.

— Нет, не про дороги… — Я немного помедлил. — Здесь ведь бывает… магия?

Мара на секунду задержала взгляд на мне.

— Бывает. Она здесь была задолго до нас и, думаю, будет после.

— Значит, это не просто сказки?

— Нет, Рэн. Не сказки. Но об этом поговорим позже. Тебе и без того сегодня хватило новых сведений.

Мара вернулась к посуде, а я снова посмотрел на доску. Четыре континента, король, герцоги, графы, бароны. Большая торговая река, спорная переправа и две дороги, ведущие в разные стороны.

Я попытался мысленно восстановить расположение мест. Лир-Холм в стороне от Каэра. Переправа ближе к сожжённой деревне. Каэргард — у реки. Торнмар — в глубине континента, в противоположном направлении.

Карта была неточной, но для начала годилась.

— Твой муж хорошо знал эти места? — спросил я.

Мара на мгновение задержала руки над миской.

— Достаточно хорошо.

— Он был торговцем?

— Нет.

— Военным?

Она посмотрела на меня.

— Почему ты так решил?

— По карте. И по тому, как ты рассказываешь о переправе.

— А что не так с тем, как я рассказываю?

— Ты говоришь не только о дороге. Сразу думаешь, где её можно перекрыть, как обойти и что будет, если кто-то потеряет контроль над переправой.

Мара чуть приподняла бровь.

— Может, я просто долго живу.

— Может быть.

Она отвернулась к столу и продолжила разбирать посуду.

— В молодости я жила в городе. Видела достаточно, чтобы понимать: неприятности редко начинаются там, где их ждут.

Я хотел спросить ещё, но сдержался. У каждого человека здесь, похоже, была своя история. И не всякую стоило вытаскивать наружу сразу.

— Тебе пятнадцать, — неожиданно сказала Мара.

Я посмотрел на неё.

— Ты не спрашивала, но да.

— Вопросы задаёшь так, будто тебе вдвое больше.

— Может, я просто любопытный.

— Любопытство иногда опаснее глупости.

— Постараюсь не злоупотреблять.

— Вот и хорошо.

Она поставила передо мной миску с похлёбкой и отломила кусок хлеба.

— Ешь, пока горячее. А то остынет, и придётся снова слушать, какая у меня еда невкусная.

— Я про еду ничего не говорил.

— Пока.

Я усмехнулся и взял ложку.

Похлёбка была простой: густой бульон, какие-то коренья, крупа и небольшие кусочки мяса. Названия некоторых продуктов я не знал, но память прежнего владельца тела подсказывала, что именно лежит в миске. Иногда это странное переплетение двух жизней даже шло на пользу.

— После еды покажу, где можно умыться, — сказала Мара. — И одежду тебе подберём. А потом, если ноги не подведут, выйдешь немного прогуляться.

— Думаешь, мне уже можно?

— Думаю, если будешь лежать целыми днями, быстрее не поправишься. Только далеко не уходи.

— Я даже дороги отсюда толком не знаю.

— Вот и не придётся далеко ходить.

Похлёбка оказалась вкуснее отвара. Хлеб был плотным, с грубой коркой, но свежим. Я ел медленно, стараясь не торопиться. Организм явно нуждался в пище, и это ощущалось сильнее, чем хотелось бы.

Когда я закончил, Мара принесла мне чистую рубаху и показала, где умыться.

Я опустил ладони в прохладную воду, зачерпнул немного и провёл по лицу. Потом случайно заметил своё отражение на поверхности.

И замер.

Из воды на меня смотрел незнакомый парень. Тёмные, коротко подстриженные волосы, карие глаза, ровные черты лица. Не красавец, но и назвать его невзрачным было бы несправедливо. Обычное приятное лицо. Из тех, что можно встретить на улице и через несколько минут уже не вспомнить.

Но глаза…

Я чуть наклонился ближе. Взгляд у парня был цепкий, внимательный. Казалось, он привык замечать больше, чем говорил.

Вот, значит, как ты выглядел.

Я провёл мокрой ладонью по волосам и выпрямился. Отражение дрогнуло, распалось на круги и исчезло.

С этим лицом ещё предстояло привыкнуть жить.

Одежда оказалась великовата в плечах, зато штаны держались на поясе. Я поправил рубаху и вышел из дома.

Деревня встретила меня обычными звуками: где-то стучал топор, кричали дети, лаяла собака. Из соседнего двора тянуло дымом. Люди занимались своими делами, но некоторые всё же задерживали на мне взгляды.

Я остановился у крыльца и посмотрел вдоль улицы.

Небольшие дома, огороды, хозяйственные постройки. Дорога, уходившая между дворами к полям. Ничего необычного. И всё же каждый предмет здесь был частью мира, которого ещё вчера для меня не существовало.

Я вспомнил карту на стене.

Река. Переправа. Крепость. Торнмар.

А где-то между ними — сожжённая деревня, от которой осталась только отметка на деревянной доске.

Пока у меня не было ни денег, ни знакомых, ни понимания местных порядков. Я даже не знал, что именно произошло с прежним владельцем этого тела и почему он оказался там, где его настиг огонь.

Но у меня была крыша над головой, еда и человек, который не бросил меня после пробуждения.

Я ещё раз оглядел улицу и сделал первый шаг.

Дело найдётся каждому

Я шёл по тропинке, и с каждым шагом во мне всё сильнее крепло знакомое чувство. Давно я не испытывал ничего подобного — желание быть полезным, занять руки делом, увидеть результат своей работы.

После пробуждения я больше думал и пытался разобраться в происходящем, чем действительно что-то делал. Простая работа хотя бы позволила бы почувствовать, что я способен влиять на окружающий мир.

Возле избы стояла поленница. Рядом, прислонённый к стене сарая, лежал топор.

Я оглянулся, но Мары поблизости не увидел. Взял инструмент, выбрал подходящее полено и поставил его на колоду.

Первый удар вышел не слишком удачным. Лезвие застряло в древесине, а отдача неприятно отозвалась в руках.

— Ну, с почином, — пробормотал я.

Пришлось вытаскивать топор и пробовать снова.

Я не торопился. Присматривался к поленьям, выбирал место удара, старался не тратить лишних сил. Постепенно движения стали увереннее. Работа требовала внимания, но в ней было что-то успокаивающее. Здесь всё зависело от меня самого: от силы удара, положения рук и того, насколько правильно я выбирал место для удара.

Через некоторое время рядом появилась Мара.

Она остановилась у сарая, посмотрела на поленницу, потом на меня.

— Сам придумал себе занятие?

— Дрова всё равно кому-то колоть. Решил не ждать, пока меня попросят.

— Это верно. Только не переусердствуй. Тело у тебя ещё не оправилось.

— Я чувствую. Но если совсем ничего не делать, быстрее оно от этого не окрепнет.

Мара посмотрела на меня с лёгкой улыбкой.

— Может, и так. Только не путай движение с лечением. Если почувствуешь слабость или головокружение, сразу остановись.

— Хорошо. Постараюсь не доводить до этого.

Я отложил топор и вытер ладонью лоб.

— Мара, а можно спросить?

— Ты сегодня уже не первый раз это делаешь. Спрашивай.

— Про магию.

Она посмотрела на меня внимательнее.

— Что именно тебя интересует?

— Всё, наверное. Но для начала… Ты ведь знаешь о ней больше, чем обычная деревенская знахарка?

Мара не ответила сразу. Подошла к поленнице, поправила одно из поленьев и только потом заговорила:

— Знаю кое-что. А кое о чём только слышала. Не путай одно с другим.

— Не буду. Мне просто хочется понять, как здесь всё устроено.

— Тогда садись. Только предупреждаю: если ждёшь, что после разговора сможешь метать огонь из пальцев, придётся разочароваться.

— Я пока хотя бы хотел узнать, с чего начинать. До огня из пальцев мне ещё далеко.

— Вот это уже разумнее.

Я сел на лавку у стены. Мара устроилась напротив.

— Магический дар есть не у каждого, — начала она. — А тех, у кого он есть, стараются находить ещё детьми. Раз в три года по Вестриону ездит специальная инспекция. Проверяют

детей и молодых людей. У них есть артефакт, который помогает определить, способен человек к магии или нет.

— Они объезжают все поселения?

— По крайней мере, стараются. Деревни, города, даже отдалённые места. Не всегда получается добраться до каждого, но пропускать целые области они не должны.

— И что происходит, если находят одарённого?

— Ему предлагают отправиться на обучение. Обычно первые пять лет оплачивает корона. После этого придётся отработать затраты. Десять лет службы — короне или кому-то из высшей знати.

Я немного помолчал, обдумывая услышанное.

— То есть государство оплачивает обучение, но взамен получает мага на десять лет?

— Не совсем так просто, но в общих чертах верно. Обучение дорогое, а корона не собирается тратить деньги просто так. Многие соглашаются, потому что сами оплатить академию не могут.

— А если человек не хочет служить?

— Тогда может учиться за свой счёт. Таких называют вольными магами. Но платить за обучение придётся самому, а это немалые деньги.

— Получается, выбор есть. Только один путь обходится дороже другого.

— Можно и так сказать. Хотя не всё в жизни измеряется деньгами.

— Это точно. Но десять лет — большой срок. Не каждый захочет заранее связывать себя такой обязанностью.

Мара чуть заметно улыбнулась.

— Вот поэтому и существуют вольные маги. Только не думай, что их путь легче. За свободу тоже приходится платить.

Я задумался.

— А артефакт просто показывает, есть ли дар?

— Насколько я знаю, он определяет наличие дара и помогает увидеть, к чему у человека есть склонность. Но подробностей я тебе сейчас не расскажу. Давно не приходилось этим заниматься.

— А как понять, есть ли у человека дар, до проверки? Он сам может это почувствовать?

— Иногда. Некоторые ощущают внутри тепло, будто небольшой огонёк под самой грудью. Но это не у всех одинаково. Да и не каждый знает, на что обращать внимание.

— А если дар проявляется впервые?

— Бывает по-разному. Иногда человек случайно вызывает что-то, сам не понимая как. Иногда это происходит в минуту опасности. Но тут я бы не стала делать поспешных выводов. Страх, усталость и желание выжить способны заставить человека двигаться так, как он сам от себя не ожидал.

Я медленно поднял голову.

— Когда я убегал из деревни…

Мара перестала поправлять поленья.

— Что-то вспомнил?

— Не совсем. Помню, что бежал. Там всё горело, люди кричали. Я не думал ни о чём, только хотел выбраться. А потом… Не знаю, как объяснить. Мне казалось, что я совсем не устаю. Будто мог бежать сколько угодно. А потом упал и уже не смог подняться.

Мара внимательно посмотрела на меня.

— Ты помнишь, как долго бежал?

— Нет. Только отдельные обрывки. Лес, деревья… Потом темнота. Я не могу сказать, сколько времени прошло и какое расстояние преодолел.

— И больше ничего не замечал? Не было ни жара, ни странных ощущений?

Я покачал головой.

Женщина некоторое время молчала.

— Возможно, это был дар. Но возможно, ты просто не замечал усталости, пока опасность не миновала. По одному рассказу ничего не определить. Тебя бы стоило проверить артефактом.

— А где его найти? Или нужно ждать, пока инспекция снова приедет?

— Именно. Здесь своего артефакта нет. Инспекция сама приезжает в деревни и города. Но когда она будет в наших краях в следующий раз, я пока не скажу.

Я опустил взгляд. Хотелось получить более определённый ответ, но требовать от Мары невозможного было бессмысленно.

— Значит, до проверки остаётся только ждать?

— Не обязательно. Если хочешь, можешь попробовать научиться прислушиваться к себе. Не торопиться, не пытаться выдавить из себя силу. Просто посидеть спокойно и обратить внимание на то, что чувствуешь внутри. Я знаю один способ, который может помочь. Правда, он не даёт никаких гарантий.

— И что нужно делать?

— Для начала я покажу. Там нет ничего сложного, но придётся набраться терпения. Не жди, что с первого раза что-нибудь получится.

— А если ничего не почувствую?

— Значит, ничего не почувствуешь. Попробуем ещё раз в другой день. Самое главное — не придумывать ощущения только потому, что тебе хочется их обнаружить.

Я улыбнулся.

— Похоже, ты уже сталкивалась с теми, кто слишком торопился.

— Ещё бы. Иногда человеку проще поверить в то, что он хочет увидеть, чем признать, что пока ничего не получается.

Я кивнул. Такой ответ мне нравился больше, чем обещания великих возможностей.

— А физическая подготовка имеет значение?

— Разумеется. Слабое тело далеко не унесёт, даже если голова полна хороших мыслей. Но и превращать себя в быка не надо. Тут важнее понимать собственные пределы.

— Значит, тренироваться всё равно придётся. И не только ради магии.

— Если собираешься жить долго — желательно.

Мара поднялась и направилась к двери.

— А теперь хватит разговоров. Дрова сами себя не расколют.

— Я уже почти закончил. Осталось немного.

— Вот и закончи. А потом помоги мне с водой. А с твоими занятиями разберёмся, когда немного окрепнешь.

Я взял топор.

Разговор о магии оставил после себя немало вопросов, но теперь хотя бы стало понятно, с чего можно начать. Правда, прежде чем делать какие-либо выводы, следовало разобраться, что именно я помню о побеге и не обманывает ли меня собственная память.

С дровами я управился быстрее, чем ожидал. Сложил поленья у стены сарая и направился к колодцу, но по дороге заметил покосившийся забор.

Один из столбов заметно шатался. Несколько досок отошли от перекладины.

Я остановился, присмотрелся и оглянулся в поисках подходящего материала. Рядом лежало крепкое полено. Я подтащил его к столбу, примерил, затем немного изменил положение, добиваясь, чтобы подпорка не соскальзывала при нагрузке.

Работа заняла немного времени. Когда я закончил, забор перестал шататься.

— Эй, парень!

Я обернулся.

Со стороны соседнего двора ко мне шёл крепкий мужчина лет сорока. На руках у него засохла земля, рукава простой рубахи были закатаны до локтей. На вид простой работяга, привыкший к физическому труду.

— Это ты у Мары живёшь?

— Пока у неё, — ответил я.

— Борн, — представился мужчина. — Сосед. Видел, как ты тут возился. Неплохо придумал с подпоркой.

— Столб расшатался, а менять его целиком пока незачем. Подпорка должна продержаться, пока не найдётся время заняться забором как следует.

Борн посмотрел на столб, потом снова на меня.

— Верно рассудил. Многие бы просто прибили доску покрепче и пошли дальше. А через пару дней всё опять разболталось бы.

— Поэтому и решил сначала посмотреть, откуда он шатается.

— Ну, значит, руки у тебя на месте. А то у Мары иногда такие гости появляются, что и кружку за собой убрать не могут.

Я невольно улыбнулся.

— Постараюсь не разочаровать.

— Да мне-то что. Только смотри, не надорвись. Мара потом мне же голову оторвёт, если придётся тебя откачивать.

Борн направился к колодцу, и я пошёл следом.

— Ты ведь из той деревни? — спросил он уже по дороге.

Я немного помедлил.

— Да. Из той, что сожгли.

— Слышал о набеге. Тяжело тебе пришлось.

Больше мужчина ничего не спросил. И я этому был рад.

У колодца Борн показал, как удобнее закреплять верёвку и поднимать воду. Я запомнил его советы, попробовал сам и вскоре справился без помощи.

— Освоишься, — сказал сосед. — Деревня у нас не такая уж большая. Тут долго чужаком не проходишь.

— Надеюсь. Пока я знаю только дорогу от Мары до колодца.

— Это уже половина дела. Остальное Тиль тебе расскажет, если встретишь его. Он знает каждую тропинку и каждый забор в округе. Иногда даже то, чего знать не стоило бы.

— Похоже, у него много свободного времени.

— Слишком много, — усмехнулся Борн. — Если что понадобится, заходи. Я обычно во дворе или на земле. Только если свинья опять подкоп сделает, не удивляйся. Она у меня умнее, чем кажется.

— Настолько умная, что постоянно сбегает?

— Вот именно. И каждый раз делает вид, будто это я виноват.

Я рассмеялся.

Когда я возвращался с бадьёй, со стороны соседнего двора вышел худощавый мальчишка лет десяти, с растрёпанными русыми волосами и живыми светлыми глазами. Он остановился неподалёку и с нескрываемым любопытством посмотрел сначала на меня, потом на бадью.

— Ты Рэн?

— А ты, похоже, уже обо мне слышал.

— Конечно. Ты у Мары живёшь?

— Пока да. А ты?

— Я Тиль. Борн про тебя говорил. Сказал, что ты забор починил и дрова колол.

— Неужели уже успел рассказать?

— Он быстро рассказывает, когда что-то интересное случается.

Тиль подошёл поближе.

— А ты правда из той деревни, которую сожгли?

Я не сразу нашёлся с ответом.

— Правда.

Он немного помолчал, словно хотел спросить ещё что-то, но передумал.

— Я не хотел тебя расстраивать, — наконец сказал он. — Просто все об этом говорят, а я тебя раньше не видел.

— Ничего страшного. Я понимаю, что тебе интересно.

Тиль кивнул, а затем снова посмотрел на бадью.

— А ты любую работу делать умеешь?

— Почти.

— Я бы так не смог.

— Научишься, если захочешь. Только сначала лучше потренироваться на чём-нибудь попроще.

— Мне обычно говорят, что я сначала всё сломаю.

— Значит, надо найти что-нибудь, что не жалко сломать.

Мальчишка прыснул со смеху.

— Ты смешной.

— Это хорошо или плохо?

— Пока не знаю.

Тиль пошёл рядом, не переставая говорить. Рассказал про свинью Борна, которая действительно умела делать подкопы, про волков возле дальнего поля и про короткую тропу к реке.

Я слушал, иногда задавая вопросы. Мальчишка знал окрестности лучше любой карты и, похоже, был готов показать каждую кочку, если его не остановить.

— А ты всегда столько говоришь? — спросил я.

— Нет.

Тиль выдержал небольшую паузу.

— Иногда больше.

Я рассмеялся.

У крыльца избы нас уже ждала Мара. Увидев бадью, она кивнула.

— Вижу, Борн тебя не отпустил без урока.

— Показал, как воду поднимать. Сначала я пытался тянуть верёвку слишком быстро, но так только сильнее раскачивал бадью. Он объяснил, как лучше распределять усилие.

— Хороший человек. Только иногда слишком много разговаривает.

— Я слышал! — донеслось со стороны соседнего двора.

Мара покачала головой.

— Вот видишь.

Я поставил бадью возле двери. К тому времени руки уже заметно устали, а в плечах появилась неприятная тяжесть. Похоже, я немного переоценил свои силы.

В этот момент к нам подошла невысокая женщина в тёмном платке. На вид ей было около тридцати лет, может, чуть больше. Не хрупкая, но и не массивная — в её осанке и движениях чувствовалась привычка много ходить и работать на открытом воздухе.

Из-под платка выбивались каштановые пряди волос. Серо-зелёные глаза смотрели внимательно, а во взгляде читалась спокойная требовательность. В руках женщина держала корзину, из которой торчали свежесрезанные стебли трав.

— Мара, я принесла то, что ты просила.

— Спасибо, Лисса. Как там поле?

— Пока ничего нового. Завтра начнём с дальнего участка. Надо успеть до дождей. Если погода не подведёт, за пару дней управимся.

Мара повернулась ко мне:

— Это Лисса. Она у нас следит за полевыми работами. Если завтра решишь пойти со всеми, слушай её. Она знает, что и когда нужно делать.

Лисса окинула меня спокойным взглядом.

— Так это ты тот юноша, которого нашли после набега?

— Да, это я.

— Но раз уже на ногах, значит, поправляешься. Завтра собираемся на льняное поле. Работы много. Если хочешь присоединиться, приходи к утру.

— Я приду. Только скажи, что именно предстоит делать? Не хотелось бы прийти и мешаться под руками.

Лисса чуть приподняла брови.

— Сначала разберёмся, что ты умеешь. Работа простая, но руки устанут. Будем собирать и переносить то, что уже готово. Если справишься, найдём и другое занятие.

— Хорошо. Постараюсь не отставать.

— Посмотрим, — сказала Лисса, но в её голосе не было недоверия. — Главное, не хватайся сразу за всё. Лучше сделать меньше, но правильно.

За её спиной показался пожилой мужчина. Он шёл неторопливо, опираясь на деревянную трость, хотя выглядел достаточно крепким для своего возраста. Широкие плечи, чуть сутулая спина и уверенная походка выдавали человека, привыкшего к физическому труду.

Его седые волосы были зачёсаны назад, а короткая густая борода почти полностью потеряла прежний цвет. Лицо пересекали глубокие морщины, особенно заметные у глаз и на лбу. Но больше всего выделялся взгляд — серые глаза смотрели внимательно и цепко, словно он привык замечать даже самые незначительные перемены вокруг себя.

Одет он был просто: в потёртую льняную рубаху, тёмную жилетку и плотные штаны.

— А вот и наш староста, — сказала Мара.

Мужчина остановился рядом.

— Дерн, — представился он. — Слышал, у нас новый жилец появился.

— Рэн.

— Знаю. Мара рассказала. Как здоровье?

— Уже лучше. Спасибо. Сил пока не так много, как хотелось бы, но с обычной работой справляюсь.

Дерн посмотрел на меня, затем на сложенные у сарая дрова.

— Работать начал?

— Немного. Дрова расколол, забор у соседа поправил.

— Это хорошо. У нас тут без дела долго не сидят. Завтра на сходе скажу, чтобы тебя включили в общий наряд. Пока будешь делать то, что поручат. Если что-то не сможешь — скажешь сразу. Не нужно никому доказывать, что ты крепче, чем есть.

— Понял. Я не собираюсь брать на себя больше, чем смогу сделать.

— Вот и ладно. Нам работники нужны, а не те, кого потом на руках домой нести придётся.

Староста уже собирался уходить, но тут со стороны улицы раздался звонкий голос:

— А мне никто не сказал, что тут новенький!

К избе подошла молодая девушка, на вид лет двадцати. Высокая, стройная, с длинными тёмно-русыми волосами, собранными в свободную косу. Несколько непослушных прядей выбились и обрамляли овальное лицо. Ореховые глаза смотрели спокойно и внимательно. На рукаве светлой рубахи темнело пятно сажи, а на поясе висел небольшой кожаный мешочек.

— Кира, ты опять из кузницы сбежала? — спросила Лисса.

— Я не сбежала. Мне поручили принести кое-что домой.

— И ты, конечно, по дороге решила обойти всю деревню?

— Разве это запрещено? Я же не могу всё время сидеть у горна.

Кира повернулась ко мне.

— Ты ведь Рэн? Я слышала, что ты у Мары. Если будет время, заходи в кузницу. Покажу, как мы работаем. Только руками ничего не трогай, пока не разрешат. Железо обжигает быстрее, чем кажется.

— Обязательно зайду. Мне всегда было интересно посмотреть на работу кузнеца. Особенно на то, как из обычной заготовки получается готовая вещь.

— Тогда тебе понравится. Только не стой слишком близко, когда будем работать с раскалённым металлом. И не задавай сразу тысячу вопросов, а то я за день ничего не успею сделать.

— Постараюсь ограничиться сотней.

Кира рассмеялась.

— Вот и договорились.

Она уже собиралась уходить, когда у калитки появилась ещё одна женщина средних лет с тёмными волосами, собранными в аккуратный пучок. Стройная, с мягкими чертами лица. В отличие от Киры, двигалась она спокойно, почти бесшумно.

— Веста, — представила её Мара. — Ткачиха.

— Не только ткачиха, — поправила Веста. — Если лён хорошо высохнет, потом ещё долго будем с ним возиться.

Она посмотрела на меня.

— Не переживай. Сначала покажем, как работать. Там ничего сложного, если не торопиться. Главное — не пытаться сделать всё за один раз.

— Буду благодарен, если покажете. Я пока не очень представляю, сколько времени занимают такие работы.

— Скоро узнаешь, — спокойно ответила Веста. — На словах всё кажется быстрее.

— В этом я уже успел убедиться.

Веста кивнула.

— Тогда до завтра.

Я успел поздороваться ещё с несколькими жителями, прежде чем они разошлись по своим делам. Дерн отправился к соседям, Лисса забрала корзину, Кира поспешила обратно в кузницу. Только Тиль продолжал крутиться возле меня.

— А завтра я тоже пойду на поле, — сообщил он.

— Работать?

— Ну… помогать.

— А в чём разница?

— Иногда большая. Если работа скучная, можно найти что-нибудь интереснее.

Мара усмехнулась.

— Тиль, лучше помоги матери. Ей сегодня нужно закончить работу.

Мальчик насупился, но спорить не стал.

— Ладно. Только завтра покажу Рэну дорогу к реке.

— Если он успеет после работы, — ответила Мара.

— Успею, — сказал я.

Тиль просиял и убежал.

Я проводил его взглядом. За короткое время успел познакомиться с несколькими жителями деревни. Пока что все они казались обычными людьми, занятыми своими заботами. Но каждый был немного не похож на другого.

Борн — неторопливый и основательный. Лисса — строгая, но справедливая. Дерн — человек, привыкший отвечать за других. Кира — шумная и любопытная. Веста — спокойная и немногословная.

А Тиль, похоже, мог заговорить с кем угодно и не заметить, как пролетит целый день.

Вечером мы с Марой сидели за столом. Женщина разложила перед собой принесённые травы, отделяя одни от других.

— Ты быстро со всеми познакомился, — заметила она.

— Они сами познакомились. Я только успевал отвечать на вопросы.

— Так бывает, когда не сидишь целыми днями в избе.

Я улыбнулся.

— Борн хороший человек. И, похоже, умеет находить общий язык с соседями.

— Да. Землю знает, руки у него умелые. После смерти жены ему одному пришлось поднимать детей. Не жалуется, хотя забот у него хватает.

— А Лисса? Она, кажется, привыкла, чтобы всё делалось по её указаниям.

— Она давно занимается полевыми работами. Если сказала, что нужно сделать, лучше не спорить. Но и обижать зря не станет. Просто не любит, когда люди мешают делу.

— Дерн тоже показался строгим.

— Староста. Ему приходится думать не только о себе. Иногда нужно принимать решения, которые кому-нибудь не понравятся.

Я вспомнил, как мужчина смотрел на меня возле калитки.

— Он ведь не обязан был сразу включать меня в общий наряд.

— Не обязан. Но ты живёшь в деревне, ешь нашу еду, пользуешься нашей помощью. Дерн просто хочет, чтобы ты понимал: здесь каждый чем-то помогает остальным.

— Я это понимаю. Да и не собираюсь сидеть у тебя на шее.

Мара подняла на меня глаза.

— Я тебя за это не упрекаю. Но и торопиться не нужно. Ты ещё не совсем окреп.

— Постараюсь найти середину.

Она чуть улыбнулась.

— А Кира?

— Похоже, ей нравится кузница. Она так о ней рассказывала, будто там целый отдельный мир.

— Ещё бы. Сколько себя помню, она там крутится. Упрямая девчонка. Зато если берётся за дело, доводит до конца.

— А Веста?

— Хорошая мастерица. Не слишком разговорчивая, но руки у неё золотые.

— А Тиль?

Мара тихо рассмеялась.

— А Тиль — это отдельная история. Его отец ушёл с караваном и не вернулся. Мать работает у Весты. Мальчишка с тех пор почти всё время сам по себе. Любопытный, непоседливый. Иногда из-за него у нас больше хлопот, чем от целого стада коз.

Я вспомнил, как он увлечённо рассказывал о тропах и волках.

— Он хороший. Просто ему, похоже, не хватает компании.

— Возможно. Только не позволяй ему втянуть тебя в какую-нибудь глупость. Он умеет находить приключения даже там, где их совсем не ждут.

— Постараюсь.

Мара вернулась к травам, а я принялся за ужин.

— Завтра на поле пойдёшь? — спросила она.

— Да. Хочу посмотреть, чем тут занимаются. Может, смогу чем-нибудь помочь.

— Тогда сегодня ложись пораньше. И помни, что тебе ещё нужно восстановиться.

— Я не собираюсь надрываться.

— Все так говорят.

Я улыбнулся и ничего не ответил.

После ужина я вышел на крыльцо. Деревня постепенно затихала. Где-то хлопнула дверь, неподалёку залаяла собака. Из соседнего двора доносились приглушённые голоса, а потом и они стихли.

Я смотрел на дома, на огни в окнах, на тёмные силуэты деревьев за огородами.

Ещё утром всё это казалось чужим. Теперь у меня появились знакомые лица. Люди, которым можно сказать доброе утро, попросить совета или просто помочь с работой.

Я пока не знал, что будет дальше. Не знал, как вернуться к прежней жизни, если это вообще возможно. Не знал даже, действительно ли во мне есть магический дар.

Но завтра меня ждала работа на поле. А ещё Мара обещала показать способ, который, возможно, поможет мне разобраться в собственных ощущениях.

— Замёрзнешь, — сказала она из дверей.

Я обернулся.

— Уже иду.

— И не забудь, завтра покажу тебе то, о чём говорили.

— Не забуду.

Я поднялся и вошёл в избу.

Завтра предстояло познакомиться с деревней поближе. И, пожалуй, это было неплохое начало.

Первый всплеск

Мара разбудила меня ещё до рассвета.

Не трясла за плечо и не кричала. Просто поставила рядом кружку тёплого травяного настоя и негромко сказала:

— Вставай. Утро — самое тихое время. Хорошо подходит для первого занятия.

Я открыл глаза и несколько секунд смотрел на потолок. Вчерашний день вспомнился не сразу: колка дров, покосившийся забор, Борн у колодца, разговоры с деревенскими жителями. Всё это казалось непривычным, но уже не таким чужим, как ещё пару дней назад.

— Уже утро? — спросил я, садясь на постели.

— Если бы было ещё темно, я бы сказала, что ночь.

Я усмехнулся, потёр лицо и взял кружку.

— А если я не умею вставать так рано?

— Тогда научишься. Магия подождёт, а вот утро — нет.

Настой оказался горьковатым, но уже не настолько противным, чтобы хотелось немедленно выплюнуть его.

Умывшись прохладной водой, я натянул чистую рубаху и подошёл к окну. За стеклом ещё держались сумерки. Деревня спала. Только над несколькими крышами поднимался дым — кто-то из жителей тоже встал раньше остальных.

— И что мне делать? — спросил я, обернувшись.

Мара указала на место возле окна.

— Сядь. Удобно, чтобы спина не уставала. Ноги можешь скрестить, можешь вытянуть. Главное — не заставляй себя терпеть неудобство. Сегодня нам не нужно проверять, сколько ты способен высидеть.

Я устроился на лавке, положил руки на колени и закрыл глаза.

— Теперь не торопись. Не пытайся вызвать силу и не ищи её специально. Просто прислушайся к себе.

Первые минуты ничего не происходило.

Вернее, происходило слишком многое. Я слышал, как потрескивают угли в печи, как ветер шевелит что-то за стеной, как Мара переставляет посуду. Собственные мысли тоже не собирались затихать.

Правильно ли я сижу? Может, лучше выпрямить спину? Сколько времени нужно так просидеть?

Я поймал себя на том, что пытаюсь превратить занятие в привычную задачу: определить условия, найти закономерность, получить результат.

Только здесь не было ни чертежа, ни измерительного прибора.

— Не торопись, — негромко сказала Мара. — Ты всё время пытаешься что-то сделать. Иногда полезнее просто заметить то, что уже есть.

Я глубоко вдохнул и медленно выдохнул.

Постепенно звуки избы отошли на второй план. Я стал замечать собственное дыхание, биение сердца, лёгкое напряжение в плечах. Потом — тепло в ладонях и прохладу воздуха на лице.

Ничего необычного.

В прежней жизни я встречал слово «медитация». Тогда оно казалось мне чем-то далёким от привычных занятий, скорее из области духовных практик. Но сейчас, когда я сидел с закрытыми глазами, стараясь успокоить мысли и сосредоточиться на собственных ощущениях, сходство стало очевидным.

По сути, я занимался чем-то похожим. Только Мара не называла это никаким особым словом и, похоже, вообще не стремилась дать своему способу название.

Я уже собирался открыть глаза, когда вспомнил её слова о том, что некоторые люди чувствуют магию как тепло или свет где-то внутри груди.

Я попробовал представить, что смотрю на себя со стороны.

Не на собственное отражение, а словно на рисунок, где обозначены тело, его границы и внутреннее устройство. Это оказалось проще, чем пытаться искать что-то на ощупь. Привычка инженера помогала отстраниться и рассмотреть себя как целое.

Сначала я ничего не заметил.

Потом в глубине груди появилось слабое ощущение. Не боль и не давление. Скорее едва заметное тепло, которое трудно было отличить от обычного ощущения собственного тела.

Я сосредоточился.

Тепло не исчезло.

— Что-нибудь чувствуешь? — спросила Мара.

— Пока не уверен. Кажется, что-то есть, но я не могу сказать наверняка.

— Не пытайся почувствовать именно то, о чём я рассказывала. Если ничего нет, так и скажи.

Я едва заметно кивнул.

Снова отстранился от внешних звуков и вернулся к этому ощущению. Попробовал представить его точкой, как если бы рассматривал небольшой участок чертежа через увеличительное стекло.

Точка стала отчётливее.

В ней будто что-то двигалось. Не пульсировало в такт сердцу, не переливалось, а существовало по собственному ритму. Мне показалось, что я приблизился к чему-то, чего раньше просто не замечал.

Я попытался рассмотреть это внимательнее.

И тут ощущение резко усилилось.

Тепло превратилось в жар. На мгновение мне показалось, что внутри груди вспыхнул небольшой огонь. Я почувствовал сильное давление, словно воздух в лёгких вдруг стал плотнее.

Я невольно дёрнулся и распахнул глаза.

По избе пронёсся порыв ветра.

Занавеска взметнулась, несколько сухих травинок слетели с полки, а стоявшая на столе деревянная миска сдвинулась и ударилась о край. Угли в печи вспыхнули ярче, разметав несколько искр.

Всё закончилось так же внезапно, как началось.

Я сидел неподвижно, тяжело дыша. В груди ещё сохранялось странное тепло, но оно быстро угасало.

Мара не двигалась. Она смотрела на меня, и впервые за всё время нашего знакомства на её лице появилось неподдельное удивление.

— Ты почувствовал что-нибудь перед тем, как это произошло?

— Да. Как будто что-то вспыхнуло внутри.

— Боль была?

— Нет. Скорее давление. И жар. Сначала было просто тепло, а потом словно резко стало горячо.

Мара подошла к столу, подняла миску и поставила её на место. Потом посмотрела на занавеску, на рассыпавшиеся травы и снова на меня.

— Расскажи, что ты делал. Только не пытайся объяснить, почему это произошло. Сначала расскажи, что именно почувствовал.

Я задумался, стараясь восстановить последовательность.

— Я представил себя со стороны. Как будто смотрел на собственное тело на чертеже. Потом заметил что-то вроде точки в груди. Попытался рассмотреть её поближе. Словно через лупу.

— Через лупу? — переспросила Мара.

— Ну да. Представил, что могу увеличить изображение. Сначала было просто тепло, потом я словно приблизился к нему. Оно стало ярче, сильнее… А дальше я уже не понял, что произошло.

Мара медленно кивнула.

— Значит, ты не пытался вызвать силу?

— Нет. Я хотел только понять, что там находится.

— И как ты это назвал бы?

Я на мгновение задумался.

— Наверное, ядром. Что-то вроде тёплой точки внутри груди. Не знаю, почему именно так, но другое слово пока не подходит.

Мара не удивилась.

— Ядром тоже называют. Кто-то говорит «сила», кто-то — «источник магии». Слова разные, а говорят примерно об одном.

— Значит, я не придумал ничего необычного.

— Необычно не название, а то, что ты сумел это почувствовать. Но пока рано делать выводы.

— А ветер?

— Не знаю. Я видела, что произошло, но не могу сказать, что именно ты сделал. Может быть, сила вышла наружу, когда ты потерял контроль над ощущением. Может, причина была другой.

— Но это была магия?

Мара посмотрела на меня внимательнее.

— Похоже на неё. Однако одного случая недостаточно, чтобы утверждать наверняка. И уж точно недостаточно, чтобы считать, будто ты уже умеешь ею пользоваться.

Я опустил взгляд на свои руки.

Я не чувствовал себя сильнее. Не появилось ни особой ясности в голове, ни ощущения, что теперь мне доступно что-то невероятное. Только усталость и странное послевкусие от пережитого.

— Я думал, будет сложнее, — признался я.

— Сложнее будет потом, — ответила Мара. — Почувствовать что-то и научиться этим управлять — разные вещи. Ты ведь можешь увидеть огонь, но это ещё не значит, что умеешь поддерживать его в печи.

Она поправила сбившуюся занавеску.

— И ещё одно. Не пытайся повторить то, что случилось сейчас, без меня. Пока ты не понимаешь, что произошло, лучше не экспериментировать в одиночку.

— Хорошо. Не собирался я устраивать ещё один такой ветер.

— Вот и славно. Мне и этого хватило.

Я посмотрел на рассыпанные травы.

— Кажется, я немного прибавил тебе работы.

— Немного? — Мара подняла с пола очередной пучок. — Если ты собираешься каждый раз так знакомиться с магией, мне придётся заранее убирать всё с полок.

Я рассмеялся. Напряжение понемногу отпускало.

Когда мы закончили собирать травы, Мара достала из сундука небольшую тетрадь в потёртой кожаной обложке.

— Ты вчера перед сном спрашивал, есть ли у меня книги о магии.

— Спрашивал. Надеялся, что найдётся что-нибудь почитать.

— Учебников нет. Но кое-что показать могу.

Она протянула мне тетрадь.

Я осторожно раскрыл её. На страницах были аккуратные записи, рисунки листьев, корней и цветов. Попадались схемы человеческого тела с пометками, короткие описания болезней и способов лечения.

— Это твои записи?

— Мои. Вела их много лет назад, потом дополняла. Здесь травы, наблюдения за болезнями, способы приготовления настоев. Ничего особенного.

— По-моему, очень даже особенного.

Я перелистнул несколько страниц. Записи были сделаны аккуратным почерком, а рядом с описаниями растений встречались небольшие замечания: где лучше собирать, в какое время сушить, как меняется действие при разных способах приготовления.

Я задержался на рисунке человеческого тела.

— Ты хорошо знаешь анатомию.

— Достаточно, чтобы понимать, где искать причину болезни. Но не настолько, чтобы считать себя большим лекарем.

— А где ты этому научилась?

Мара чуть улыбнулась.

— У разных людей. Чему-то научилась из книг, чему-то — на практике. Знания редко приходят из одного места.

Она забрала тетрадь и убрала её обратно в сундук.

— Запомни одну вещь, Рэн. Наблюдение полезно только тогда, когда умеешь отличать то, что видел сам, от того, что тебе показалось.

Я посмотрел на неё.

— Ты сейчас про то, что произошло?

— И про это тоже. Ты можешь сколько угодно представлять, что увидел внутри себя огонь, но это ещё не значит, что он там был. Пока у нас есть только твои ощущения и то, что произошло в избе. Этого мало, чтобы делать уверенные выводы.

Я задумался.

В моей прежней жизни я привык опираться на измерения, показания приборов, расчёты. Даже там, где не хватало информации, можно было поставить опыт, сравнить результаты и постепенно приблизиться к ответу.

Здесь тоже, похоже, придётся начинать с наблюдений.

— Значит, магию тоже можно изучать? Не просто учиться повторять то, что показывают другие, а разбираться, почему это работает?

— Конечно. Маги ведут записи, собирают знания, проверяют свои догадки. Некоторые даже пишут целые книги. Только не думай, что книга даст тебе готовый ответ на любой вопрос.

— А заклинания? Слова, жесты, всякие знаки?

— Это помогает. Кому-то проще сосредоточиться, когда он произносит определённые слова. Кому-то — когда двигает руками. Печати и рисунки тоже могут пригодиться, если нужно удержать или направить силу. Но сами по себе они ничего не сделают.

— То есть можно знать заклинание наизусть, но не суметь его выполнить?

— Именно. Можно выучить все слова, правильно сложить пальцы, а толку не будет, если не понимаешь, что делаешь.

— А ритуалы?

Мара на мгновение задержала взгляд на сундуке.

— Есть такие, о которых лучше не говорить без нужды. Некоторые из них запрещены не просто так. Люди любят искать короткие пути, особенно когда им кажется, что обычных сил недостаточно.

— И что происходит?

— По-разному. Я не стану рассказывать тебе страшные истории, половина которых может оказаться выдумкой. Но скажу одно: не всякое знание стоит проверять на себе.

Я не стал расспрашивать дальше. Пока мне хватало и того, что я узнал утром.

Немного помолчав, я сказал:

— Мне кажется, здесь важно не только представить, чего хочешь добиться. Нужно ещё понимать, как это должно произойти. Если хочешь нагреть воду, мало пожелать, чтобы она стала горячей. Нужно каким-то образом передать ей тепло.

Мара посмотрела на меня с интересом.

— А если захочешь заставить воду двигаться?

— Нужно понять, откуда берётся движение. Наверное, чем сильнее воздействие, тем больше потребуется силы. Хотя я пока не знаю, как именно магия это делает.

— Вопрос разумный. Но пока это только твои догадки. Не забывай об этом.

Я улыбнулся.

— Я и не собирался сразу строить водяную мельницу.

— Хорошо. А то мне уже стало жаль мельницу.

Мара поднялась и подошла к двери.

— На сегодня с занятиями закончили. Иди на лён. Лисса вчера говорила, что работы много. А мне нужно подумать над тем, что произошло утром.

— Ты не будешь продолжать?

— Нет. Сегодня тебе полезнее заняться обычными делами. Не всё в жизни должно крутиться вокруг магии.

На улице уже окончательно рассвело.

Деревня просыпалась. У домов хлопали двери, кто-то выводил скотину, неподалёку слышались голоса женщин. Воздух был прохладным и влажным. После утреннего занятия я чувствовал лёгкую слабость, но в целом был в порядке.

Лисса уже ждала работников у края поля.

— Опоздал, — бросила она, когда я подошёл.

Я невольно посмотрел на небо.

— Солнце ещё толком не поднялось.

— А лён сам себя не соберёт. И я не собираюсь ждать, пока ты выспишься.

Она протянула мне небольшой нож и показала на ряд стеблей.

— Срезай аккуратно, не хватай всё подряд. Пучки складывай сюда. Тиль покажет, где удобнее работать.

Мальчик тут же возник рядом.

— Я уже всё знаю! — заявил он. — Вон там стебли ровнее. А ещё возле канавы земля мягкая, там легче.

— Только сам не провались в канаву, — заметила Лисса.

— Я не маленький!

— Конечно. Поэтому вчера чуть не уронил корзину в колодец.

Тиль нахмурился, но промолчал.

Я улыбнулся и принялся за работу.

Сначала движения давались не так легко, как хотелось. После вчерашней работы руки немного ныли, а утреннее занятие с магией оставило странную усталость. Но постепенно я поймал ритм: срезать стебли, собрать, выровнять, связать.

Веста работала неподалёку. Заметив, как я завязываю очередной пучок, она подошла и молча показала другой способ.

— Так крепче, — объяснила она. — Только не затягивай слишком сильно. Стебли потом ломаются.

Я попробовал повторить.

— Вот так?

Веста проверила узел, слегка потянула за пучок и кивнула.

— Сойдёт. Со временем быстрее будет получаться.

Для неё это, похоже, было полноценной похвалой.

Через некоторое время появилась Кира. Она несла небольшую корзину и что-то рассказывала женщине, шедшей рядом.

— Рэн! — крикнула она, заметив меня. — Не передумал ещё к кузнице заглянуть?

— Пока нет. Если ты всё ещё собираешься показать мне работу с молотом, я приду.

— Собираюсь. Только не думай, что сразу дам тебе настоящий молот. Начнём с чего-нибудь полегче.

— А если я там всё испорчу?

— Значит, будешь учиться не портить!

Она рассмеялась и пошла дальше.

Я покачал головой.

— Она всегда такая? — спросил я у Тиля.

— Какая?

— Громкая.

— Она кузнецу помогает. Там все громкие.

Тиль сказал это с такой уверенностью, словно речь шла о важном законе природы.

Работа продолжалась. Лисса время от времени подходила к рядам, проверяла, как идут дела, и поправляла тех, кто торопился. Борн принёс несколько дополнительных жердей для сушильной площадки и помог укрепить один из столбов.

Ближе к полудню к нам подошёл Дерн.

Староста некоторое время молча наблюдал за работой. Потом остановился возле меня.

— Как руки?

— Устают, но терпимо.

Дерн посмотрел на собранные пучки.

— Работаешь аккуратно. Это хорошо. Только не вздумай думать, что теперь всё время будешь делать только лёгкую работу.

— Я и не рассчитывал. Просто пока не хочу брать больше, чем смогу осилить.

— Правильно. Лучше честно сказать, что не справишься, чем подвести остальных.

Староста кивнул Лиссе и направился дальше.

Я проводил его взглядом.

— Он всегда такой серьёзный? — спросил я у Тиля.

— Дерн? Конечно. Он же староста.

— А старостам нельзя улыбаться?

Тиль задумался.

— Наверное, можно. Только я не видел.

К полудню мы сделали небольшой перерыв. Я сел на край деревянной площадки, вытянул ноги и достал хлеб, который дала мне Мара.

Тиль устроился рядом.

— А ты что-нибудь помнишь о своей деревне? — спросил он, отламывая кусок хлеба.

Я ненадолго задумался.

— Да. Но немного. Некоторые вещи помню хорошо, а другие будто стёрлись. Пытаюсь вспомнить — и ничего не выходит.

— А там тоже лён выращивали?

— Кажется, да. Но точно сказать не могу.

Тиль кивнул, словно этого ответа ему хватило, и немного помолчал.

— Мой отец тоже ушёл и не вернулся. С караваном. Мама говорит, что он мог задержаться, но уже давно никто не приносил от него вестей.

Я посмотрел на мальчика.

— Давно?

— С прошлого сезона.

Тиль произнёс это буднично, но больше не улыбался.

— Надеюсь, он вернётся, — сказал я.

— Я тоже.

Мальчик быстро поднялся, словно решил, что разговор затянулся.

— Пойдём, покажу, где Борн жерди хранит. Там есть одна кривая, её можно для чего-нибудь приспособить.

— Ты хочешь мне показать кривую жердь?

— Она необычная!

Я улыбнулся и пошёл следом.

После обеда работа продолжилась. Я помогал переносить пучки, поправлял верёвки на сушильной площадке, а под конец вместе с Борном укрепил одну из жердей, которая начала проседать под нагрузкой.

В этот раз я не стал долго рассматривать конструкцию и мысленно перестраивать её целиком. Просто заметил, где расшаталось крепление, попросил Борна подержать столб и помог закрепить его.

Получилось быстро.

— Руки у тебя на месте, — сказал Борн.

— Пока обе.

— Это уже неплохо.

Борн усмехнулся и вернулся к работе.

Когда солнце начало клониться к западу, Лисса объявила, что на сегодня достаточно.

Я чувствовал усталость, но она была приятной. За день я успел поработать, поговорить с людьми и узнать о деревне чуть больше, чем вчера.

И главное — меня уже не воспринимали исключительно как незнакомца, которого подобрали после набега. Мне поручали дела, спрашивали, справлюсь ли я с той или иной работой, звали помочь. Ничего особенного, но именно из таких мелочей, похоже, и складывалась жизнь общины.

Мара сидела на крыльце, когда я вернулся.

Перед ней стояла деревянная чашка, а на коленях лежала знакомая тетрадь.

— Ну как день? — спросила она.

— Нормально. Лён собирали. Веста показала, как лучше вязать пучки. Борн помог с сушильной площадкой. Тиль опять куда-то меня водил.

— Значит, без дела не сидел.

— Не получилось.

Я присел рядом.

Некоторое время мы молчали. Мара листала тетрадь, а я смотрел на деревенскую улицу. Люди возвращались с работ, кто-то загонял скотину, издалека доносился стук молота.

— Мара, — наконец спросил я, — а когда у нас в последний раз была инспекция?

Она закрыла тетрадь.

— Не так давно. Незадолго до того, как ты появился здесь. Она прошла по округу, проверили несколько поселений. До Лир-Холма тоже добрались.

Я повернулся к ней.

— То есть меня уже могли проверить?

— Если ты жил в этой деревне, возможно. Но ты пришёл сюда после набега. Я не знаю, где именно тебя проверяли и проверяли ли вообще. А если ты был в той сожжённой деревне, то мог просто не попасться им на глаза.

— А следующая когда будет?

— Обычно инспекция возвращается через три года. Точного дня я не назову, но порядок у них примерно такой.

Я немного помолчал, прикидывая сроки.

— Значит, если я правильно понял, следующая проверка будет примерно через три года?

— Именно. А что?

— Просто пытаюсь понять, сколько у меня времени. Если проверка подтвердит, что дар есть, придётся решать, что делать дальше. Не хотелось бы к тому моменту оказаться совсем неподготовленным.

Мара внимательно посмотрела на меня.

— Ты уже решил, что хочешь учиться?

— Пока не знаю. Сначала нужно понять, что со мной происходит. Но если дар действительно есть, я бы хотел узнать о нём больше.

— Это разумно. Только не торопись строить планы на том, чего пока не знаешь.

— Я понимаю. Но три года — не такой уж маленький срок. За это время можно многое сделать.

— Можно. Если не будешь пытаться успеть всё сразу.

Я вспомнил утренний порыв ветра и посмотрел на свои ладони.

— А если я захочу учиться магии до приезда инспекции?

— Тогда сначала придётся понять, что именно ты умеешь. А потом найти того, кто сможет тебя учить. Я могу помочь с тем, что знаю, но не стану притворяться мастером, которым не являюсь.

— Этого пока достаточно. Мне бы для начала разобраться с тем, что произошло утром.

— Вот с этого и начнём. Но не завтра с утра. Сначала я сама хочу подумать над тем, что увидела.

— Хорошо.

Мара чуть улыбнулась.

— И не вздумай в моё отсутствие снова устраивать ветер в избе.

— Постараюсь. Хотя, если честно, я бы предпочёл сначала научиться хотя бы зажигать свечу.

— До свечи ещё доберёмся.

Она поднялась и убрала тетрадь в дом.

Я остался сидеть на крыльце.

Три года.

К следующей проверке мне будет около восемнадцати. За это время можно было привести тело в порядок, научиться управлять тем, что скрывается внутри меня, и разобраться в устройстве этого мира. А ещё — найти своё место в деревне.

Я вспомнил покосившийся забор, сушильную площадку, колодец, разговоры с Борном. Здесь хватало вещей, которые можно было улучшить. Не обязательно с помощью магии. Иногда достаточно было подходящего инструмента, крепления или более удобного способа работы.

Я не знал, получится ли у меня освоить магию. Не знал, насколько сильным окажется мой дар и что потребуется для его развития. Но теперь у меня появилась хотя бы примерная цель.

За эти три года я хотел стать сильнее, научиться управлять своей силой и перестать быть человеком, которому деревня просто дала крышу над головой.

Я хотел стать тем, на кого здесь можно положиться.

— О чём задумался? — спросила Мара из дверей.

— Да так. Пытаюсь понять, сколько всего можно успеть за три года.

— Многое. Если не будешь тратить время попусту.

— Постараюсь.

Она кивнула и скрылась в избе.

Я поднялся и последовал за ней.

День оказался длинным. Утром я впервые почувствовал нечто, похожее на магию, днём работал наравне с остальными, а вечером узнал, что у меня есть время подготовиться к следующей проверке.

Впервые за долгое время у меня появился план. Пока небольшой, не слишком ясный, но вполне настоящий.

Проводник

Я проснулся ещё до рассвета.

На этот раз Мара не стала меня будить. Несколько мгновений я лежал, прислушиваясь к тишине, потом поднялся, умылся холодной водой и натянул рубаху.

В избе уже горел огонь. Мара стояла возле печи, помешивая что-то в небольшом котелке.

— Проснулся? — спросила она, не оборачиваясь.

— Как видишь.

— Хорошо. Сегодня попробуем кое-что другое.

Она налила настой в кружку и поставила передо мной.

Я сделал несколько глотков. Горечь уже не казалась такой неприятной, как в первые дни. Похоже, к местным травам тоже можно было привыкнуть.

— Вчера ты смог почувствовать ядро, — начала Мара, присаживаясь напротив. — Но сразу после этого потерял контроль. Сегодня попробуем обойтись без вспышек.

— И без ветра по всей избе?

— Особенно без ветра по всей избе. Я ещё не успела собрать все травы, которые ты вчера разметал.

Я виновато улыбнулся.

— Постараюсь больше не устраивать беспорядок.

— Вот и хорошо. А теперь садись.

Мара указала на привычное место у окна.

Я устроился на лавке и закрыл глаза.

— Вспомни вчерашнее ощущение, — продолжила она. — Но не пытайся повторить то, что произошло потом. Не ищи ядро заново. Ты уже знаешь, где оно находится. Просто попробуй почувствовать его присутствие. Не нужно ничего усиливать и не нужно тянуться к нему.

Я сосредоточился.

Сначала в груди было пусто. Потом, когда я перестал ждать немедленного результата, появилось знакомое слабое тепло.

На этот раз я не стал приближать его мысленным взглядом, как вчера. Вместо этого попробовал просто удержать внимание на ощущении.

В голове возник образ уголька в горне. Он не горел ярко, не давал сильного жара, но и не гас. Чтобы поддерживать его, не требовалось постоянно подбрасывать топливо. Достаточно было следить, чтобы он не потерял тепло.

Ощущение в груди стало отчётливее.

Мне захотелось сосредоточиться сильнее, но я вспомнил предупреждение Мары и не стал этого делать. Просто продолжал наблюдать, стараясь не вмешиваться.

Прошло несколько минут.

— Что-нибудь чувствуешь? — спросила она.

— Да. Кажется, получается.

— Не кажется. Либо чувствуешь, либо нет.

— Чувствую. Только оно слабее, чем вчера.

— Это хорошо. Вчера ты едва не выпустил наружу всё, что смог почувствовать. Сегодня нам этого не нужно.

Я продолжал сидеть неподвижно. Ощущение оставалось, но удерживать внимание на нём становилось всё труднее. Мысли то и дело отвлекались, а вместе с ними слабело и тепло.

Наконец я открыл глаза.

— Исчезло.

— Само?

— Скорее, я перестал его чувствовать. Не уверен, что оно действительно исчезло.

Мара кивнула.

— На первый раз достаточно. Не пытайся удержать то, чего пока не умеешь удерживать.

— А как долго это должно продолжаться?

— Пока не знаю. У каждого по-разному. Но запомни: сейчас ты учишься замечать ядро, а не заставлять его работать. Это разные вещи.

Я потёр переносицу, пытаясь разобраться в услышанном.

— Получается, мне нужно научиться чувствовать его постоянно?

— В идеале — да. Но не думай, что должен ходить целый день и следить за ним. Сначала научись находить его по собственному желанию. Потом попробуем понять, как оно реагирует на твои мысли и действия.

Она немного помолчала, словно решая, с чего лучше начать.

— Я расскажу тебе то, чему меня учили. Только помни: это не полный ответ на все вопросы.

Я выпрямился.

— Я слушаю.

— Нас учили, что сила присутствует во всём мире. Её нельзя увидеть обычным зрением, но маг способен ощущать её и взаимодействовать с ней. Ядро помогает ему собирать и удерживать эту силу. А уже потом маг направляет её на то, что хочет сделать.

Я задумался.

— Получается, ядро вроде накопителя?

— Если тебе так проще понять — пусть будет накопителем. Только не представляй его обычным сосудом, который можно наполнить до краёв и спокойно носить с собой.

— Почему?

— Потому что оно связано с самим человеком. С его телом, волей, состоянием. Когда маг устаёт, ему становится труднее удерживать силу. Если он пытается взять больше, чем способен контролировать, может потерять сознание. Иногда последствия бывают куда хуже.

Я вспомнил вчерашний порыв ветра и невольно посмотрел на свои ладони.

— Значит, я мог навредить себе?

— Мог. Но я не знаю, сколько силы ты тогда выпустил и что именно произошло. Поэтому мы не станем торопиться.

— А от чего зависит, сколько силы человек может удержать?

— От многих вещей. От самого ядра, от подготовки тела, от способности сосредоточиться. Одни могут долго поддерживать простое воздействие, другие способны ненадолго высвободить много силы. Но сила без контроля редко приносит пользу.

Я слушал внимательно. В голове постепенно складывалась схема, хотя понимал, что пока знаю слишком мало, чтобы считать её правильной.

Если представить ядро накопителем, то оно должно было каким-то образом взаимодействовать с окружающей силой, накапливать её и отдавать по мере необходимости. Но насколько эта аналогия соответствовала действительности, я пока не знал. Возможно, само слово «накопитель» было слишком грубым упрощением.

— А ты сама умеешь пользоваться магией? — спросил я.

Мара посмотрела на меня.

— Умею.

— Тогда почему ты живёшь здесь и лечишь людей травами? Неужели магия исцеления не могла бы заменить всё это?

— Нет, Рэн. Магия не заменяет знания. Иногда она помогает быстрее, иногда позволяет сделать то, что обычными средствами невозможно. Но если ты не понимаешь, что происходит с человеком, сила не обязательно поможет.

Она ненадолго замолчала, а затем добавила:

— Я знаю это не понаслышке.

Я заметил, что её голос изменился.

— Ты училась лечить магией?

— Да. Когда была моложе.

— Где?

Мара некоторое время смотрела на огонь в печи.

— В Альтарионе. Это столица королевства. Там я родилась, там же прошло моё детство.

Я не стал перебивать.

— У меня обнаружили дар, когда я была совсем молодой. Инспекция тогда тоже проходила по округу. Меня проверили, а потом отправили на обучение. Я успела пройти два курса в академии.

— Два курса? — переспросил я. — А почему не закончила?

— Потому что поняла, что академия не собирается делать из меня великого мага. У меня обнаружилась склонность к исцелению, но других выдающихся способностей не было. Ни к огню, ни к воздуху, ни к тем направлениям, которые особенно ценились при дворе.

— И тебя отчислили?

— Нет. Я сама отказалась продолжать обучение на предложенных условиях. Мне предлагали службу, но я не хотела связывать с ней всю жизнь.

— А что было дальше?

— Я осталась в городе. Стала заниматься лечением, изучать травы, тело человека, болезни. Многое узнавала у других лекарей, кое-что — из книг. Позже стала работать самостоятельно.

— Но ведь ты могла продолжить изучать магию?

— Могла. Только для этого нужны были деньги, хорошие наставники и время. А у меня всего этого было немного. Не каждый человек может позволить себе всю жизнь заниматься только тем, что ему интересно.

Мара поднялась и сняла с полки небольшую банку.

— К тому же магия исцеления не всегда решает проблему. Можно закрыть рану, остановить кровь, облегчить боль. Но если ты не понимаешь, почему человек заболел, то можешь потратить всю силу и ничего не изменить.

Я вспомнил её тетрадь с рисунками и записями.

— Поэтому ты так много записывала?

— Поэтому тоже. Я всегда считала, что наблюдения нужно сохранять. Человеческая память не безгранична. А чужой опыт иногда оказывается полезнее собственного.

Она поставила банку на место и продолжила:

— Потом я встретила своего будущего мужа. Он служил офицером королевской стражи.

— Значит, ты жила среди военных?

— Не совсем. Но рядом с ним я узнала немало о том, как устроена столица. О службе, дворце, знатных семьях. Иногда приходилось бывать на приёмах, слышать разговоры, в которых обычному человеку лучше было бы не участвовать.

— Ты говорила, что знаешь большой мир. Теперь понятно откуда.

— Не спеши считать меня знатоком всего на свете, — усмехнулась Мара. — Я видела далеко не всё. Но в столице достаточно времени провела, чтобы научиться отличать красивые слова от того, что за ними обычно скрывается.

Я улыбнулся.

— А муж?

На лице Мары появилась мягкая улыбка.

— Он был человеком непростым. Сдержанным, иногда слишком суровым. Но честным. Во всяком случае, я всегда хотела в это верить.

Она ненадолго замолчала, словно вспоминая что-то своё.

— У нас родились двое сыновей. Сейчас они взрослые, живут в Альтарионе. У каждого своя жизнь. Мы с мужем уехали из столицы, когда он оставил службу. Он устал от приказов, дворцовых разговоров и постоянной необходимости смотреть по сторонам. Хотел спокойствия.

— И вы выбрали Лир-Холм?

— Да. Здесь было тихо. Люди знали друг друга, земля давала достаточно, чтобы жить. Мы думали, что наконец сможем просто пожить для себя.

Я заметил, как Мара отвела взгляд.

— Но потом он умер?

Она кивнула.

— Внезапно. Болезнь началась с обычной слабости. Потом ему становилось всё хуже. Я пробовала лечить его травами, использовала магию, обращалась к тем, кто мог помочь. Ничего не сработало.

— Ты не смогла понять, что с ним?

— Нет. И это было самым тяжёлым. Я видела, как он угасает, но не понимала, что именно происходит. Магия исцеления не всесильна. Она не может исправить то, о чём ты ничего не знаешь.

Мара опустила глаза.

— Я потеряла мужа, хотя у меня были знания, опыт и дар. После этого долго не могла даже смотреть на свои старые записи.

Я не знал, что ответить.

Впервые за время нашего знакомства я видел в Маре не только спокойную, рассудительную женщину, которая умела найти нужные слова и не терялась в трудных ситуациях. Передо мной был человек, который тоже ошибался, терял близких и сталкивался с тем, чего не мог исправить.

— Прости, — тихо произнёс я. — Не хотел заставлять тебя вспоминать.

— Ты ничего плохого не сделал. Просто спросил.

Мара поднялась и подошла к окну.

— Знаешь, Рэн, я не собираюсь делать из тебя великого мага. И не обещаю, что смогу научить всему, что знаю. Мои знания ограничены. Но если у тебя действительно есть дар, я помогу тебе разобраться с ним настолько, насколько смогу.

Я посмотрел на неё.

— Почему?

— Почему что?

— Почему ты вообще взялась меня учить? Ты ведь могла просто оставить меня в покое. Дать еду, крышу, а дальше пусть разбирается кто-нибудь другой.

Мара повернулась ко мне.

— Потому что ты оказался здесь не по своей воле. И потому что я знаю, чем может закончиться неумелое обращение с даром. Если способности у тебя действительно есть, будет неправильно делать вид, что ничего не произошло.

Она немного помолчала.

— К тому же мне интересно, что из тебя получится.

Я невольно улыбнулся.

— Значит, я ещё и эксперимент?

— Не льсти себе. Эксперименты обычно ведут себя послушнее.

Мы оба рассмеялись.

— А теперь запомни, — сказала Мара уже серьёзнее. — То, что я рассказала, не означает, что завтра ты сможешь управлять ветром или зажигать огонь одним движением пальца. Сначала научись чувствовать ядро. Не торопись. И не пытайся повторить вчерашний выброс.

— Постараюсь. Хотя мне самому хотелось бы разобраться, что тогда произошло.

— Разберёмся. Но постепенно.

Она посмотрела на кружку в моих руках и добавила:

— Сегодня больше заниматься не будем. У тебя есть работа в деревне.

Я поднялся.

— Опять лён?

— Если Лисса ещё не закончила, то да. А если закончила, найдётся что-нибудь другое. Здесь работы хватает.

Когда я вышел из избы, деревня уже просыпалась.

У кузницы слышался стук молота. Где-то за домами перекликались женщины, собираясь на работу. По дороге прошёл Борн с двумя жердями на плече.

— Доброе утро! — крикнул он.

— Доброе!

— Сегодня к колодцу загляни. Надо посмотреть, как там крепление держится.

— Хорошо. После работы подойду.

— Вот и договорились.

Борн поправил жерди на плече и направился дальше.

Чуть поодаль я заметил Тиля. Тот сидел на перевёрнутом ведре и что-то мастерил из тонких веток. Судя по сосредоточенному лицу, занятие было для него чрезвычайно важным.

— Что делаешь? — спросил я, подходя ближе.

— Ловушку.

— На кого?

— На мышь.

Я присел рядом и осмотрел конструкцию. Несколько веток были связаны между собой, а одна служила своеобразной подпоркой.

— И как она должна работать?

— Мышь забежит, заденет палочку, и всё упадёт.

— А сама мышь?

Тиль пожал плечами.

— А что мышь?

— Она успеет выбежать?

Мальчик задумался и посмотрел на ловушку.

— Не знаю. Наверное, если быстро побежит.

— Тогда, может, стоит сделать так, чтобы у неё было поменьше шансов?

Тиль посмотрел на меня с явным интересом.

— Покажешь?

Я взял несколько веток и стал объяснять, как можно закрепить одну из них, чтобы конструкция не срабатывала раньше времени.

— Вот здесь подпорка держит всё остальное, — сказал я, показывая на узел. — Если она будет стоять ровнее, ловушка не упадёт от случайного движения.

— А мышь всё равно попадётся?

— Если правильно всё устроить. Но сначала надо проверить.

Тиль тут же принялся поправлять конструкцию.

Я поймал себя на том, что улыбаюсь.

Ещё несколько дней назад у меня не было ни дома, ни знакомых, ни понимания того, что ждёт впереди. Теперь меня уже звали помочь с колодцем, показывали деревенские дела и просили совета по каким-то мелочам.

Я всё ещё был чужаком. Но, кажется, постепенно переставал им быть.

И где-то внутри, под грудью, оставалось едва заметное тепло. Я не пытался усилить его или удержать. Просто знал, что оно там.

Впереди было много работы. Три года до следующей инспекции — достаточно времени, чтобы многое изменить, если не тратить его впустую.

Теперь у меня появился человек, который мог помочь разобраться с магией.

И, возможно, впервые с момента пробуждения на Арионе я чувствовал, что мне не придётся искать ответы в одиночку.

Легенда о равновесии

День шёл своим чередом. Я успел помочь Борну с покосившимся навесом, немного поработал с Вестой и выслушал очередную историю Тиля о том, как тот однажды самостоятельно починил сломанную телегу. Правда, по словам мальчишки, после ремонта телега проехала всего несколько шагов, но Тиль считал это несущественной подробностью.

— Зато сама поехала! — с гордостью заявил он, когда я осторожно поинтересовался, чем закончилась история.

Спорить я не стал. Для его возраста это и в самом деле было достижением.

Однако мысли мои то и дело возвращались к магии.

Я уже знал, что во мне есть нечто, связанное с магией, и научился хотя бы ненадолго ощущать это. Но пока всё это оставалось слишком расплывчатым. Хотелось увидеть, как магия проявляется у других, особенно в обычной жизни. Не в рассказах о великих магах и невероятных заклинаниях, а здесь, рядом, среди людей, которые каждый день работают, спорят и занимаются своими делами.

И тут я вспомнил Киру.

Я слышал от местных, что Кира способна чувствовать слабые места металлических деталей и механизмов. Сперва я не придал этому особого значения, но теперь мне стало интересно, как именно работает её способность.

Кузницу я услышал ещё до того, как подошёл к ней. Звон молота разносился по улице, смешиваясь с голосами. Из открытых дверей тянуло дымом и жаром.

Внутри Кира как раз спорила с кузнецом. Она стояла возле наковальни, удерживая щипцами раскалённую заготовку.

— Да говорю же, её повело! Посмотри на край!

— Ничего там не повело, — проворчал кузнец. — Ты бы лучше держала ровнее.

— А ты бы лучше смотрел, куда бьёшь!

Кузнец что-то буркнул в ответ, но заготовку всё-таки повернул.

Кира заметила меня и тут же широко улыбнулась.

— О! А вот и наш мастер по подпоркам! Заходи, только под ноги смотри. Тут не деревенская дорожка.

— Уже заметил, — ответил я, отступая от очередной искры.

— Тогда стой там и не мешай. Или хочешь поработать?

— Смотря что предложишь.

— Для начала подержишь щипцы. Посмотрим, насколько у тебя крепкие руки.

Она протянула мне инструмент, показала, как лучше ухватить заготовку, и вернулась к наковальне.

Работа пошла быстро. Кузнец бил молотом, Кира поворачивала металл, иногда подсказывая, куда лучше направить следующий удар. Она двигалась уверенно, без лишней суеты, но при этом умудрялась говорить почти без остановки.

Я заметил, что перед некоторыми ударами она словно прислушивалась к заготовке. Не к звуку молота, а к самому металлу. Несколько раз останавливала кузнеца ещё до того, как тот собирался ударить.

Наконец заготовку отложили остывать, и я решил воспользоваться передышкой.

— Как я понял, ты чувствуешь слабые места в механизмах. Это и есть твой дар?

Кира вытерла руки о передник и посмотрела на меня.

— Да, он самый.

— И как это работает?

— А я почём знаю? — Она рассмеялась. — Думаешь, мне кто-то инструкцию выдал? «Поздравляем, у вас обнаружен дар. Пользоваться согласно приложенному описанию».

— Было бы удобно.

— Вот и я о том же! Только никто не догадался.

Она подошла к верстаку, порылась среди старых деталей и достала металлическую скобу.

— На, держи. Как думаешь, что с ней не так?

Я покрутил скобу в руках. Металл был толстым, но сама деталь уже немного погнулась.

— Кроме того, что её явно использовали не по назначению?

— Вот! Уже что-то заметил. А теперь попробуй согнуть.

— Не вижу смысла портить инструмент.

— Да она всё равно старая. Давай сюда.

Кира забрала скобу, зажала её в тисках и провела пальцами вдоль изгиба, почти не касаясь поверхности.

— Вот здесь, — сказала она, указав на участок возле крепления. — Чувствуешь?

Я присмотрелся.

— Вижу небольшую царапину.

— Не царапину. Хотя она тоже есть. Тут металл будто натянут изнутри. Не знаю, как объяснить. Когда держу такую вещь в руках, ощущаю, что в одном месте она крепче, а в другом словно вот-вот треснет.

Она взяла молоток и слегка ударила по скобе. Звук вышел глухим.

— А теперь попробуй.

Я надавил на скобу. Та поддалась заметно легче именно в указанном месте.

— Интересно.

— Ага! — Кира довольно улыбнулась. — А ты спрашивал, зачем мне такой дар.

— Я не спрашивал, зачем. Я хотел понять, что именно ты чувствуешь.

— Ну, теперь понял?

— Примерно. Получается, ты не видишь трещины и не знаешь заранее, где металл сломается. Просто чувствуешь, что в каком-то месте он слабее?

— Бывает и так. Иногда прямо понимаю, где проблема, а иногда только чувствую, что с вещью что-то не так. А уж как её исправить — это отдельная история. Тут без головы и рук никак.

Она постучала пальцем по виску.

— Вот этого у меня, к счастью, тоже хватает.

— Скромности, правда, не очень много.

— Зато с остальным порядок!

Я невольно улыбнулся.

— А с любым металлом так получается?

— Не-а. Лучше всего с железом. С некоторыми другими металлами тоже могу, но хуже. С деревом почти ничего не выходит, а камень вообще молчит. И если деталь незнакомая или слишком большая, толку тоже немного.

— То есть тебе проще работать с тем, что ты уже знаешь?

— Конечно. Я ведь не могу взять кусок непонятной железяки и сразу рассказать тебе, сколько он выдержит. Было бы здорово, но нет.

Кира вернула скобу на верстак.

— Хотя иногда и знакомые вещи преподносят сюрпризы. Особенно если кто-то до меня успел их испортить.

— Это ты сейчас про кузнеца?

— Я ничего не говорила!

Она рассмеялась, а из-за наковальни донеслось недовольное ворчание.

— Всё слышу, — отозвался кузнец.

— Вот и хорошо! Может, в следующий раз будешь слушать, когда я говорю, что заготовку повело!

Я решил не вмешиваться в этот спор и вернулся к своему вопросу.

— Ты давно умеешь так чувствовать?

— Сколько себя помню. Сначала думала, что просто глазастая. Могла найти трещину там, где другие ничего не замечали. Потом стала замечать, что иногда чувствую её даже тогда, когда снаружи всё целое.

— А как узнала, что это магия?

Улыбка Киры стала чуть менее широкой.

— На инспекции.

Она отложила скобу и прислонилась к верстаку.

— На прошлой проверке. Незадолго до того, как ты появился. Мне тогда девятнадцать было. Проверили артефактом, он отозвался, но очень слабо. Инспектор сказал, что отклик есть, однако дар слишком узкий, а потенциал непонятен. Для обучения в академии не годится.

— Совсем не годится?

— Ну, не совсем так. Сказал, что таких, как я, немало. Не каждого же, у кого что-то шевельнулось внутри, в академию отправлять.

Она произнесла это легко, почти шутливо, но я заметил, как крепче сжались её пальцы на краю верстака.

— Ты хотела туда попасть?

Кира не ответила сразу. Потом хмыкнула.

— Конечно хотела. Кто в детстве не мечтал посмотреть на большие города, башни академии и всё такое? Я тоже думала, что стану великим магом. Буду там что-нибудь невероятное делать, а люди станут смотреть и ахать.

— А вместо этого ты нашла трещину в старой скобе.

— Именно! — Она подняла палец. — И знаешь что? Скоба хотя бы не требует, чтобы я учила сотню непонятных заклинаний.

— Но ты ведь всё равно используешь свой дар.

— Использую. Только это не то же самое, что учиться в академии.

Она ненадолго замолчала, потом взяла со стола небольшую заготовку.

— Иногда думаю, что инспектор ошибся. За последний год я стала чувствовать гораздо больше. Может, потому что постоянно работаю с железом. Может, просто научилась лучше понимать то, что чувствую. Не знаю.

— А повторную проверку пройти нельзя?

Кира посмотрела на меня так, словно я предложил ей прыгнуть в реку посреди зимы.

— Можно. Только ты, похоже, не очень внимательно слушал Мару.

— Внимательно.

— Тогда должен помнить, что происходит, если дар признают достаточно сильным.

— Предлагают обучение?

— Ага. И тут начинается самое интересное. Сама академия — это ещё не вся история. Если за тебя платит корона или какой-нибудь знатный род, условия обучения могут включать обязательную службу после выпуска. Сроки и место зависят от договора. Мара говорила, что обычно речь идёт о нескольких годах, а иногда и о десяти.

Кира покосилась на меня.

— Представляешь? Пришла узнать, насколько хорошо чувствуешь железки, а в итоге подписалась на годы службы. Хорошая такая проверка.

— Но ведь можно отказаться от предложения?

— Можно. И можно учиться за собственные деньги, если они у тебя есть. Только это не значит, что академия превратится в весёлую прогулку. Там свои правила, требования, расходы. Да и просто так туда, наверное, не попасть.

Она пожала плечами.

— Я не говорю, что всё это плохо. Магов мало, короне нужны обученные люди. Но это не просто поездка в город на несколько лет. После академии твоя жизнь может сильно измениться.

— И ты боишься, что повторная проверка изменит твою?

— А ты бы не боялся? — Кира усмехнулась. — Вдруг окажется, что мой дар гораздо сильнее, чем я думала. И что тогда? Бросать кузницу, уезжать, начинать всё заново? А если ничего не изменится, придётся признать, что я зря столько лет надеялась.

Она немного помолчала, глядя на заготовку в руках.

— Хотя иногда всё равно хочется попробовать. Не знаю, что хуже: узнать, что мой дар действительно никуда не годится, или узнать, что он способен на большее, а я сама испугалась.

Я не стал сразу отвечать. В её словах было что-то знакомое. Мне тоже предстояло разобраться в собственных способностях и решить, чего я хочу от новой жизни. Только я пока даже не представлял, какие возможности передо мной открываются.

— А ты как думаешь? — спросила Кира. — Могла бы я стать настоящим магом?

— Я пока слишком мало знаю о магии, чтобы судить.

— Вот это честно. А то я уже приготовилась слушать, какой у меня великий талант.

— Но я думаю, что твоя способность полезнее, чем кажется. Ты замечаешь то, чего другие не видят. Вопрос только в том, насколько далеко это можно развить.

Кира посмотрела на меня внимательнее.

— Знаешь, ты странно рассуждаешь. Обычно люди спрашивают, умею ли я огонь из рук пускать или молнии метать. А ты сразу начинаешь думать, как это применить.

— У меня такая привычка.

— Ну, привычка у тебя занятная. Может, и мне стоит научиться так смотреть на вещи. Вдруг однажды начну находить не только трещины, но и золото?

— Если научишься находить золото в железе, кузнец тебя точно никуда не отпустит.

— А вот это уже звучит как хорошая причина попробовать!

Она рассмеялась и вернулась к работе. Я помогал подавать инструменты, а Кира между делом объясняла, почему одну заготовку нужно нагреть сильнее другой и почему нельзя торопиться с охлаждением.

Через некоторое время, когда кузнец занялся новой деталью, я вспомнил ещё об одном вопросе.

— Кстати, а почему наш мир называется Арион?

Кира повернула голову.

— А ты разве не знаешь?

— Пока нет.

— Вот это да. А я думала, ты только про магию ничего не знаешь.

— Вообще-то я много чего пока не знаю. С памятью проблемы.

— Это заметно, — весело бросила она. — Ладно, слушай. Хотя сразу предупреждаю: я не учёная и не историк. Что слышала, то и расскажу.

Она отложила молот и устроилась на краю верстака. Кузнец покосился на неё, но ничего не сказал.

— Старики говорят, что название Арион связано с древней осью, на которой будто бы держится весь мир. Не настоящей, конечно. Так, образ. Ось равновесия.

— Равновесия чего?

— Да всего понемногу. Сил, стихий, света и тьмы. Говорят, мир устроен так, чтобы ничто не перевешивало остальное.

— И если равновесие нарушится?

— Тогда миру конец, — беззаботно ответила Кира. — По крайней мере, так говорят.

Я посмотрел на неё.

— Ты так спокойно об этом рассказываешь.

— А что мне, плакать? Я же не собираюсь сегодня вечером идти и нарушать равновесие мира.

— Надеюсь.

— Вот и я надеюсь!

Она рассмеялась, затем наклонилась ко мне чуть ближе.

— Но есть одна история. Её ещё детям рассказывают. Про мага, который решил, что ему дозволено всё.

— И что он сделал?

— Давно это было. Очень давно. Говорят, он стал таким сильным, что обычные маги уже не могли ему противостоять. Сначала собирал вокруг себя людей, потом начал требовать подчинения от правителей. А когда ему отказали, началась война.

Кира на мгновение задумалась, припоминая рассказ.

— В конце концов он уничтожил целый город где-то на юге. Одним заклинанием. Ни стен, ни домов, ни людей. Ничего не осталось.

Я перестал перебирать инструменты.

— Один маг?

— Так в истории говорится. Один. Хотя кто знает, что там было на самом деле. Может, у него были помощники, может, война длилась не один день. Старые рассказы любят всё сокращать.

— И никто не смог его остановить?

— Никто из людей. А потом, по легенде, появился бог.

Кира говорила уже тише, но в голосе не было ни страха, ни торжественности. Скорее ей самой нравилось рассказывать эту историю.

— Не было ни грома, ни молний, ни огромного света. Просто появился человек, подошёл к магу и ударил его. Тот даже защититься не успел. Умер на месте.

— И это был бог?

— Так рассказывают. А потом бог произнёс что-то вроде: «В мире должно быть сохранено равновесие» — и исчез.

Я немного помолчал.

— Удобно получилось. Маг, которого не смогли победить люди, погиб от одного удара.

— Вот и я о том же! — Кира хлопнула ладонью по верстаку. — Я когда впервые услышала, тоже спросила, почему бог не появился раньше. Мне ответили, что не надо придираться к сказкам.

— И ты согласилась?

— А что оставалось? Я тогда ещё маленькая была. Хотя сейчас тоже не знаю, что думать.

Она пожала плечами и снова взяла в руки заготовку.

— Может, всё было именно так. А может, какой-нибудь очень сильный маг победил другого, а люди потом решили, что это бог вмешался. Кто теперь разберёт?

— Значит, история о равновесии — скорее предание, чем достоверное объяснение названия мира?

— Вот! Именно так и скажи. А то я уже начала путаться в твоих вопросах.

— Просто пытаюсь понять, где заканчивается рассказ и начинаются факты.

— Тогда тебе придётся много слушать. У нас тут каждый второй знает какую-нибудь историю, а каждый третий уверен, что она самая правдивая.

— А ты к кому себя относишь?

— Я? К тем, кто рассказывает лучше остальных!

Она звонко рассмеялась.

— Но в богов я всё-таки верю, — добавила она чуть спокойнее. — Не думаю, что они сидят где-то на облаках и следят за каждым кузнецом. Но иногда, говорят, вмешиваются.

— Кто говорит?

— Книги, старые маги, приезжие. Да и Мара, наверное, что-нибудь об этом знает. В академии такие вещи наверняка обсуждают. Я там не училась, откуда мне знать?

— А кто может видеть богов? Жрецы, сильнейшие маги?

— О! Это уже другая история. Слышала, что их могут видеть те, кто достиг самых высоких ступеней мастерства. Но сама, конечно, никого такого не встречала.

— А какие вообще бывают ступени?

— Ранги. Их шесть. Шестой — самый низкий, первый — самый высокий. По крайней мере, так мне объясняли. А тех, кто превосходит даже первый, называют внеранговыми.

— И много таких?

— Да откуда! — Кира рассмеялась. — Я даже мага первого ранга ни разу не видела. А внеранговый, говорят, вообще один. Хотя некоторые уверяют, что их никогда и не было.

— Но ты сказала, что сейчас такой маг есть?

— Не я сказала, а люди говорят. Последние пятьдесят лет о нём ничего не слышно. Может, умер, может, где-то прячется. А может, его и вовсе выдумали.

Я задумался.

— Получается, если такой маг решит захватить власть, остановить его будет некому?

— Ты опять всё усложняешь! — Кира покачала головой. — Я же сказала, есть боги.

— Но если легенда правдива, значит, они вмешиваются только тогда, когда опасность становится слишком большой?

Она на секунду задумалась, потом пожала плечами.

— Наверное. Или когда кто-то совсем уж забывает своё место. А может, у богов вообще свои дела, и они не обязаны каждый раз спасать нас от самих себя.

— Вот это уже интереснее.

— Что именно?

— Если они действительно следят за равновесием, то кто решает, когда оно нарушено?

Кира посмотрела на меня, потом рассмеялась.

— Вот поэтому я и не люблю долго говорить о таких вещах. Начинаешь с одной истории, а заканчиваешь тем, что уже сам не знаешь, о чём спрашивают.

— Так ты не знаешь ответа?

— Конечно не знаю! Я же тебе сразу сказала, что не учёная. Может, боги решают. Может, сам мир. А может, всё это просто старая сказка, которую повторяют из поколения в поколение.

Она подняла молот.

— И вообще, хватит мучить меня вопросами. Давай лучше подержи вот это. Раз уж пришёл, без дела не уйдёшь!

Я взял щипцы и вернулся к наковальне.

— Вот так-то лучше, — довольно сказала Кира. — А то устроил тут целую академию.

— Это ты сама начала рассказывать.

— А ты слишком хорошо слушаешь. Опасное качество!

Работа продолжилась. Кира снова принялась спорить с кузнецом, подсказывать ему, где металл нужно повернуть, и время от времени отпускать шутки в мой адрес. Через несколько минут я уже не мог понять, как ей удаётся одновременно следить за заготовкой, разговаривать и замечать каждую мелочь вокруг.

Похоже, её дар действительно был неотделим от привычки внимательно смотреть на вещи. Или, наоборот, сама работа научила её лучше понимать собственную способность.

Я ещё немного помогал им, а потом решил, что на сегодня хватит.

— Ладно, мне пора.

— Уже уходишь? А я только собиралась заставить тебя подержать ещё одну заготовку!

— В другой раз.

— Смотри, обещал ведь!

— Обещал.

Я положил щипцы на место и направился к выходу.

— И в следующий раз принеси что-нибудь, что можно починить! — крикнула Кира мне вслед. — А то у нас тут слишком много работы и слишком мало помощников!

— Постараюсь найти!

— Вот и договорились!

Я вышел на улицу. За спиной снова раздались удары молота, а вслед за ними — громкий голос Киры.

Теперь я знал о ней чуть больше. Её дар не выглядел впечатляющим на первый взгляд, но мог оказаться весьма полезным. И, судя по тому, как она говорила об академии, за привычной уверенностью скрывалось немало сомнений. Возможно, она и сама ещё не решила, хочет ли узнать, на что действительно способна.

А ещё я впервые услышал легенду, связывающую название нашего мира с равновесием.

Насколько она была правдивой, сказать невозможно. Но даже если половина этой истории оказалась выдумкой, она многое говорила о том, как жители Ариона представляют себе устройство собственного мира.

И мне хотелось узнать, что из этого можно проверить, а что так и останется красивой старой историей.

Новый урок

В Лир-Холме дни редко отличались друг от друга. Так прошла примерно неделя. Люди вставали с рассветом, занимались хозяйством, работали до тех пор, пока позволял свет, а вечером собирались у очагов. Здесь не любили торопиться без причины, но и без дела никто подолгу не сидел.

Я постепенно втягивался в этот ритм.

Сначала просто старался не мешать Маре и помогать по хозяйству. Потом заметил, что некоторые дела можно выполнить быстрее и с меньшими усилиями, если немного подумать, прежде чем браться за инструмент.

Первым это оценил Борн.

У него покосился навес над сараем. После нескольких сильных порывов ветра одна из опор начала отходить от стены, а крыша при каждом сквозняке жалобно поскрипывала. Борн собирался укрепить её дополнительной подпоркой, но я, осмотрев конструкцию, предложил сначала переставить две уже имеющиеся.

— Зачем? — нахмурился он. — Они и так стоят.

— Пока стоят. Только нагрузка приходится не туда. Видишь место соединения балки с опорой? Когда ветер давит на крышу, её немного ведёт в сторону. А подпорка принимает нагрузку под неудобным углом. Она не удерживает конструкцию, а сама постепенно отходит.

Борн ещё раз посмотрел на навес, затем перевёл взгляд на меня.

— И что предлагаешь?

— Переставить эту опору чуть ближе к краю балки. Потом проверить вторую. Если не поможет, добавим ещё одну.

— А если крыша просядет, пока мы будем переставлять?

— Тогда придётся подпереть её временно. Но, думаю, до этого не дойдёт.

Борн помолчал, прикидывая объём работы, и наконец кивнул.

— Ладно. Показывай, куда ставить.

Работы оказалось немного больше, чем мы рассчитывали. Пришлось снять часть креплений, подогнать опоры и закрепить их заново. Зато после этого навес перестал скрипеть даже при сильном ветре.

Борн несколько раз покачал головой, проверяя соединения.

— Чудно. Я бы просто прибил ещё одну доску.

— Возможно, она бы тоже какое-то время держалась, — ответил я. — Только причина осталась бы на месте.

— А ты, значит, знаешь, как надо?

— Не всегда. Но сначала стараюсь понять, почему сломалось.

Борн усмехнулся и похлопал ладонью по новой опоре.

— Полезная привычка. Только не вздумай за неё слишком много брать.

— Постараюсь не разорить деревню.

Он рассмеялся, а я вернулся к работе.

Пока о плате речи не шло. Мне было важнее другое: люди постепенно начинали воспринимать меня не как обузу, а как человека, которому можно доверить дело.

Через пару дней похожая история случилась у Весты.

У колодца заедал ворот. Когда бадья поднималась с глубины, деревянный вал начинал скрипеть и вращался с заметным усилием. Веста уже собиралась позвать Борна, но я оказался неподалёку и предложил сначала взглянуть сам.

— Только ничего не сломай, — предупредила она. — Борн потом скажет, что я и без того всё испортила.

— Постараюсь обойтись без этого.

— Вот и хорошо. А то он до сих пор вспоминает, как я однажды чуть не оторвала дверную петлю.

Я несколько раз повернул рукоять, прислушался к скрипу и присел возле крепления. Вал стоял неровно. С одной стороны почти касался опоры, с другой оставался небольшой зазор. Под нагрузкой дерево немного смещалось, и вращение становилось тугим.

— Похоже, его перекосило, — сказал я. — Нужно выровнять.

Веста наклонилась, пытаясь рассмотреть крепление.

— А я думала, он просто старый.

— Старый тоже, но это не главная проблема. Если оставить как есть, со временем износится ещё сильнее.

— И что теперь?

— Нужно немного ослабить крепление. Только сначала придётся снять часть нагрузки с механизма. Поможешь?

Веста взялась за бадью, пока я освобождал крепление. Мы осторожно поправили положение вала, а затем я подложил тонкую деревянную пластину, чтобы убрать лишний зазор.

Работа заняла больше времени, чем я ожидал. Но когда мы закончили, ворот стал вращаться заметно легче.

Веста попробовала сама. Рукоять пошла плавно, без прежнего скрипа.

— Вот ведь… А я уже думала, придётся менять весь ворот.

— До этого ещё далеко.

— Ты будто видишь, где железо злится.

— Тут вообще-то дерево, — улыбнулся я.

— Не придирайся. Ты понял, что я имею в виду.

Я понял.

На Земле подобные неисправности встречались мне постоянно. На электростанции я привык искать причину, а не бороться с последствиями. Если что-то начинало работать неправильно, бессмысленно было просто прикладывать больше силы. Нужно было разобраться, где возникла проблема.

Здесь этот подход тоже работал.

Не всегда, конечно. Однажды я потратил почти полдня, пытаясь поправить перекошенную дверь, а в итоге выяснил, что просела сама часть стены. Пришлось звать Борна и переделывать всё заново. Но я не расстроился. Ошибка тоже давала полезную информацию, пусть и не всегда приятным способом.

Тиль, который в первые дни держался от меня на расстоянии, теперь почти не отходил. Стоило мне выйти из дома, как мальчишка возникал рядом с очередным рассказом или предложением куда-нибудь сходить.

— А ты видел старую мельницу? Там за ручьём, если пройти мимо огорода Лиссы. Она давно не работает, но Борн говорил, что раньше там муку мололи. А ещё за ней есть тропа к лесу…

— Ты уже показывал мне эту тропу.

— Ту показывал. А есть другая!

— Сколько у вас здесь троп?

— Много! Я же говорил, что знаю деревню лучше всех.

— Не сомневаюсь. Только ты мне уже три раза показывал дорогу к ручью.

— Потому что ты каждый раз идёшь не той дорогой!

Я только покачал головой. Иногда мне казалось, что Тиль способен разговаривать даже во сне.

Но мальчишка действительно хорошо знал окрестности. Он показывал короткие пути, рассказывал, где лучше набирать воду, где после дождя раскисает дорога и в каких местах можно найти ягоды. Я слушал внимательнее, чем могло показаться со стороны. Любая мелочь помогала лучше понимать местность.

Однажды, когда я помогал Дерну перетаскивать мешки с зерном, староста задержался возле меня.

Он уже не относился ко мне как к случайному приблудному мальчишке, хотя и не спешил называть своим.

— Слышал, ты Борну навес поправил, а Весте колодезный ворот починил.

— Там ничего особенного.

— Это ты так говоришь. Борн теперь всем рассказывает, что ты умеешь заставлять доски стоять ровно без лишних гвоздей.

— Он преувеличивает. Мы просто переставили опоры.

— Ну, это уже больше, чем просто прибить доску. — Дерн усмехнулся. — С твоими чудаковатыми идеями тебе бы не в деревне сидеть, а в городе у изобретателей. Или к авантюристам. Те вечно ищут, кто придумает, как верёвку покрепче привязать, да чтобы она сама развязывалась, когда надо.

Я рассмеялся.

— Не уверен, что авантюристам понравится моя компания.

— А ты попробуй. Вдруг понравится. Только смотри, чтобы потом не пришлось вытаскивать их из очередной ямы, которую они сами себе выкопали.

Староста похлопал меня по плечу и вернулся к мешкам.

Я ещё некоторое время смотрел ему вслед. В словах Дерна не было ни насмешки, ни снисхождения. Просто признание того, что мои умения могут пригодиться.

Это было приятно.

За неделю я узнал о Лир-Холме больше, чем за первые несколько дней.

Не всё сразу. Сведения складывались постепенно — из разговоров у колодца, коротких замечаний Мары, историй Тиля и вопросов, которые я сам задавал, когда появлялась возможность.

Я узнал, что год здесь делили на четыре смены Оси. Первая приходилась на зиму, вторая — на весну, третья — на лето, четвёртая — на осень. В городах пользовались часами, а в деревнях время определяли по солнцу, привычным делам и церковным колоколам, если поблизости имелся храм.

Недели и месяцы тоже были известны, но крестьяне редко обращались к ним в повседневных разговорах. Для большинства важнее было другое: когда пахать, когда сеять, когда начинать покос и сколько времени осталось до жатвы.

Однажды я спросил Дерна, какой сейчас год.

Староста как раз пересчитывал мешки с зерном и не сразу понял вопрос.

— Год? Ты что, совсем счёт потерял?

— Хочу знать, сколько лет прошло с начала летоисчисления.

— Не с начала. Со Сотворения Ариона, — поправил Дерн. — Одиннадцатьсот двадцать седьмой.

— А кто это считает?

— В храмах. Жрецы народ грамотный, у них записи ведутся. В городе можно узнать, если понадобится. А нам-то зачем? Год от года мало что меняется. Пока крыша над головой есть да земля родит, живём.

Я кивнул, мысленно отметив число.

Я уже привык к тому, что привычные земные представления здесь не всегда подходили. Время шло почти так же, как на Земле, но местные названия, календарь и летоисчисление были другими. Придётся привыкать.

С устройством общества всё было сложнее.

В деревне люди зависели друг от друга. Борн чинил крыши, Веста занималась тканью, Кира помогала в кузнице, Лисса следила за работами на полях. Каждый знал, к кому обратиться, если что-то случалось. Деньги имели значение, но не могли заменить соседскую помощь.

За пределами Лир-Холма, насколько я понял, всё было иначе. Там больше значили происхождение, связи и положение семьи. Король правил Вестрионом, но значительная часть земель находилась во владении герцогов, графов и баронов. У каждого были свои интересы, и далеко не всегда они совпадали с королевскими.

О подробностях я пока знал мало. Мара рассказывала о столице и академии, Кира — о том, что слышала от других, а Дерн предпочитал говорить о местных делах. Но даже этих обрывков хватало, чтобы понять: мир не был простым набором деревень, городов и дорог.

За каждым решением стояли люди, а за людьми — их желания, страхи и выгода.

Я невольно вспоминал разговор с Кирой об Оси и равновесии. Тогда легенда показалась мне просто красивой историей. Теперь я всё чаще замечал, что мысль о равновесии можно приложить не только к магии.

Впрочем, пока это были лишь размышления. Я слишком мало знал об Арионе, чтобы делать выводы.

Вечерами я продолжал заниматься с Марой.

Поначалу всё сводилось к одному: научиться чувствовать ядро и не терять ощущение, когда внимание переключалось на что-то другое.

Это оказалось труднее, чем я ожидал.

В первые дни тепло появлялось лишь на короткое время. Стоило мне отвлечься на шорох за окном или разговор Мары, как ощущение пропадало. Иногда я мог сосредоточиться несколько минут, а иногда не чувствовал ничего, сколько бы ни старался.

Мара не торопила меня.

— Не пытайся удержать его силой, — повторяла она. — Ты не должен напрягаться так, словно поднимаешь тяжёлый камень. Просто найди это ощущение и позволь ему оставаться.

— Легко сказать.

— Я не говорила, что будет легко.

Она редко объясняла что-либо длинными словами. Чаще просила попробовать ещё раз, а потом задавала вопросы: что я почувствовал, где именно, как долго, изменилось ли что-нибудь.

Я отвечал и запоминал.

Постепенно я научился замечать слабое тепло в груди. Оно больше не исчезало сразу, когда я открывал глаза или начинал говорить. Иногда ощущение становилось сильнее, иногда почти пропадало, но теперь я знал, где его искать.

В один из вечеров Мара, наблюдая за очередной попыткой, наконец кивнула.

— Лучше. Теперь ты можешь удерживать ощущение, даже когда не смотришь внутрь себя.

— Значит, получилось?

— Получилось сделать первый шаг. Не путай это с умением пользоваться магией.

— Я и не собирался.

Мара посмотрела на меня с лёгким сомнением, но спорить не стала.

Солнце уже клонилось к горизонту. В избе постепенно темнело, и женщина зажгла одну из свечей, стоявших на столе.

— Сегодня попробуем кое-что другое, — сказала она. — Задача простая. Нужно зажечь свечу.

Я посмотрел на фитиль.

— Просто зажечь?

— Если бы всё было так просто, я бы не тратила на это столько времени.

Мара придвинула свечу ближе и села напротив.

— В академии нас учили начинать с малого. Нужно сосредоточиться, почувствовать тепло, собрать его и направить к цели. Представь, что на кончике пальца появляется маленькая искра. Не пытайся создать большой огонь. Тебе достаточно одного короткого прикосновения.

— А если не получится?

— Попробуешь ещё раз.

Я усмехнулся.

— Убедительно.

— Другого ответа у меня нет.

Я вытянул руку и сосредоточился на ядре.

Сначала всё шло привычно. Появилось знакомое тепло, затем постепенно потянулось к руке. Пальцы стали немного теплее. Я попытался направить ощущение к указательному пальцу, как объясняла Мара.

Ничего не произошло.

Я повторил попытку.

На этот раз в кончике пальца мелькнуло что-то похожее на крошечную искру. Она вспыхнула и исчезла раньше, чем я успел приблизить руку к фитилю.

— Видела? — спросил я.

— Видела.

— Значит, получается.

— Значит, ты почти добрался до результата. Продолжай.

Я попробовал снова. И снова. Иногда тепло появлялось, иногда пропадало. Несколько раз мне казалось, что искра вот-вот возникнет, но ничего не происходило.

Прошло немало времени.

Я опустил руку и размял пальцы.

— Я делаю что-то не так.

— Возможно. А возможно, пока просто не хватает опыта.

— Ты говорила, что нужно почувствовать тепло и направить его к цели.

— Да.

— Но я чувствую его. А дальше оно будто рассеивается.

Мара задумалась.

— Не всё, что ты чувствуешь, обязательно удаётся направить. Сила должна пройти через ядро и удержаться. Для этого нужна практика.

Я снова посмотрел на свечу.

Я привык, что если механизм не работает, можно разобрать его на части, проверить соединения и понять, где возникает сбой. Здесь я пока даже не знал, что именно пытаюсь разобрать.

Но кое-что в объяснении Мары меня зацепило.

Она говорила о тепле, которое нужно собрать и направить. А я всё это время пытался просто повторять её слова, не понимая, что происходит между ядром и кончиком пальца.

На Земле я видел сотни зажигалок. Простой механизм: небольшой запас горючего, искра и короткое воспламенение. Никакого большого пламени, никакого сложного процесса. Только точное действие в нужном месте.

Конечно, магия не была зажигалкой. Но, возможно, сама идея могла помочь.

Я закрыл глаза.

Вместо того чтобы пытаться представить готовую искру, сосредоточился на том, что уже чувствовал. Попробовал мысленно представить, как оно собирается в одном месте, проходит через руку и достигает кончика пальца.

Я не знал, правильно ли представляю процесс. Это была всего лишь догадка.

Тепло в груди стало заметнее.

Я медленно направил внимание к руке. На этот раз не пытался удержать его силой. Просто следил за ощущением, стараясь не дать ему рассеяться.

В кончике пальца что-то дрогнуло.

Я открыл глаза.

На коже вспыхнула крошечная искра. Слишком слабая, чтобы осветить даже ладонь, но она не исчезла сразу. Я резко приблизил палец к фитилю.

Свеча загорелась.

Я замер.

Пламя дрожало, отбрасывая на стены избы неровные тени. Я смотрел на него, словно не верил собственным глазам. Потом медленно выдохнул и рассмеялся.

— Получилось!

Мара не ответила сразу.

Она смотрела сначала на свечу, затем на мою руку.

— Что ты сделал?

— Попробовал иначе.

— Я вижу. Но как?

Я задумался.

— Не знаю точно. Перестал пытаться вызвать искру напрямую. Представил, что тепло нужно собрать в одном месте и направить туда, где оно должно сработать.

— Собрать и направить…

Мара повторила мои слова, будто пыталась соотнести их со своими знаниями.

— Ты ведь раньше так не делал?

— Нет. Просто пришла мысль попробовать.

Она ещё раз посмотрела на свечу.

— Возможно, тебе помогло воображение. Или ты нашёл способ сосредоточиться, который подходит именно тебе. Не знаю.

— А в академии этому учат?

— Там учат разным способам. Но я не могу сказать, что знаю все. Да и прошло немало времени с тех пор, как я сама занималась магией.

Я хотел спросить ещё что-нибудь, но Мара подняла руку.

— Не спеши радоваться. Попробуй повторить.

Я кивнул и снова вытянул палец.

Сосредоточился на ядре, попытался собрать тепло и направить его к руке.

Ничего.

Я повторил попытку. Затем ещё раз.

В груди снова появилось знакомое ощущение, но теперь оно казалось слабее. Пальцы немного потеплели, однако искра не возникла.

Через несколько минут я почувствовал усталость. Не сильную, но непривычную — словно после долгой работы, когда тело ещё не болит, а силы уже начинают уходить.

— Хватит, — сказала Мара. — На сегодня достаточно.

— Но я же только что смог.

— Один раз. Это ещё не значит, что ты умеешь повторять результат. И не стоит расходовать силы, пытаясь доказать обратное.

Я опустил руку.

Я был немного разочарован, но не слишком. Наоборот, в голове уже вертелись вопросы. Почему получилось именно тогда? Что изменилось? Почему повторить не удалось?

Мне хотелось немедленно попробовать ещё раз, но я понимал, что сейчас это вряд ли даст результат.

— Значит, завтра продолжим? — спросил я.

— Если не будешь пытаться зажечь весь дом, то продолжим.

— Постараюсь ограничиться свечой.

Мара покачала головой, пряча улыбку.

Позже, когда мы закончили занятия и сели ужинать, я снова вернулся мыслями к своему первому успеху.

За неделю я привык к новому телу, начал узнавать людей и даже нашёл способ быть полезным деревне. Теперь у меня появилось ещё одно направление, в котором можно было двигаться.

Но одного желания было мало.

— Мара, — произнёс я, отложив ложку. — Я тут подумал…

— Это обычно означает, что сейчас появится какой-нибудь вопрос.

— А как здесь вообще зарабатывают деньги?

Мара посмотрела на меня с лёгким удивлением.

— До сих пор не интересовался?

— Как-то не до того было.

— Это заметно.

Я усмехнулся.

— Тогда расскажи. Чем живёт деревня, кроме земли?

— Земля даёт многое, но не всё. У нас выращивают зерно и лён, заготавливают древесину, смолу и дёготь. Кто-то делает простую утварь, кто-то занимается обработкой кожи. Рыбаки продают улов, охотники — шкуры и мясо. Всё, что можно увезти на рынок, рано или поздно туда попадает.

— А торговля? Сами возят или ждут купцов?

— И так, и так. Часть товара продают здесь, часть везут к Каэру. Оттуда уже расходится дальше. Иногда приезжают купцы, иногда местные сами собирают обоз и отправляются на рынок.

— Значит, можно что-нибудь производить и продавать?

— Можно. Если найдётся покупатель.

Мара улыбнулась.

— Только не думай, что купцы станут платить за каждую твою идею. Им нужны вещи, которые можно продать, а не рассказы о том, как хорошо они могли бы работать.

— Я понимаю.

— Вот и хорошо.

Я немного помолчал.

— А какие здесь деньги?

— Медные, серебряные, золотые. Встречаются и платиновые, но в наших местах их почти не увидишь.

— И какое между ними соотношение?

Мара назвала порядок обмена. Я запомнил его, но пока не пытался переводить местные деньги в привычные рубли. Я ещё не знал, сколько здесь стоят хлеб, одежда или хороший инструмент. Без этого любые расчёты были бы пустой затеей.

— Значит, чтобы накопить на дорогу в город, мне нужно будет заработать, — произнёс я.

— Ты собрался в город?

— Когда-нибудь. Не завтра.

— Это разумнее, чем пытаться отправиться туда без денег и без понимания, что будешь делать по приезду.

Я кивнул.

Мара не стала расспрашивать дальше, а я задумался о своём.

Когда ужин закончился, я вышел на крыльцо.

Над деревней уже сгущались сумерки. В окнах домов зажигались огни, где-то перекликались люди, издалека доносился лай собаки. Обычный вечер в Лир-Холме.

Я вспомнил разговоры с Марой и Кирой, слова Дерна, занятия с ядром и свечу, которая наконец загорелась.

О последней инспекции я знал достаточно. Она уже прошла, а следующая ожидалась примерно через три года. К тому времени мне исполнится восемнадцать.

Три года.

Срок немаленький, но и не бесконечный.

Я начал мысленно раскладывать дела по порядку.

Первое — магия. Мне нужно научиться чувствовать ядро, управлять им и понимать, почему одни попытки удаются, а другие нет. Мара могла помочь, но её знания имели пределы. Значит, придётся учиться самому, наблюдать и проверять свои догадки.

Второе — тело. Я уже заметил, что выносливость у меня не та, к которой привыкло моё прежнее сознание. Молодое тело было жилистым и крепким, но после пережитого потрясения быстро уставало. Если магия требовала сил, стоило заняться физической подготовкой.

Третье — знания и ремесло. Я не собирался строить здесь электростанцию или изобретать вещи, для которых не существовало ни материалов, ни подходящих инструментов. Но простые улучшения уже приносили пользу. Нужно было продолжать наблюдать, учиться у местных мастеров и искать то, что можно сделать лучше.

И, наконец, деньги.

Если я хотел попасть в большой мир, мне понадобится запас средств. Не только на дорогу, но и на первое время. Возможно, удастся найти работу у мастера или предложить купцам что-нибудь полезное. Пока рано загадывать.

Академия тоже оставалась целью. Если проверка подтвердит, что мой дар достаточно силён, мне могут предложить обучение. Пять лет академии, а при оплате короной — ещё десять лет службы. Это не совсем та свобода, о которой можно мечтать, но возможность получить знания и открыть для себя новый мир.

Только до этого ещё нужно дойти.

Я посмотрел на свои ладони.

Сегодня я сумел зажечь свечу. Всего одну, и даже повторить не смог. Но это был первый результат, которого я добился осознанно, а не случайно.

Пусть небольшой. Зато настоящий.

Я ещё раз взглянул на огни деревни.

Неделю назад здесь для меня всё было чужим: дома, люди, язык, правила. Теперь я знал, к кому обратиться за помощью, где найти нужную тропу и как починить несколько простых вещей. У меня появилась крыша над головой, работа, знакомые и человек, готовый учить меня магии.

Не так уж мало для начала.

Я вернулся в избу. Завтра предстояло снова работать, а вечером — попробовать повторить то, что сегодня получилось лишь однажды.

На этот раз я собирался разобраться, почему.

Цена дороги

Когда утренний туман начал рассеиваться, крыши домов заблестели от влаги. Я закончил завтрак, поблагодарил Мару и вышел на улицу.

За последнее время я успел освоиться в Лир-Холме. Работа находилась почти каждый день: кому-то требовалась помощь с ремонтом, кому-то — с хозяйством. Люди постепенно привыкали ко мне, а я начинал узнавать жителей не только по именам, но и по привычкам.

Однако одной работы по хозяйству было недостаточно.

Мне нужны были деньги. Не ради богатства, а ради возможности покупать инструменты, материалы и всё необходимое для собственных задумок. А ещё хотелось однажды добраться до большого рынка и посмотреть, чем живёт остальной мир.

Вчера я уже обдумывал эту мысль, но чем больше размышлял, тем яснее понимал: сначала нужно узнать, насколько вообще безопасна дорога.

Дом старосты находился неподалёку от центральной площади. Дерн сидел на скамье возле крыльца и перебирал какие-то деревянные бирки. Услышав мои шаги, он поднял голову.

— Рэн? Что-то случилось?

— Нет. Хотел кое о чём спросить.

— Тогда садись. Раз пришёл с вопросом, значит, не просто так.

Я присел рядом.

— Думаю со временем выбраться на Каэргардский рынок. Есть несколько идей, которые можно попробовать продать. Да и хотелось бы посмотреть, какие там возможности.

Дерн отложил бирки и внимательно посмотрел на меня.

— До рынка три дня пути, если дорога не подведёт. Но расстояние — не самая большая проблема.

— А что тогда?

— Самостоятельно туда идти не советую. Особенно тебе. Дорога проходит через лесные участки, а там не всегда встретишь людей. Иногда на пути попадаются разбойники, иногда звери. И не всякий зверь будет бояться человека.

Я задумался. До сих пор я почти ничего не знал о местной фауне. По крайней мере, исходил из того, что природа здесь в целом похожа на земную. Волки, медведи, кабаны — всё это вполне существовало и на Арионе. Но насколько сильно местные животные отличались от привычных мне?

— А здесь водятся звери опаснее обычных? — спросил я. — Не просто крупные хищники вроде медведей, а что-нибудь совсем необычное?

Дерн посмотрел на меня с лёгким удивлением.

— А тебе обычных мало?

— Я просто пока плохо помню и представляю, что живёт в здешних лесах. Думал, что природа здесь примерно такая же, как везде. Но, судя по вашим словам, могу ошибаться.

— Ошибаешься не во всём, — ответил староста. — Волки остаются волками, кабаны — кабанами. Только встречаются среди них и такие, с которыми лучше не связываться.

— Что с ними не так?

— По-разному бывает. Некоторые просто крупнее и сильнее своих сородичей. Другие ведут себя странно, будто зверьём их уже не назовёшь.

— Это из-за магии?

— Скорее всего. Но я тебе точно не скажу. Охотники знают об этом больше меня.

Дерн немного помолчал, собираясь с мыслями.

— Слышал я, что у некоторых зверей со временем появляется ядро. Не у всех, конечно. И что после этого они могут меняться. Одни становятся сильнее, другие быстрее, у третьих

обостряется слух или чутьё. Бывает, шкура у зверя такая, что обычным оружием её не сразу возьмёшь.

— Получается, магия постепенно меняет их тело?

— Так говорят. Только не спрашивай меня, как именно. Я не охотник и не маг. Могу лишь пересказать то, что слышал от людей, которые проводят в лесу куда больше времени, чем я.

— А изменения всегда идут на пользу зверю?

Дерн покачал головой.

— Нет. По крайней мере, охотники рассказывают и о другом. Иногда зверь будто становится беспокойным, начинает бросаться на всё вокруг. Может напасть даже тогда, когда ему ничего не угрожает. Некоторые считают, что его ядро развивается быстрее, чем тело успевает привыкнуть к переменам.

— И такое действительно бывает?

— Бывает, что зверь ведёт себя именно так. А вот почему — этого я тебе не объясню. Может, охотники и правы, а может, просто пытаются найти причину тому, чего сами не понимают.

Я невольно усмехнулся. Дерн, по крайней мере, не пытался изображать знатока.

— И такие звери встречаются в лесах неподалёку?

— Случается. Не каждый день, конечно. Но охотники всегда смотрят в оба. Если находят следы зверя, которого не знают, не бросаются за ним сломя голову. Сначала стараются понять, с чем имеют дело.

— А обычный медведь может стать намного опаснее?

— Может. Слышал я об одном таком. Говорили, что он двигался быстрее, чем должен был зверь таких размеров, а шкура у него была крепче обычной. Один охотник рассказывал, что его копьё едва смогло пробить её.

— Вы его видели?

— Нет. Да и тот охотник мог что-нибудь приукрасить. В лесу всякого рассказывают. Но я бы не советовал проверять такие истории на себе.

Я запомнил это. В моём прежнем мире крупный хищник и без всякой магии представлял серьёзную угрозу. Если же местные звери действительно могли приобретать необычные свойства, привычные представления об опасности здесь могли оказаться бесполезными.

— Но если такие звери опасны, почему на них вообще охотятся?

Дерн пожал плечами.

— Потому что опасность и выгода иногда идут рядом. Шкура, когти, зубы, кости — всё может пригодиться. Алхимики покупают такие вещи, мастера тоже. Некоторые части используют при изготовлении снаряжения. За хорошую добычу можно получить немало денег.

— Значит, охотники специально ищут таких зверей?

— Не всегда. Чаще встречают случайно. А если зверь начинает подходить к деревне, нападать на скот или людей, тогда уже приходится разбираться. Но охота на него — дело опасное. Не каждый возьмётся.

Дерн поднялся, подошёл к поленнице и взял небольшую щепку. Покрутил её в руках, затем бросил обратно.

— Есть и ещё кое-что. Охотники рассказывали, что в местах, где такие звери долго живут, иногда меняется и всё вокруг.

— В каком смысле?

— Да в самом обычном. Попадаются растения, которых раньше там не было. Камни с необычным цветом или свойствами. Бывает, находят ветки, кору, кусты — и всё это ведёт себя не так, как должно.

— То есть меняются не только сами звери?

— Похоже на то. Но я не стану утверждать, что это происходит всегда. И уж тем более не знаю, почему. Может, дело в звере, может, в месте, а может, люди просто не замечали этих вещей раньше.

— И такие находки тоже ценятся?

— Если попадается что-то полезное — конечно. Только попробуй ещё понять, что именно ты нашёл. Одну ветку человек выбросит в костёр, а другой заплатит за неё серебром. Всё зависит от того, что она умеет и найдётся ли тот, кому это нужно.

Я задумался. Если слова Дерна хотя бы отчасти соответствовали действительности, то магические звери могли влиять на окружающую среду куда сильнее, чем я предполагал. А необычные свойства природных материалов могли стать отдельным направлением для изучения.

— А что насчёт других существ? Мара упоминала призванных.

Дерн поморщился.

— С ними всё сложнее. Про таких обычно рассказывают страшные истории. Некоторые маги способны призывать существ откуда-то из других слоёв мира. Как именно — не спрашивай, этого я не знаю.

— То есть они приходят не из каких-то дальних земель?

— Нет, тут речь не о землях. По крайней мере, так мне объясняли. Будто есть места, которые мы не видим и куда обычный человек не может попасть. Но что там находится и как оттуда кого-то вытаскивают, я понятия не имею.

— И призванные существа могут остаться здесь?

— Говорят, такое случается. Не всегда магу удаётся удержать то, что он вызвал. А если существо вырывается, с ним потом приходится разбираться. Слышал, что такие случаи могут расследовать маги, а если тварь опасна — её стараются уничтожить. Но сам я с подобным не сталкивался и надеюсь, что не придётся.

Некоторое время мы молчали.

Я смотрел на дорогу между домами. Ещё недавно представлял этот мир почти обычным средневековьем, только с магией. Теперь становилось ясно, что разница куда серьёзнее. Здесь даже знакомые животные могли оказаться совершенно непохожими на земных, а привычные растения и камни — обладать неизвестными свойствами.

— Значит, мне нужно научиться защищаться, — произнёс я наконец.

— Это было бы разумно. Одной магии мало. Да и до неё тебе ещё расти и расти. Если собрался куда-то идти, научись хотя бы понимать, когда опасность рядом, и не лезть туда, где не справишься.

— А до рынка лучше добираться с обозом?

— Верно. Купцы регулярно ездят к крепости. С обозом безопаснее, да и на дороге есть кому помочь. Только вот обратно придётся возвращаться так же. Если заранее не договоришься с кем-нибудь из торговцев, можешь надолго задержаться на рынке.

— А если взять лошадь?

Дерн усмехнулся.

— Ты верхом ездить умеешь?

Я покачал головой.

— Тогда сначала научись. Лошадь — не телега. Да и одна лошадь не сделает тебя защищённым от всего, что может встретиться в дороге.

— Понимаю.

— Не торопись. Сначала разберись, что можешь сделать здесь. Деньги на дорогу ещё заработать надо.

Я кивнул. И сам понимал, что поездка пока скорее цель на будущее, чем реальный план.

Поблагодарив Дерна за разговор, я направился обратно.

У колодца я заметил мужчину, который присел возле деревянного желоба. Он внимательно изучал следы на влажной земле.

Я узнал Торвина. Мужчина лет сорока, крепкий и жилистый, с обветренным лицом и короткими каштановыми волосами. Небольшая щетина подчёркивала резкие черты лица, а серо-голубые глаза казались постоянно настороженными, словно даже во время разговора он продолжал следить за тем, что происходило вокруг.

Всегда ходил в тёмной рубахе, кожаном жилете, серых штанах и высокие сапоги. Никаких украшений или лишних деталей. Только охотничий нож на поясе и потёртый плащ, явно повидавший немало лесных дорог. В деревне его считали лучшим следопытом среди охотников.

Видел его несколько раз, но близко поговорить пока не доводилось.

— Доброе утро, — поздоровался я.

Торвину понадобилось несколько секунд, чтобы поднять голову.

— И тебе. Куда направляешься?

— Пока никуда. Только что разговаривал со старостой. Он рассказал мне о зверях, которые водятся в окрестных лесах.

— И что, напугал?

— Скорее заставил задуматься.

Торвину это, похоже, понравилось. Он поднялся и отряхнул ладони.

— Это полезнее, чем храбриться. В лесу самоуверенность быстро заканчивается.

— Мне хотелось бы научиться ходить по лесу. Читать следы, замечать опасность, понимать, куда лучше не соваться.

— А до этого ты в лесу бывал?

— Немного. Но не настолько, чтобы считать себя охотником.

— Тогда можно начать с самого простого.

Торвину не пришлось долго объяснять. Он указал на влажную землю возле колодца.

— Видишь следы?

Я посмотрел вниз. На земле отпечатались несколько подошв, рядом виднелись следы тележного колеса.

— Вижу.

— А теперь скажи, кто здесь прошёл последним.

Я присмотрелся, но быстро понял, что ответить не могу.

— Не знаю. Здесь слишком много следов, чтобы разобраться с первого взгляда.

— Вот поэтому и начнём с простого.

Торвину удалось скрыть улыбку, но в голосе появилась добродушная насмешка.

— Следопыт не просто смотрит под ноги. Он замечает, что изменилось вокруг. Сломанная ветка, примятая трава, след на сырой земле. Иногда достаточно одной мелочи, чтобы понять, кто прошёл и сколько времени назад.

— А магические звери оставляют другие следы?

— Иногда. Но не всегда. У некоторых меняется вес, походка, строение лап. Другие почти не отличаются от обычных. А вот чувства у них могут быть куда лучше наших. Запах, слух, зрение. Поэтому просто спрятаться за деревом бывает недостаточно.

— Получается, нужно учитывать особенности каждого зверя?

— Именно. Нельзя всех мерить одной меркой. Одного можно обойти стороной, другого лучше не тревожить, а от третьего придётся бежать так быстро, как только ноги позволят.

— А охота на них приносит хороший доход?

Торвину вопрос, похоже, не понравился.

— Иногда. Но мы не ходим в лес только ради денег. Если зверь начинает подходить к деревне и нападать на скот или людей, его нужно остановить. А если попадается что-то ценное — это уже другое дело.

Он посмотрел на меня внимательнее.

— Ты действительно хочешь учиться?

— Да. Понимаю, что за один день охотником не стану, но хотя бы основы хотелось бы освоить.

— Тогда завтра утром приходи к западной тропе. Покажу тебе несколько следов. Обычного кабана и одного из тех, кого здесь считают изменённым. Посмотрим, что ты сможешь заметить сам. А там решим, есть ли смысл продолжать.

— Буду там.

— Только оденься по погоде. И обувь выбери такую, которую не жалко испачкать. В лесу чистым не останешься.

Я улыбнулся.

— Постараюсь запомнить.

— Вот и хорошо. А теперь ступай. У меня ещё дела.

К вечеру я вернулся в избу Мары. Женщина сидела за столом и перебирала высушенные травы. На столе стояла небольшая корзина, рядом лежали несколько свёртков ткани.

— Как прошёл день? — спросила она, не поднимая головы.

— Разговаривал с Дерном. А потом встретил Торвина. Он согласился показать мне основы следопытства.

Мара отложила травы.

— Торвин не из тех, кто тратит время зря. Если согласился, значит, решил, что ты хотя бы способен слушать.

— Надеюсь, не разочарую.

Я рассказал ей о разговоре со старостой: о зверях, у которых появляются ядра, об их необычном поведении и о странных находках, которые иногда попадаются в местах их обитания.

— Значит, Дерн рассказал тебе и о реликтах, — произнесла Мара.

— Так их называют?

— Так их обычно и называют. Хотя люди нередко спорят о том, что именно считать реликтом. Для одних это редкий камень, для других — растение с необычными свойствами или древесина, которая не горит в обычном огне.

— А свойства у них известны заранее?

— Не всегда. Иногда человек находит красивый камень и продаёт его за несколько серебряных монет, даже не подозревая, что в руках у него редкая вещь. А потом какой-нибудь мастер тратит месяцы, чтобы понять, на что тот способен.

— Получается, ценность определяется не только внешним видом.

— Разумеется. Но не забывай: далеко не всякая необычная вещь полезна. Некоторые материалы трудно обрабатывать, другие теряют свойства после извлечения из земли. А третьи могут оказаться опасными.

Я задумался. Передо мной постепенно вырисовывалась целая область знаний, в которой магия, природные материалы и ремесло пересекались самым неожиданным образом.

— Хотелось бы однажды самому разобраться в таких вещах.

— Тогда сначала научись разбираться в том, что у тебя уже есть.

Мара кивнула на свободное место возле стола.

— Садись. Сегодня займёмся магией.

Я устроился напротив.

— Что будем делать?

— Продолжим учиться управлять силой. В прошлый раз ты смог зажечь свечу, но повторить это не получилось. Значит, пока рано переходить к чему-то сложному.

Она достала несколько сухих травинок и положила их на небольшую глиняную подставку.

— Попробуй передать им немного тепла. Не нужно зажигать. Просто почувствуй, как энергия проходит от тебя к предмету.

Я посмотрел на травинки.

— То есть нагреть их?

— Если тебе так проще представить. Только не торопись. Не пытайся сразу получить результат. Сначала почувствуй силу, затем попробуй направить её.

Я прикрыл глаза.

Уже знал, как находить ядро. Оно ощущалось где-то внутри груди — не совсем физически, скорее как точка сосредоточенной энергии. Я попытался удержать это чувство и представить, как от него тянется тонкая нить к травинкам.

Первые попытки ничего не дали.

Я чувствовал ядро, но стоило сосредоточиться на направлении энергии, как ощущение начинало расплываться. В какой-то момент мне показалось, что я почти добился успеха, но тепло исчезло.

— Не получается, — признался я.

— Не страшно. Попробуй ещё раз. Только не дави на себя.

Я сделал глубокий вдох и повторил попытку.

На этот раз не стал представлять весь процесс сразу. Сначала сосредоточился на ядре, затем мысленно выделил небольшую часть энергии и направил её к травинкам.

Прошло несколько секунд.

Ничего.

Я уже собирался остановиться, когда заметил едва заметную струйку дыма.

Я открыл глаза. Один из сухих стебельков потемнел.

— Получилось? — спросил я.

Мара наклонилась ближе.

— Немного. Ты сумел передать тепло, но пока не можешь удерживать его достаточно долго.

— Я чувствовал, что энергия уходит. Но не понимал, сколько её нужно.

— Вот это и предстоит выяснить. Сила сама по себе ещё ничего не значит. Важно уметь её удерживать и направлять.

Я посмотрел на потемневшую травинку.

— Похоже на натяжение троса. Если потянуть слишком сильно, можно порвать. Если слабо — он не выполнит свою работу. Нужно найти нужное усилие и удержать его.

Мара задумалась.

— Хорошее сравнение. Только здесь ты работаешь не с верёвкой, а с энергией. И пока даже не знаешь, как именно она реагирует на твои действия.

— Значит, придётся экспериментировать.

— Осторожно экспериментировать, — поправила она. — И не забывай, что у тебя есть предел. Сегодня ты уже достаточно поработал.

Я хотел возразить, но передумал. Впервые за несколько дней почувствовал, что усталость от магии похожа на обычное физическое истощение. Только мышцы здесь почти ни при чём.

Перед сном я долго лежал, глядя в потолок.

День принёс больше вопросов, чем ответов.

Теперь я знал, что дорога к рынку требует подготовки. Нужно научиться держаться в седле, найти возможность присоединиться к обозу и заработать достаточно денег. Но прежде всего — научиться замечать опасность и не полагаться только на удачу.

Завтра Торвин покажет мне первые следы. Возможно, это окажется труднее, чем кажется.

С магией тоже всё было не так просто. Я сумел зажечь свечу, но не смог повторить результат. Сегодня получилось лишь слегка нагреть сухую траву. Небольшой успех, но хотя бы я понимал, что движение в нужную сторону есть.

А ещё оставалась инженерия.

В деревне хватало вещей, которые можно было улучшить. Верёвки, которые быстро изнашивались. Механизмы, требовавшие слишком много сил. Приспособления, которые можно было сделать удобнее и надёжнее.

Для начала не нужно было изобретать ничего невероятного. Достаточно найти проблему, понять её причину и попробовать решить.

Я повернулся на бок и закрыл глаза.

Три года до следующей инспекции.

Времени казалось много, но я уже начинал понимать, что его может не хватить на всё сразу. Придётся учиться постепенно: читать лес, укреплять тело, осваивать магию и искать способ зарабатывать.

И самое главное — не торопиться считать себя готовым к миру за пределами Лир-Холма.

Магический зверь

Утро в Лир-Холме начиналось не с крика петухов — они тут, казалось, молчали до последнего, — а с запаха сырой земли и дыма, который никак не хотел уходить из низин.

Я направлялся к дому Торвина. Сегодня мне предстояло впервые отправиться в лес не за дровами и не по чьему-нибудь поручению. Я собирался учиться тому, чего прежде почти не умел: замечать следы, понимать повадки зверей и передвигаться так, чтобы самому не стать чьей-нибудь добычей.

После разговора с Дерном эта затея уже не казалась простым любопытством. Если я собирался когда-нибудь выбраться за пределы деревни, одного умения чинить механизмы и обращаться с магией было недостаточно.

Торвина я застал возле дома. Он сидел на низкой скамье, проверял ремни на сапогах и укладывал в небольшой кожаный мешок несколько вещей.

— Пришёл, значит, — произнёс охотник, заметив меня. — А я уж думал, после вчерашнего разговора передумаешь.

— Я обещал прийти.

— Это хорошо. Только запомни: в лесу обещания ничего не стоят. Там важнее, что ты умеешь делать.

Торвину говорил без грубости, но и особой приветливостью не отличался. Впрочем, я и не рассчитывал, что он будет встречать меня как дорогого гостя.

Он достал из мешка небольшой нож в простых ножнах и протянул мне.

— Возьми. Не для охоты. Если запутаешься в кустах или понадобится срезать ветку, пригодится. Только без глупостей. Не хватайся за него при каждом шорохе.

Я пристегнул нож к поясу.

— А оружие брать не нужно?

— А ты умеешь им пользоваться?

— Нет.

— Тогда зачем оно тебе? Меч в руках неопытного человека чаще мешает, чем помогает. Пока тебе хватит глаз и головы.

— Звучит не очень обнадёживающе.

— Зато честно.

Торвин поднялся, закинул мешок на плечо и направился к тропе.

Мы вышли из деревни через западную окраину. Первое время дорога шла между редкими деревьями, затем постепенно сузилась и скрылась в подлеске. Земля после ночной сырости была мягкой, местами покрытой тонким слоем прошлогодней листвы.

Торвину не требовалось постоянно смотреть под ноги. Он двигался уверенно, обходил сухие ветки, выбирал участки с мягкой землёй и почти не задевал кусты.

Я старался повторять за ним, но быстро понял, что это не так просто.

Несколько раз под ногой хрустнула ветка. Один раз я зацепился одеждой за колючий куст, а потом ещё и наступил в небольшую лужу, которую заметил слишком поздно.

Торвин остановился и оглянулся.

— Ты со мной или решил всю дорогу собрать на себя?

— Стараюсь идти тише.

— Вижу. Только пока получается наоборот.

— Значит, я что-то делаю не так?

— Много чего. Ты смотришь под ноги так, будто боишься наступить на каждую травинку. Из-за этого не видишь, куда ставишь следующую ногу.

Он указал на участок между двумя деревьями.

— Попробуй пройти до того ствола. Только не спеши.

Я посмотрел на расстояние. Не больше десятка шагов.

Медленно двинулся вперёд, стараясь выбирать свободные места. На первых шагах всё шло неплохо, но затем под подошвой всё же хрустнула сухая ветка.

— Слышал? — спросил Торвин.

— Да.

— А если бы рядом был зверь?

— Тоже услышал бы.

— Вот именно. Не нужно превращаться в крадущуюся кошку. Просто смотри, куда ставишь ногу. Не наступай на сухие ветки, не цепляйся за кусты, не ломай то, что можно обойти.

— Но если я буду всё время смотреть под ноги, то пропущу то, что происходит вокруг.

Торвин одобрительно кивнул.

— Уже начинаешь понимать. В лесу нельзя смотреть только в одну сторону. Глаза должны работать постоянно. Под ноги, вперёд, по сторонам. И ещё нужно все слышать вокруг.

— А как тогда следить за каждым шагом?

— Никак. Сначала научишься замечать, куда ступаешь, потом перестанешь думать об этом каждую секунду. Привычка появится.

Я повторил попытку. На этот раз получилось лучше, хотя один куст всё равно задел рукавом.

— Уже не так плохо, — оценил Торвин. — Но до настоящей тишины ещё далеко.

— А ты всегда так ходишь?

— Когда нужно. Если просто иду по знакомой тропе, могу и пошуметь. Лес не требует от тебя ползать на животе с утра до вечера. Главное — понимать, когда стоит быть осторожным.

— То есть не нужно постоянно вести себя так, будто за каждым деревом кто-то прячется?

— Именно. Иначе устанешь раньше, чем доберёшься до нужного места.

Мы пошли дальше.

Через некоторое время Торвин свернул с тропы и остановился возле небольшой поляны. Трава здесь была примята, а на влажной земле виднелись глубокие отпечатки копыт.

— Теперь смотри внимательно. Что видишь?

Я присел рядом.

— Копыта. Похоже на кабана.

— Верно. Что ещё?

Я осмотрел следы.

— Земля продавлена довольно глубоко. Значит, зверь крупный?

— Возможно. А ещё?

Я перевёл взгляд на примятую траву. Чуть дальше несколько стеблей были пригнуты в одну сторону.

— Он шёл туда?

— Хорошо. А откуда?

Я нахмурился и снова посмотрел на отпечатки. Следы пересекались, а часть земли уже успела подсохнуть.

— Не смогу угадать.

— И не нужно угадывать. Смотри внимательнее.

Торвин присел рядом и указал на один из отпечатков.

— Видишь край? Здесь земля ещё влажная, а сверху нет следов других животных. Значит, прошёл недавно. А вот здесь копыто продавило землю сильнее. Возможно, зверь ускорился или здесь почва мягче. Одного такого признака мало, но вместе с примятой травой можно предположить направление.

— Получается, нужно сравнивать несколько следов, а не пытаться определить всё по одному?

— Вот теперь правильно.

Он провёл пальцем по краю отпечатка, затем указал на молодое дерево неподалёку. На его коре виднелись неглубокие повреждения.

— А это как объяснишь?

Я поднялся и подошёл ближе.

— Зверь задел боком?

— Может быть. А может, тёрся о ствол. Иногда кабаны так делают. Но по одной царапине далеко не уйдёшь. Следы нужно рассматривать вместе.

— Можно хотя бы примерно определить размер?

— Примерно. Но не надейся узнать вес по одному отпечатку. На след влияют земля, скорость движения и многое другое. На твёрдой почве большой зверь может оставить слабый след, а на сырой даже небольшой продавит землю глубоко.

Я ещё раз посмотрел на отпечаток.

В прежней жизни я привык искать закономерности в показаниях приборов. Если несколько датчиков показывали разные значения, нужно было понять, что именно влияет на результат. Здесь всё было похоже, только вместо цифр передо мной лежали отпечатки, сломанные ветки и примятая трава.

— А если следов много, но они оставлены в разное время? — спросил я. — Как понять, какие относятся к одному зверю?

— Хороший вопрос. Для начала смотри, какие следы пересекаются. Если один отпечаток лежит поверх другого, значит, тот, что сверху, оставили позже. Ещё обращай внимание на состояние земли. Но сразу всё равно не поймёшь. Тут нужен опыт.

— То есть я могу принять старый след за свежий?

— Можешь. И не только ты. Даже опытные охотники иногда ошибаются.

Торвину явно нравилось объяснять вещи на практике. Он не торопился и не пытался рассказать всё сразу.

— Теперь представь, что перед тобой след магического зверя. Что будешь искать?

— Необычную форму лап? Следы, которые не соответствуют размеру животного?

— Это тоже. Но прежде всего любые отличия. Необычная походка, странная глубина отпечатков, повреждения растений. Иногда зверь оставляет после себя то, чего не оставило бы обычное животное.

— Например?

— Зависит от зверя. У одних меняется походка, другие оставляют глубокие борозды, хотя весят не так много. Бывает, что растения вокруг тропы выглядят иначе. Но единого правила нет.

— А если я замечу что-то необычное, как понять, что это именно магический зверь, а не просто больное животное?

Торвин усмехнулся.

— А ты хочешь, чтобы я дал тебе ответ на любой случай?

— Было бы удобно.

— Тогда тебе лучше найти волшебную книгу, а не ходить со мной по лесу. Нет, Рэн. Иногда ты просто не будешь знать, что перед тобой. И в таком случае разумнее считать зверя опасным, пока не убедишься в обратном.

Он поднялся и огляделся.

— Магические звери не все одинаковые. Некоторые стараются держаться подальше от людей. Другие защищают свою территорию. А есть такие, которые нападают при первой возможности. Вот с последними лучше не встречаться.

— Те, у кого ядро развивается слишком быстро?

Торвину не понравилось, как уверенно прозвучал вопрос.

— Так говорят. Сам я не знаю, что именно происходит у них внутри. Но видел, что бывает с такими зверями. Поведение у них непредсказуемое. Могут броситься на человека, даже если тот просто проходит мимо.

— И как тогда понять, что зверь опасен?

— Иногда по следам. Иногда по тому, что он оставляет после себя. А иногда никак. Поэтому и нужно быть внимательным.

Он поправил ремень мешка.

— Пойдём дальше. Только теперь смотри не только под ноги, но и по сторонам.

Мы направились к оврагу.

Чем дальше мы уходили от деревни, тем гуще становился лес. Под ногами попадались корни, между деревьями всё чаще встречались заросли кустарника. Солнечный свет пробивался сквозь кроны отдельными пятнами, и после открытой поляны вокруг стало заметно темнее.

Я уже начал уставать от постоянного внимания к каждому шагу. Торвин, похоже, не испытывал никаких трудностей, но мне приходилось прикладывать усилия даже для того, чтобы не шуметь.

— Ты опять смотришь только под ноги, — заметил охотник.

— Пытаюсь не наступать на ветки.

— А впереди что?

Я поднял голову. Между деревьями виднелся узкий проход, справа росли густые кусты, слева лежал поваленный ствол.

— Тропа?

— А если это не тропа?

Я присмотрелся. Земля действительно была немного утоптана, но следов почти не видно.

— Тогда, возможно, звериная тропа.

— Уже лучше. И что будешь делать?

— Посмотрю, куда она ведёт.

— А если там логово?

Я задумался.

— Тогда лучше не идти по ней.

— Верно. Только сначала нужно понять, есть ли признаки того, что зверь часто ходит этим путём. Не всякая протоптанная земля ведёт к логову.

Торвин указал на кусты.

— Видишь, как ветки пригнуты?

Я кивнул.

— Да. Значит, здесь кто-то часто проходит.

— Или прошёл один раз, но сильно задел. Смотри на землю у основания. Если звери ходят здесь постоянно, следов будет больше.

Я присел, но почти сразу понял, что разглядеть что-либо мешали сухие листья.

— Не вижу.

— Тогда не выдумывай. Запомни место и двигайся дальше. В лесу не нужно находить ответ на каждый вопрос.

Мы прошли ещё немного, когда Торвин вдруг поднял руку.

— Стой.

Я замер.

Охотник присел возле большой вмятины в земле. Несколько секунд он осматривал её, затем провёл ладонью над примятой травой, не касаясь её.

— Что-то не так? — тихо спросил я.

— Здесь недавно прошёл зверь.

— Кабан?

— Возможно. Только следы слишком глубокие.

Я присел рядом. Отпечаток действительно был заметно больше тех, что мы видели на поляне. Край земли осыпался, а внутри скопилась вода.

— Он тяжелее?

— Не обязательно. Может, просто земля мягче. Но посмотри сюда.

Торвин указал на кусты впереди.

На них были сломаны ветки. Не одна и не две — целая полоса растительности оказалась примята, словно через неё протащили что-то тяжёлое.

Я заметил ещё кое-что. На земле возле корней лежали обломки коры, а листья на нижних ветках потемнели и выглядели так, будто начали засыхать.

— Это магический зверь? — спросил я.

— Похоже, но я не могу сказать наверняка. В любом случае здесь нам делать нечего.

Торвин медленно поднялся и осмотрелся. Его взгляд задержался на овраге.

— Возвращаемся. Только не спеши и не шуми. Держись рядом.

— Мы не попробуем обойти это место?

— Нет.

— Но если пойти в обход, можно…

— Рэн.

В голосе Торвина не было раздражения, но он посмотрел на меня так, что я замолчал.

— Я не знаю, что оставило эти следы. И не собираюсь выяснять это, пока не пойму, насколько зверь опасен. Мы пришли учиться, а не искать неприятности.

Я кивнул.

Мы начали отступать по своим следам. Торвин шёл впереди, время от времени останавливаясь и прислушиваясь. Я старался повторять его движения, но теперь уже не думал о том, насколько тихо ступаю. Мне хотелось как можно быстрее оказаться подальше от оврага.

И тут из глубины леса донёсся треск.

Торвин резко поднял руку.

— Замри.

Я остановился.

Сначала ничего не происходило. Потом послышался ещё один звук — тяжёлое сопение, за которым последовал хруст веток. Будто кто-то большой пробирался сквозь заросли, не обращая внимания на препятствия.

Торвин медленно повернул голову в сторону оврага.

Между деревьями мелькнула тёмная фигура.

Я успел заметить массивную спину и короткую шею, прежде чем зверь вышел из зарослей полностью.

Кабан.

Только назвать его обычным кабаном у меня язык бы не повернулся.

Он был заметно крупнее любого земного кабана, которого я мог представить. Широкая грудь почти скрывала передние ноги, а спина поднималась над кустами. Жёсткая щетина торчала неровными гребнями. Из пасти выступали длинные изогнутые клыки, на которых застряли кусочки земли и коры.

Зверь остановился и втянул воздух.

— Назад, — едва слышно произнёс Торвин.

Мы начали медленно отступать.

Кабан повернул голову. Его маленькие глаза остановились на нас.

— Не двигайся резко, — прошептал охотник. — Пока он просто смотрит.

Я старался не шевелиться. В голове крутились обрывки мыслей: расстояние, направление ветра, деревья вокруг. Но ничего из этого не помогало понять, что собирается делать зверь.

Кабан опустил голову.

— Беги! — крикнул Торвин.

Я сорвался с места почти одновременно с ним.

Первый удар копыт по земле прозвучал так близко, что я невольно обернулся. Зверь рванул следом, разбрасывая комья грязи. Его туша двигалась с неожиданной скоростью. Казалось, такая масса должна была медленно разгоняться, но кабан быстро сокращал расстояние.

— Правее! — крикнул Торвин.

Я свернул, едва не поскользнувшись на мокрых листьях. Ветка хлестнула по щеке, другая зацепила плечо. Я не успевал смотреть под ноги и только старался не потерять Торвина из виду.

Позади раздался глухой удар.

Я оглянулся и увидел, как кабан врезался в молодое дерево. Ствол согнулся, ветки затрещали, но зверь даже не остановился. Он продолжил преследование, словно препятствия существовали только для того, чтобы ломаться под его весом.

— Не оглядывайся! — крикнул Торвин.

Я отвернулся.

Лёгкие уже горели, дыхание сбилось. Ноги цеплялись за корни, а сердце колотилось так, что каждый удар отдавался в ушах. Я понимал, что не смогу долго поддерживать такой темп.

Впереди показались два крупных валуна. Между ними оставался узкий проход.

— Сюда! — Торвин резко изменил направление.

Он проскользнул между камнями первым. Я последовал за ним, едва не зацепившись плечом за выступ. За спиной снова затрещали кусты.

— Пригнись!

Я успел опустить голову.

Кабан с грохотом пронёсся мимо прохода, задев боком один из валунов. Камень даже не шелохнулся, но зверь на мгновение потерял направление и выскочил на небольшую поляну за ними.

Торвин схватил меня за плечо и прижал к холодной поверхности скалы.

— Ни звука.

Я попытался восстановить дыхание, но грудь словно сдавило обручем. Пришлось зажать рот ладонью, чтобы тяжёлое дыхание не вырывалось наружу.

Кабан остановился неподалёку.

Он поводил головой, втягивая воздух. Потом сделал несколько шагов к валунам.

Я видел его через узкую щель между камнями. С такого расстояния зверь казался ещё больше. На шкуре были заметны тёмные участки, будто земля и грязь намертво въелись в щетину. Один клык оказался обломан почти у основания, но даже оставшийся выглядел достаточно длинным, чтобы нанести смертельную рану.

Торвин медленно поднял с земли небольшой камень.

Я посмотрел на него с недоумением.

Охотник дождался, когда кабан повернёт голову в другую сторону, и бросил камень подальше от нашего укрытия.

Тот ударился о ствол дерева.

Кабан мгновенно развернулся. Несколько секунд он стоял неподвижно, затем направился на звук, ломая кусты.

Торвин не двигался, пока тяжёлые шаги не стали удаляться.

Только тогда он позволил себе выдохнуть.

— Не шевелись, — прошептал он.

Мы продолжали ждать.

Мне казалось, что прошло несколько минут, хотя, возможно, всего несколько десятков секунд. Лес постепенно затихал. Где-то над нами кричала птица, а ветер шевелил листья на верхушках деревьев.

Наконец Торвин осторожно выглянул из-за валуна.

— Ушёл.

Я медленно опустился на землю. Руки дрожали, дыхание никак не желало выравниваться.

— Это был тот самый зверь? — спросил я.

— Как видишь. И встречаться с ним ещё раз я не собираюсь.

— Он был огромным.

— И быстрым. Слишком быстрым для такой туши.

Торвин посмотрел в сторону поляны.

— Видел, как он прошёл через молодое дерево?

Я кивнул.

— Он даже не пытался обойти его.

— Вот именно. Если бы мы оказались на открытом месте, пришлось бы совсем туго. От такого не убежишь по прямой.

— А если бы мы не нашли эти валуны?

— Искали бы другое укрытие. Или надеялись, что он потеряет интерес раньше, чем догонит нас.

Я провёл ладонью по лицу, стирая пот и грязь.

— Значит, мы правильно сделали, что отступили, когда увидели первые следы.

— Да. И запомни это. Иногда самое полезное, чему можно научиться в лесу, — вовремя повернуть назад.

Торвину удалось немного улыбнуться.

— Вот тебе и первый урок. Следы нужны не для того, чтобы обязательно найти зверя. Иногда они нужны, чтобы понять, где его лучше не искать.

Я посмотрел на него.

— А мы ведь даже не собирались его выслеживать.

— Вот поэтому и повезло. Представь, если бы ты решил, что нашёл интересную добычу, и полез проверять, куда ведут следы.

— Не думаю, что мне бы понравилось продолжение.

— Мне тоже.

Охотник поднялся и протянул мне руку.

— На сегодня хватит. Идём домой. Думаю, впечатлений тебе достаточно.

Когда мы вернулись в Лир-Холм, солнце уже поднялось высоко.

Мы ещё некоторое время шли молча. Торвин держался чуть впереди, время от времени поглядывая на лесную опушку.

— Куда теперь? — спросил я.

— Сначала зайдём к одному человеку. Нужно рассказать о кабане.

— Кому?

— Гуннару. Он мой друг. Мы с ним уже много лет охотимся вместе. Ещё с нами Альрик и Роланд. Вчетвером мы обычно и работаем.

— То есть у вас своя охотничья команда?

— Можно сказать и так. Просто давно привыкли полагаться друг на друга. У каждого свои сильные стороны. Гуннар обычно берёт на себя организацию, когда дело касается общей охоты или чего-то опасного. Альрик хороший лучник, с расстояния мало кто сравнится с ним в меткости. Роланд совсем другой — ловкий, быстрый, умеет пробраться туда, куда остальные не полезут.

— А ты отвечаешь за следы?

— За следы, поиск зверя и выбор пути. Хотя, если потребуется, каждый из нас способен справиться и с чужой работой.

— Давно вы знакомы?

— Достаточно давно, чтобы знать, чего ждать друг от друга.

Торвин ненадолго замолчал.

— Мы не всегда ходим вчетвером. У каждого есть свои дела, да и не всякая охота требует целой команды. Но если появляется что-то серьёзное, стараемся собираться вместе.

— Значит, кабан достаточно серьёзная причина?

— Более чем. Если такой зверь бродит неподалёку, нужно предупредить остальных и решить, что делать дальше. Гуннар должен знать об этом первым.

Теперь мне стало понятно, почему Торвин не собирался просто разойтись со мной по домам.

— Хорошо. Пойдём знакомиться с твоими друзьями.

— Познакомишься. Только не жди, что они станут рассказывать тебе истории у костра. Особенно Гуннар. Он сначала любит понять, с кем имеет дело.

Я усмехнулся.

— Постараюсь произвести хорошее впечатление.

— Для начала хватит того, что ты сегодня остался цел.

Дом Гуннара находился ближе к краю деревни. Ничего особенного в нём не было: крепкий деревянный дом, небольшой навес для инструментов и огороженный двор. Возле стены стояли несколько корзин и связки дров.

У дома находились трое мужчин.

Один сидел на лавке и занимался наконечником стрелы. Он был поджарым, с крепкими руками и внимательным взглядом. Рядом стоял другой — более худощавый, подвижный, с живой мимикой. Он что-то рассказывал, активно жестикулируя.

Третий мужчина был заметно крепче обоих. Широкие плечи, спокойное лицо и внимательные глаза. Он слушал разговор, почти не вмешиваясь.

— Торвин, — первым заметил нас сидевший на лавке.

— Альрик, — кивнул ему Торвин.

Мужчина рядом с ним обернулся.

— А я уж думал, ты сегодня решил отдохнуть.

— Не получилось, — ответил Торвин.

Крепкий мужчина поднялся.

— Что случилось?

— Гуннар, в лесу появился магический кабан.

Разговор оборвался.

— Насколько большой?

— Крупнее обычного. Очень крупный. Мы наткнулись на него возле старых зарослей у оврага. Рядом были странные следы и потемневшие растения.

— Вы его видели?

— Видели. Он бросился на нас. Пришлось уходить.

Гуннар перевёл взгляд на меня.

— А этот парень кто?

— Рэн. Сегодня впервые ходил со мной в лес. Учился замечать следы и ориентироваться.

— И сразу встретил такого зверя?

— Похоже на то, — ответил я.

Гуннар несколько секунд внимательно меня рассматривал, затем снова обратился к Торвину.

— Где именно вы его встретили?

Торвин объяснил место, описал следы и направление, в котором ушёл кабан.

Гуннар выслушал его, не перебивая.

— Западную тропу пока закроем, — наконец произнёс он. — Никому не стоит ходить туда без необходимости.

Он повернулся к мужчине, который до этого занимался стрелой.

— Альрик, предупреди старосту. Пусть скажет жителям, чтобы сегодня не выпускали скот за ограждение и не ходили в лес с западной стороны.

— Сделаю.

— И сам туда пока не суйся. Если увидишь свежие следы, возвращайся.

Альрик убрал наконечник и поднялся.

— Понял. Не буду искать неприятностей.

Гуннар повернулся к худощавому мужчине.

— Роланд, проверь дальние ловушки. Но не один. Возьми кого-нибудь из тех, кто сегодня свободен. Если заметишь следы крупного зверя, не пытайся идти по ним. Сразу возвращайтесь.

— А если ловушки уже проверены?

— Тогда проверишь только ближайшие. Сейчас важнее понять, насколько далеко зверь ушёл.

Роланд кивнул.

— Хорошо. Постараюсь не знакомиться с ним лично.

— Вот и правильно, — ответил Гуннар.

Альрик и Роланд направились по своим делам.

Я проводил их взглядом. Теперь, увидев их вместе, я лучше понял, что имел в виду Торвин. Они действительно выглядели людьми, которые давно привыкли работать сообща. Никто не задавал лишних вопросов и не спорил с поручениями. Каждый просто понимал, что нужно сделать.

Гуннар повернулся к нам.

— Вы уверены, что зверь ушёл вглубь леса?

— Да. Но я бы не стал утверждать, что он не вернётся, — ответил Торвин.

— Правильно. Пока будем считать, что он неподалёку.

Гуннар посмотрел на меня.

— А ты, выходит, сегодня получил первый урок?

— Можно и так сказать.

— И что понял?

Я немного подумал.

— Что лес не прощает невнимательности. И что от некоторых зверей лучше просто убегать.

Гуннар усмехнулся.

— Уже неплохо. Только бегать тоже нужно уметь. А если однажды убежать не получится?

— Тогда придётся искать другой выход.

— Например?

Я пожал плечами.

— Пока не знаю.

Гуннар некоторое время смотрел на меня, затем перевёл взгляд на Торвина.

— Ты ведь говорил, что собираешься показывать ему лес?

— Да. Парень сам попросился учиться.

— И ты решил сразу вести его к оврагу?

— Я не знал, что там окажется этот кабан.

— Я не о кабане. Ты же понимаешь, что он пока совершенно не готов к таким вылазкам?

Торвин посмотрел на меня.

— Поэтому мы и начали с простых вещей. Ему нужно научиться замечать следы, ориентироваться и правильно передвигаться по лесу. Сегодня он впервые попробовал.

Гуннар снова обратился ко мне.

— А оружие держать умеешь?

— Нет. Я никогда не учился обращаться с мечом.

— Совсем?

— Не было необходимости.

— Здесь может потребоваться. Не обязательно против магического зверя. В дороге можно встретить и обычного хищника, и человека, который окажется куда опаснее любого зверя.

Я задумался.

— Получается, мне стоит научиться хотя бы защищаться?

— Именно. Я не собираюсь делать из тебя воина. Но если ты собираешься самостоятельно ходить по лесам и однажды отправиться за пределы деревни, тебе пригодится хотя бы самое необходимое.

Он ненадолго замолчал.

— Если хочешь, могу показать основы. Начнём с простых движений, стойки и того, как правильно держать оружие. Дальше будет видно.

Я посмотрел на Торвина. Тот пожал плечами.

— Не отказывайся. Гуннар умеет обращаться с оружием. И объясняет неплохо, если не начинает ворчать.

— Я вообще-то тут и все слышу, — заметил Гуннар.

— На то и рассчитывал.

Я невольно улыбнулся.

— Хорошо. Я согласен.

— Тогда завтра после утренних дел приходи. Найдём тренировочные мечи.

— Договорились.

— И ещё, — добавил Гуннар. — Не думай, что меч сделает тебя неуязвимым. Против такого кабана он вряд ли поможет. Но от человека или обычного зверя иногда может спасти.

Я кивнул.

Теперь предложение Гуннара казалось вполне понятным. Он просто хотел, чтобы я не оказался совершенно беспомощным, если однажды опасность возникнет там, где убежать уже не получится.

На следующий день я пришёл к Гуннару после утренних дел.

Он ждал меня во дворе. Рядом лежали два деревянных тренировочных меча.

— Пришёл, — заметил он.

— Как и договаривались.

— Хорошо. Возьми один.

Я поднял тренировочный меч. Он оказался тяжелее, чем я ожидал.

— Не настоящий, — сказал Гуннар, заметив, как я его рассматриваю. — Но для начала сойдёт. Сегодня не будем учиться рубить деревья или побеждать противников. Нужно понять, как держать оружие и управлять собственным телом.

Он взял второй меч и встал напротив меня.

— Начнём со стойки. Ноги немного шире плеч. Одну выставь вперёд. Не слишком далеко. Тебе должно быть удобно двигаться в обе стороны.

Я попробовал повторить. Пока не понимая насколько правильно получилось.

— Так?

Гуннар посмотрел на мои ноги.

— Почти. Переднюю немного разверни. И не стой так, будто тебя сейчас собираются толкнуть.

Я поправил положение.

— Теперь?

— Лучше. Колени не выпрямляй до конца. Если будешь стоять на прямых ногах, потеряешь равновесие при первом же толчке.

Он показал, как нужно держать меч.

— Не сжимай рукоять так, будто пытаешься её сломать. Крепко, но без лишнего напряжения. Руки должны работать, а не каменеть.

Я ослабил хватку. Мне уже не нравилось что приходится учитывать столько моментов, а мы даже толком не начали тренировку.

— Вот так?

— Да. Теперь подними меч.

Я поднял оружие перед собой.

— Не закрывай им всё тело. Следи за тем, что происходит вокруг. Меч должен помогать тебе защищаться, а не мешать видеть противника.

Гуннар показал простое движение вперёд и остановился.

— Попробуй повторить.

Я сделал шаг и поднял меч.

— Слишком резко, — заметил он. — Не торопись. Сначала движение ног, потом корпус и руки. Не пытайся вложить в удар всю силу.

Я повторил. Но если честно, в мыслях представлял всё совершенно по другому.

— Лучше. Ещё раз.

Мы продолжали упражнение. Сначала мне казалось, что ничего сложного в этом нет. Но уже через несколько повторений я понял, насколько обманчивым было первое впечатление.

Стоило сосредоточиться на руках, как я забывал о ногах. Следил за ногами — терял правильное положение корпуса. Пытался двигаться быстрее — нарушал равновесие.

Гуннар терпеливо поправлял меня.

— Не смотри только на меч. Следи за противником.

— Но ведь именно мечом он будет атаковать.

— Меч — это только часть его тела. Смотри на плечи, корпус, ноги. Иногда движение начинается задолго до того, как оружие придёт в движение.

Он продемонстрировал несколько простых выпадов, а затем предложил мне попробовать защититься.

Первую попытку я провалил почти сразу.

Вторую — тоже.

На третьей мне удалось хотя бы правильно отступить.

— Уже лучше, — сказал Гуннар. — Но не пытайся угадать, что я сделаю. Смотри и реагируй.

— Легко сказать.

— Поэтому мы и тренируемся.

Через некоторое время руки начали заметно уставать. Деревянный меч казался тяжелее с каждой минутой, а движения становились всё менее точными.

Гуннар заметил это и опустил оружие.

— На сегодня хватит.

— Уже? Так быстро?

— А ты хотел ещё?

— Честно говоря, думал, что продержусь дольше.

— Лучше остановиться, пока ты ещё можешь правильно выполнять движения. Уставший человек начинает делать ошибки. В настоящей драке за них приходится платить.

Я опустил меч. Руки и вправду побаливали.

— Получается, сегодня я научился только стоять и махать палкой?

Гуннар усмехнулся.

— Сегодня ты понял, что даже простое движение требует внимания. Для первого занятия этого достаточно. По крайней мере ты сегодня научился не падать от собственного удара.

Он забрал у меня тренировочный меч.

— Если захочешь продолжить, приходи. Но не жди, что за несколько дней станешь мастером.

— Я и не рассчитывал.

— Вот и хорошо.

Вечером я заглянул к Весте. Женщина как раз набирала воду из колодца.

Я остановился рядом и некоторое время наблюдал за работой ворота.

Механизм, который я помогал ремонтировать раньше, продолжал работать. Однако при полном ведре деревянная рукоять заметно прогибалась, а само вращение требовало немалого усилия.

— Что-то случилось? — спросила Веста, заметив мой взгляд.

— Нет. Просто подумал, что можно сделать немного удобнее.

— Опять твои задумки?

— Попробую одну вещь. Только сначала покажу тебе.

Я объяснил, что хочу изменить длину рукояти и добавить простой стопор, который не позволит вороту самопроизвольно раскручиваться под весом полного ведра.

Веста внимательно выслушала.

— А это не сломает то, что ты уже починил?

— Не должно. Но сначала проверим на небольшом весе.

Она согласилась.

Я не стал сразу разбирать весь механизм. Сначала измерил длину рукояти, проверил крепления и осмотрел деревянную опору. Затем попросил у Весты несколько обрезков дерева и подходящую металлическую скобу.

Работа заняла почти весь вечер.

Сначала я изготовил удлинённую рукоять, стараясь сохранить удобный хват. Затем закрепил простую деревянную защёлку, которая могла удерживать ворот в нужном положении. Решение было далеко не идеальным, но для первого испытания подходило.

Когда всё было готово, я начал проверять задумку на деле.

Опустил ведро, затем начал медленно поднимать его.

Удлинённая рукоять позволяла прикладывать меньше усилий. Когда ведро оказалось наверху, я проверил стопор. Тот удержал вал, не дав ему провернуться обратно.

— Вот это уже интересно, — произнесла Веста.

Она сама попробовала повернуть рукоять.

— Действительно легче. И теперь не нужно всё время держать её, пока набираешь воду.

Я улыбнулся.

— Если механизм выдержит несколько дней работы, можно будет сделать такие же и для других колодцев.

Веста покачала головой.

— Сначала пусть этот переживёт неделю. А потом будем хвалить твоё изобретение.

— Справедливо.

Я не обиделся. Напротив, проверка в реальных условиях была именно тем, что мне требовалось. Хорошая идея на бумаге ещё не означала, что она окажется полезной в жизни.

Когда я закончил, к колодцу подошёл Дерн. Он некоторое время наблюдал за новым устройством, затем взялся за рукоять и попробовал поднять ведро.

— Стало легче, — признал он. — И защёлка удобная.

— Посмотрим, как покажет себя в работе.

— Правильно. Если выдержит, поговорим. У нас в деревне ещё несколько колодцев, где такой механизм пригодился бы.

Я почувствовал приятное удовлетворение.

Это была небольшая переделка, но уже не просто помощь по хозяйству. Пожалуй, именно так и следовало начинать.

Поздно вечером я вернулся к Маре. Женщина заметила мою усталость ещё с порога.

— Судя по виду, день был длинным.

— Очень.

Я рассказал ей о встрече с кабаном, про охотников и о первой тренировке с мечом. Мара слушала внимательно, не перебивая.

— Значит, теперь ты понимаешь, почему я говорила, что одной магии недостаточно.

— Теперь понимаю гораздо лучше.

— И что собираешься делать?

Я задумался.

— Учиться. Торвин обещал показывать мне лес. Гуннар будет заниматься со мной оружием. А с магией продолжим работать вместе. И ещё хочу попробовать сделать несколько полезных вещей для деревни. Если получится, может быть, удастся что-нибудь продать.

Мара улыбнулась.

— Планов у тебя много.

— И времени не так уж много.

— Не забывай отдыхать. Даже самые полезные занятия не принесут пользы, если ты свалишься от усталости.

Я усмехнулся.

— Постараюсь.

Перед сном я ещё долго думал о прошедших днях.

Лес оказался совсем не таким, каким я его представлял. Там нельзя было полагаться только на глаза или слух. Нужно было замечать мелочи, понимать поведение животных и знать, когда лучше отступить.

Сегодня я впервые увидел, насколько опасным может быть магический зверь. И впервые понял, что знания из прежней жизни не всегда дают преимущество. Иногда достаточно одного неверного шага, чтобы оказаться перед существом, против которого не помогут ни расчёты, ни инженерная смекалка.

Но это не означало, что мои знания бесполезны.

Ворот колодца стал тому подтверждением.

Впереди было ещё много работы. Нужно укрепить тело, научиться обращаться с оружием, развить магию и разобраться в природе этого мира.

Я закрыл глаза.

Я всё ещё был далёк от того, чтобы чувствовать себя уверенно на Арионе. Но теперь у меня появлялось кое-что важнее уверенности — понимание того, чему именно нужно учиться.

Первые механизмы

Первые недели после моего полного восстановления оказались совсем не такими спокойными, как я рассчитывал.

Мара не позволяла мне надолго оставаться без дела. Утром мы занимались магией, после обеда я помогал по хозяйству, а свободное время постепенно заняла пристройка, которую она разрешила использовать под мои нужды. Я планировал разместить тут свою мастерскую.

С магией всё продвигалось медленно. Иногда мне казалось, что я начинаю понимать её устройство, но стоило попробовать повторить результат без подсказок Мары, как всё снова рассыпалось.

— Ты слишком торопишься, — говорила она, наблюдая за очередной неудачной попыткой. — Не пытайся заставить силу сделать то, чего сам ещё не понимаешь.

— Я пытаюсь понять, как именно она работает.

— Вот и продолжай. Только не путай понимание с желанием получить результат.

Она учила меня чувствовать поток, удерживать его и направлять. Мы начинали с простого: небольшое движение воздуха, слабое тепло, едва заметное изменение пламени свечи. Никаких впечатляющих вспышек или огненных шаров. Мара считала, что сначала я должен научиться управлять малым, а уже потом думать о большем.

Пожалуй, в этом она была права.

Однажды после очередной тренировки я задержался у стола, разглядывая оставшиеся на нём записи. Часть была сделана на бумаге, которую Мара выделила из своих запасов, часть — на деревянных дощечках, где углём я отмечал отдельные наблюдения.

— Ты опять что-то рассчитываешь? — спросила она.

— Пытаюсь разобраться, как лучше распределить время. Если продолжу заниматься только магией, то до мастерской руки вообще не дойдут.

— А если займёшься только мастерской, то не дойдут до магии.

— Значит, придётся искать равновесие.

Мара улыбнулась.

— Наконец-то начинаешь понимать название своей задачи.

Я усмехнулся и собрал дощечки.

Слово «равновесие» в последнее время стало встречаться мне слишком часто.

Разговор с Дерном состоялся спустя несколько дней.

Я застал его возле хозяйственного сарая. Староста проверял привезённые доски и о чём-то спорил с двумя мужчинами. Дождавшись, пока они уйдут, я подошёл ближе.

— Хотел спросить кое о чём.

— Спрашивай.

— Ты говорил, что через деревню иногда проходят купцы. Насколько часто?

Дерн посмотрел на меня внимательнее.

— По-разному. Большие караваны здесь не задерживаются, но отдельные торговцы заглядывают. Иногда идут через Лир-Холм по дороге к переправе, иногда возвращаются обратно. А зачем тебе?

— Я хотел бы кое-что показать им.

— Что именно?

— Несколько приспособлений. Вещи, которые могут облегчить работу в хозяйстве. Пока не знаю, заинтересуют ли они кого-нибудь, но попробовать стоит.

Дерн задумчиво провёл ладонью по подбородку.

— Купцы не любят тратить время на пустые разговоры. Если хочешь, чтобы тебя услышали, покажи вещь в работе. И сразу объясни, кому она может пригодиться.

— Я так и собирался.

— Тогда не торопись. Сначала сделай что-то действительно полезное. А ещё подумай, как будешь выполнять заказы, если они появятся.

— Об этом я тоже думаю.

— Думать полезно, — хмыкнул он. — Только не забывай, что между задумкой и готовой вещью обычно лежит немало работы.

Я поблагодарил его и направился обратно.

Разговор не дал мне готового решения, но кое-что прояснил. Мне не требовалось сразу открывать мастерскую или пытаться производить десятки изделий. Достаточно было подготовить несколько образцов, которые можно показать человеку, способному найти покупателей.

А вот для этого уже требовалось место.

Пристройка Мары давно использовалась в основном для хранения хозяйственных вещей. Внутри было сухо, крыша не протекала, а света из небольшого окна хватало, чтобы работать днём.

Мы освободили одну стену, убрали ненужные ящики и старые корзины. Несколько вещей Мара перенесла в другое место, остальное пришлось рассортировать и аккуратно сложить на полках.

Я не собирался превращать помещение в полноценную мастерскую за один день. Для начала мне хватало верстака, места под заготовки и нескольких полок для инструментов.

С верстаком помог Борн. Он нашёл подходящие доски и показал, как лучше укрепить столешницу, чтобы та не шаталась при работе. Ножовку, молоток, рубанок и часть других инструментов я пока одолжил у жителей деревни. Некоторые мелочи сделал сам, насколько позволяли возможности.

Постепенно в помещении стало удобнее работать.

На одной полке лежали деревянные заготовки, на другой — инструменты. У стены я оставил место для будущих изделий. Пока оно пустовало, но мне хотелось верить, что ненадолго.

Первое время я занимался простыми вещами: подгонял деревянные соединения, проверял размеры, учился работать с местной древесиной. Материал отличался от привычного мне не только породами, но и качеством обработки. Иногда доска выглядела ровной, а после первого же прохода рубанком обнаруживалось, что волокна идут совсем не так, как я ожидал.

Приходилось приспосабливаться.

Мара иногда заглядывала ко мне, оставляла еду или просто наблюдала за работой.

— Ты ведь собираешься здесь что-то производить? — спросила она однажды.

— Пока только учусь.

— А потом?

— Если всё получится, здесь можно будет делать полезные вещи. Не только для деревни.

Она оглядела помещение.

— Тогда оставь немного свободного места. Всякая работа со временем разрастается.

Я посмотрел на тесную пристройку и усмехнулся.

— Пока мне бы научиться не занимать всё пространство одним верстаком.

— Начни с этого. Уже не плохое начало.

Время постепенно вошло в привычный ритм.

Утром я занимался с Марой. После обеда работал в мастерской, а несколько раз в неделю уходил на тренировки с Гуннаром и Торвином.

Гуннар начал с самых простых вещей. Стойка, равновесие, правильное положение ног, защита от удара. Он не пытался сделать из меня бойца и быстро объяснил, что сила без умения только мешает.

— Ты всё время напрягаешь плечи, — заметил он, когда я в очередной раз неудачно отступил.

— И что?

— А то, что устанешь раньше, чем успеешь что-нибудь сделать. Расслабься. Двигайся свободнее.

— Легко сказать.

— Я и не говорил, что будет легко.

Он снова поднял тренировочный меч.

С Торвином всё было иначе. Он не учил меня драться. Его интересовало, насколько внимательно я смотрю по сторонам.

Мы уходили в лес, и он показывал следы животных, сломанные ветки, примятую траву. Иногда я проходил мимо чего-то очевидного, а Торвин останавливался и молча указывал на землю.

— Что видишь?

— Следы.

— Чьи?

Я присматривался, пытался определить размер, направление, глубину отпечатков.

— Не уверен. Не буду выдумывать, пока не понимаю.

— Тогда не выдумывай. Смотри ещё.

Постепенно я научился замечать больше. Не настолько, чтобы сравниваться с ним, но уже мог отличить свежий след от старого и примерно понять, куда двигалось животное.

Эти занятия неожиданно оказались полезны и для мастерской. Я начал лучше замечать мелочи, которые раньше пропускал: неровности, перекосы, следы нагрузки на древесине.

Всё это требовало времени.

Прошёл месяц, затем второй. За это время я успел несколько раз переделать одни и те же детали, испортить немало заготовок и понять, что хорошая идея ещё не означает, что её легко воплотить.

Но постепенно работа начала приносить результат.

Первым серьёзным изделием стал небольшой блок-подъёмник.

Идея была простой: дать человеку возможность поднимать мешки и другие грузы, не прикладывая к этому столько сил. Я начал с деревянных шкивов, подбирая их форму и размеры, чтобы верёвка проходила свободно и не застревала.

Сначала сделал простой неподвижный блок. Он менял направление тяги, но сам по себе почти не облегчал подъём. Поэтому пришлось добавить подвижный блок и продумать крепление всей системы.

Деревянные части я изготовил самостоятельно. Но без металлических деталей конструкция получалась ненадёжной. Нужны были оси, крепления и несколько небольших элементов, которые нельзя было просто вырезать из дерева.

Именно тогда я решил поговорить с Кирой.

Она работала в кузнице почти с детства и хорошо разбиралась в металле. Я видел, как она замечала дефекты заготовок, которые другие могли пропустить, и как уверенно обращалась с инструментами.

Но я понимал, что обращаться нужно не только к ней.

Запасами кузницы распоряжался кузнец, а не его помощница.

Поэтому я дождался, когда Кира освободится, и попросил передать, что хотел бы поговорить с мастером.

Кузнец выслушал меня не сразу.

Сначала он закончил работу с заготовкой, положил инструмент и только потом повернулся.

— Кира сказала, тебе нужны металлические детали.

— Да. Для нескольких механизмов.

— Каких ещё механизмов?

Я объяснил, что хочу изготовить подъёмник, храповые фиксаторы, треножник с лебёдкой и отдельный колодезный ворот с защитой от холода.

Кузнец выслушал, но по его лицу было трудно понять, заинтересовался он или уже пожалел, что согласился на разговор.

— И сколько железа тебе понадобится?

— Пока немного. Мне не нужны большие заготовки. Несколько осей, скоб, креплений и деталей для механизмов. Где-то лучше использовать железо, где-то бронзу.

— Бронзу? — переспросил он.

— Для деталей, которые трутся друг о друга. Например, для втулок. Медь тоже может пригодиться, но не там, где нужна прочность.

Кузнец посмотрел на Киру.

— Ты понимаешь, о чём он говорит?

— В общих чертах, — ответила она. — Он не хочет делать всё из железа. И это разумно. Для некоторых соединений бронза будет лучше.

— А ты уже решил, что мы должны тебе всё это изготовить?

— Нет. Я хотел предложить договориться.

Я немного помолчал, подбирая слова.

— Сейчас у меня нет денег, чтобы оплатить материал и работу. Но я хочу показать эти устройства купцу. Если он заинтересуется и появятся первые заказы, я смогу рассчитаться с вами из выручки.

Кузнец нахмурился.

— То есть ты предлагаешь мне отдать металл сейчас, а деньги обещаешь потом?

— Не просто обещаю. Мы можем заранее определить, сколько материала пойдёт на детали и сколько будет стоить ваша работа. Я не прошу много. Только то, что необходимо для первых образцов.

— А если купец ничего не купит?

— Тогда я всё равно останусь должен. И мы заранее запишем, сколько именно.

Он посмотрел на меня внимательнее.

— Ты понимаешь, что металл не появляется из воздуха? У меня здесь не склад. Часть заготовок приходится переделывать из старых изделий, а новые приходится заказывать через торговцев.

— Понимаю. Поэтому и не прошу много.

Кузнец некоторое время молчал.

— И что ты собираешься делать, если купец заинтересуется?

— Закупать металл и делать изделия под заказ. Не готовые инструменты, а заготовки и подходящие материалы. Думаю, покупать металл будет дешевле, чем каждый раз приобретать готовые детали или инструменты, которые мне нужны.

— Думаешь?

— Да. Но сначала нужно проверить, есть ли спрос.

Кузнец усмехнулся.

— По крайней мере, не обещаешь, что через месяц станешь богачом.

Кира едва заметно улыбнулась.

— Я могу посмотреть твои чертежи, — сказала она. — И помочь определить, какие детали лучше сделать из бронзы, а какие из железа. Но решать по материалу будет мастер.

— Так и должно быть, — ответил я.

Кузнец ещё раз осмотрел меня.

— Ладно. Давай посмотрим, что ты там придумал. Но сразу скажу: никаких больших кусков металла. Для начала сделаем только необходимое. Стоимость материала и моей работы запишем. Если купец заинтересуется, рассчитаешься. Если нет — долг никуда не исчезнет.

— Согласен.

— И ещё. Кира не будет бросать обычную работу ради твоих затей. Будет время — поможет.

— Я и не собирался требовать большего.

Так мы и договорились.

Для меня это было важнее, чем казалось на первый взгляд. Теперь у меня появлялась возможность изготовить не просто деревянные модели, а настоящие рабочие образцы.

Работа пошла медленно.

Сначала мы разобрали каждый механизм отдельно. Я показывал деревянные заготовки, объяснял назначение деталей и рассказывал, где они будут испытывать нагрузку.

Кира быстро поняла, что мне требуется. Иногда она предлагала изменить форму детали или сделать её немного толще. В нескольких случаях её замечания спасли меня от очередной переделки.

Для подъёмника кузнец изготовил железные оси и крепёжные элементы. В местах вращения мы предусмотрели бронзовые втулки. Деревянные шкивы и корпус я сделал сам.

С храповым механизмом пришлось повозиться дольше. Мне нужны были зубчатые колёса и стопоры, которые не позволяли бы механизму вращаться в обратную сторону. Для небольшого образца использовали бронзовые детали, а наиболее нагруженные элементы и крепления сделали из железа.

Я не собирался сразу испытывать их на предельной нагрузке. Сначала проверил, как механизм держит небольшое усилие, потом постепенно увеличивал нагрузку. Каждый раз осматривал зубья и стопор, проверял, не смещаются ли детали.

Треножник с лебёдкой потребовал отдельного внимания. Его деревянные ноги должны были выдерживать нагрузку и не разъезжаться в стороны. Кузнец помог с металлическими соединениями, а я занимался конструкцией и подгонкой деталей.

Сложнее всего оказалось добиться того, чтобы треножник можно было разобрать и собрать без лишних усилий. Я несколько раз менял соединения, пока не добился нужного результата.

Последним в этой работе стал утеплённый колодезный ворот.

Это была отдельная конструкция, не связанная с уже выполненными ранее улучшениями деревенского колодца. Я хотел сделать образец, который можно было бы предложить для зимнего варианта использования колодца.

Основой стал деревянный барабан с железной осью. Для опор мы использовали гладкие каменные поверхности и бронзовые элементы в местах трения. Смазку я приготовил на основе смолы, а сам механизм закрыл съёмным деревянным кожухом, защищавшим его от ветра и мороза.

Кожух не должен был мешать обслуживанию. Его можно было снять, осмотреть ось, очистить механизм и снова установить на место.

Когда я закончил сборку, то несколько раз проверил работу ворота. Он вращался ровно, без заметных рывков и скрипа.

Кира осмотрела конструкцию и провела ладонью по краю кожуха.

— А если внутри соберётся влага?

— Нужно будет время от времени открывать и просушивать. Поэтому он и съёмный.

— Значит, придётся объяснять покупателю, что это не просто коробка вокруг ворота.

— Придётся. Но по сути тут все просто, а это главное.

Она кивнула.

— Тогда понятно.

К концу третьего месяца в пристройке уже было на что посмотреть.

На стене висели несколько деревянных шаблонов и рисунков. На полках лежали запасные детали, верёвки и небольшие заготовки. У верстака стояли готовые изделия.

Я не мог сказать, что всё получилось идеально. У каждого механизма оставались ограничения, а некоторые детали требовали аккуратного обращения. Но это были уже не наброски и не макеты.

Подъёмник я испытал с мешком зерна. Сначала проверил крепления и опору, затем медленно поднял груз. Подвижный блок заметно облегчал работу, а верёвка шла без заеданий.

Храповые фиксаторы выдержали несколько проверок. Стопор уверенно удерживал колесо от обратного движения.

Треножник я собрал во дворе. Проверил устойчивость, работу лебёдки и соединения. Затем разобрал и снова собрал его, чтобы убедиться, что конструкция не требует особых навыков.

С колодезным воротом всё оказалось проще: он работал плавно, а кожух защищал основные части механизма от холодного ветра.

Торвин наблюдал за испытаниями подъёмника и треножника.

— И зачем тебе всё это? — спросил он, когда я закончил.

— Чтобы человеку не приходилось тратить столько сил на обычную работу.

— Мешок и так можно поднять.

— Можно. Но если таких мешков двадцать или тридцать, разница становится заметной.

Торвин посмотрел на подъёмник.

— А если верёвка порвётся?

— Поэтому крепления и верёвку нужно проверять. И не стоять под грузом.

— Уже лучше. А то я думал, ты собираешься заставить людей доверять свои головы деревянной штуке.

— Я бы сам не стал.

Он усмехнулся.

— Тогда, может, из этого что-то выйдет.

Кира стала чаще заглядывать в мастерскую.

Иногда она приносила готовые детали, иногда просто заходила посмотреть, как продвигается работа. Мы обсуждали материалы, способы соединения и то, какие части можно сделать проще.

Однажды она задержалась возле треножника.

— Ты говорил, что хочешь потом закупать металл сам?

— Да. Если купец заинтересуется изделиями, мне придётся искать способ делать их регулярно.

— И думаешь покупать слитки?

— Возможно. Но не обязательно только слитки. Если на рынке будут подходящие полосы, прутки или заготовки, это может оказаться удобнее. Главное, чтобы я мог получать нужный материал, а не покупать каждый раз готовый инструмент.

— А кузнецу тогда что останется?

— Работа с тем, что я сам пока не смогу сделать. Оси, крепления, сложные детали. И, конечно, помощь с материалом, если понадобится.

Кира задумалась.

— Мастер не любит неопределённость.

— Я заметил.

— Но если ты рассчитаешься за первую работу и действительно начнёшь получать заказы, он, возможно, согласится работать с тобой постоянно.

— На это и рассчитываю.

Она посмотрела на меня.

— А если купец не заинтересуется?

— Тогда придётся искать другой способ. Но сначала нужно хотя бы попробовать.

— Упрямый ты.

— Мне уже говорили.

Кира улыбнулась и вернулась к своим делам.

Однажды Дерн сообщил, что в ближайшее время через деревню должен пройти торговец.

Это был не большой караван, а небольшой обоз, который собирался задержаться неподалёку от переправы. Дерн не обещал, что купец захочет смотреть мои изделия, но согласился передать ему, что в деревне есть человек, готовый показать несколько полезных приспособлений.

Я начал готовиться.

Подъёмник разобрал на основные части, чтобы его было проще перевозить и собирать на месте. Храповые фиксаторы уложил отдельно, завернув в плотную ткань. Треножник подготовил к перевозке, проверив все соединения. Колодезный ворот пока оставил собранным: его можно было показать прямо во дворе, если купец согласится посмотреть.

Заодно я ещё раз осмотрел каждое изделие.

Не хотелось, чтобы первое впечатление испортилось из-за мелочи. Я проверил крепления, верёвки, подвижные части и деревянные соединения. Всё должно было работать так, как задумано.

Мара заглянула в мастерскую, когда я заканчивал укладывать детали.

— Значит, скоро узнаешь, чего стоят твои старания?

— Скоро узнаю, заинтересуют ли они хоть кого-нибудь.

— Это не одно и то же.

— Знаю.

Она взяла со стола одну из деревянных деталей, повертела в руках и положила обратно.

— Ты проделал большую работу, Рэн.

— Пока только подготовил образцы.

— Не обесценивай то, что уже сделал.

Я посмотрел на неё и кивнул.

Мара была права. Ещё несколько месяцев назад у меня не было ни мастерской, ни подходящих инструментов, ни возможности договориться с кузнецом о работе. Теперь же передо мной лежали четыре готовых изделия, каждое из которых могло кому-то пригодиться.

Конечно, впереди оставалось немало проблем. Нужно было рассчитаться за металл и кузнечную работу, найти покупателей, договориться о заказах и понять, как организовать производство, если спрос действительно появится.

Но это уже были задачи, которые можно было решать по мере появления.

Я закрыл дверь мастерской и ещё раз оглянулся на помещение.

Первый шаг был сделан.

Теперь оставалось узнать, сможет ли кто-нибудь, кроме меня, увидеть в этих механизмах пользу.

На пути в Каэргард

Обоз появился ближе к полудню.

Сначала из-за поворота показались всадники, затем две нагруженные повозки. Лошади шли неторопливо, колёса поскрипывали на неровной дороге. Несколько деревенских мальчишек выбежали посмотреть на приезжих, но быстро разошлись, когда староста попросил их не мешаться под ногами.

Впрочем, мальчишками дело не ограничилось. Вскоре к дороге потянулись и взрослые. Кто-то нёс корзину с сушёными грибами, кто-то прихватил свёрнутые шкуры. Несколько женщин остановились возле повозок, приглядываясь к привезённому товару.

Для Лир-Холма приезд торговцев был не просто очередной остановкой обоза. Вместе с ними появлялась возможность продать то, что накопилось за последние недели, обменять излишки на необходимые вещи и приобрести то, чего в деревне не достать.

Я ждал в центре деревни, там, где обычно останавливались торговцы. Рядом стояли Дерн и Торвин. Чуть поодаль я заранее освободил место для демонстрации, расставив приготовленные механизмы так, чтобы к каждому можно было подойти.

Сегодня мне предстояло выяснить, насколько полезными окажутся мои задумки за пределами собственной мастерской.

Первым с повозки спрыгнул невысокий плотный мужчина в тёмно-коричневом дорожном плаще. Широкие плечи, крепкие руки, короткие волосы с заметной сединой и аккуратно подстриженная борода. У глаз и рта залегли глубокие складки. Он двигался без спешки, но взглядом успевал охватить и повозки, и встречающих, и собравшихся неподалёку жителей.

— Давно не виделись, Дерн, — произнёс он, подходя к старосте.

— Клим. Дорога нынче не сильно утомила?

— Бывали и похуже. А у вас, смотрю, всё по-прежнему.

— Деревня пока не собирается никуда переезжать.

Мужчина усмехнулся и пожал Дерну руку.

— Это хорошо. А то пришлось бы искать новое место для остановки.

Они обменялись ещё несколькими словами о дороге, после чего Клим направился к приготовленным товарам.

Пока торговец осматривал доски, проверял верёвки и заглядывал в корзины с сушёными грибами, вокруг него постепенно собирались жители. Кто-то сразу предлагал свой товар, кто-то интересовался привезёнными вещами. Начался привычный торг.

— Доски ровные, — заметил Клим, проводя ладонью по краю одной из них. — В прошлый раз таких было меньше.

— В этот раз удалось заготовить побольше, — ответил Дерн. — И мёда немного добавилось.

— Мёд посмотрю. Шкуры тоже, если есть что выбрать.

— Есть. Но сначала хотел кое-что показать тебе.

Клим повернулся к старосте.

— Что-то ещё приготовили?

Дерн кивнул в мою сторону.

— Это уже не наше. Рэн хотел поговорить с тобой о своих изделиях.

Торговец перевёл взгляд на меня. Несколько мгновений он молча рассматривал меня, затем подошёл ближе.

— Значит, это ты.

— Рэн, — представился я. — Рад знакомству.

— Клим Торнвальд. Мне сказали, ты что-то мастеришь.

— Есть несколько вещей. Хотел бы показать их вам, если найдётся время.

Клим посмотрел на расставленные предметы, затем на людей возле повозок.

— Думаю, пару минут найдётся. Показывай. А там, глядишь, и другие заинтересуются.

Я подвёл его к первому устройству.

Небольшой деревянный ворот стоял на устойчивой основе. Основные детали были подогнаны друг к другу, а вращающийся механизм закрывал утеплённый кожух.

— Это для колодцев, — объяснил я. — Ворот с закрытым механизмом. Принцип обычный: вращаешь рукоять, верёвка наматывается на вал и поднимает ведро.

Клим наклонился, осмотрел крепления и взялся за рукоять.

— Обычный ворот, выходит?

— По принципу — да. Только я постарался сделать его удобнее в работе и защитить от непогоды.

Торговец несколько раз повернул рукоять. Верёвка плавно намоталась на вал.

— В деревнях такие тоже есть, — заметил он. — Не у каждого, конечно, но штука знакомая.

— Знаю. Только многие ворота стоят под открытым небом. Дерево со временем разбухает, крепления расшатываются, а если внутрь набьётся снег или грязь, вращать становится тяжелее.

— Значит, из-за кожуха?

— В том числе. Он закрывает основные части механизма. Ещё здесь удобнее рукоять. Не приходится постоянно перехватывать верёвку или наматывать её на ладонь. Особенно если колодец глубокий.

Клим ещё раз провернул механизм, на этот раз медленнее.

— А если ведро полное?

— Для обычного ведра этого достаточно. Если колодец глубокий или ведро большое, можно изменить размеры вала и усилить опору.

— И каждый такой придётся подгонять отдельно?

— Не обязательно. Основу можно делать по нескольким размерам, а уже крепления подгонять под конкретный колодец.

Торговец отпустил рукоять и ещё раз осмотрел кожух.

— Понятно. Для тех, у кого вообще нет ворота, вещь полезная. А для остальных — скорее замена старого, когда тот уже начинает разваливаться.

— Или просто начинает доставлять больше хлопот, чем пользы, — добавил я. — Не обязательно ждать, пока он совсем развалится.

Клим посмотрел на меня, затем усмехнулся.

— И то верно. Но не каждый станет менять исправную вещь только потому, что появилась другая.

— С этим не поспоришь.

Клим отошёл в сторону, освобождая место следующему устройству.

Я перешёл ко второй конструкции.

На деревянном треножнике был закреплён блок с верёвкой. К её концу крепился небольшой крюк.

— А это?

— Подъёмник. Его можно закрепить на крепкой балке или использовать с отдельной опорой, как сейчас.

Я зацепил крюк за подготовленный мешок. Торвин, стоявший рядом, помог отвести его от земли.

Я потянул за свободный конец верёвки. Мешок начал подниматься.

Клим подошёл ближе, проследил за движением груза, затем посмотрел на верхнюю часть конструкции.

— На складе такое пригодилось бы. Только не везде найдётся подходящая балка.

— Поэтому я сделал отдельную опору. Её можно поставить там, где удобнее работать. А если на складе есть крепкая балка, треножник вообще не понадобится.

— Значит, можно использовать по-разному.

— Именно. Не хотелось привязывать механизм к одному месту.

Клим обошёл треножник, слегка надавил на одну из опор.

— А если груз окажется тяжелее?

— Тогда понадобится более прочная верёвка и надёжная опора. Сам подъёмник тоже можно сделать крепче, но сначала нужно понимать, что именно собираются поднимать и где.

— Разумно.

Я опустил мешок. Когда тот коснулся земли, торговец обратил внимание на небольшую деталь возле крепления.

— А это что?

— Фиксатор. Он удерживает верёвку, когда груз поднят. Можно отпустить её, не опасаясь, что мешок сразу пойдёт вниз.

— Покажи.

Я снова приподнял мешок и позволил верёвке немного ослабнуть. Храповой механизм зацепился за зубцы и удержал груз.

Клим проверил его, осторожно потянув верёвку в обратную сторону.

— Сам не соскочит?

— При нормальной нагрузке не должен. Но состояние зубцов и крепления всё равно нужно проверять.

— Хорошо. Не люблю вещи, которые держатся только до первого использования.

— Я тоже.

На этот раз Клим усмехнулся.

Пока мы разговаривали, возле демонстрационной площадки начали останавливаться и другие жители. Один из мужчин, до этого торговавшийся у повозки, заинтересованно посмотрел на поднятый мешок.

— А такую штуку можно на чердаке поставить? Чтобы мешки с зерном наверх поднимать?

— Можно, если балка выдержит нагрузку, — ответил я. — Только крепление придётся подобрать под неё.

Мужчина кивнул, словно уже прикидывая, где именно мог бы использовать устройство.

Последним я показал сам фиксатор отдельно, закреплённый на небольшой доске. Продемонстрировал, как механизм удерживает натяжение и позволяет постепенно ослаблять его.

Торговец осмотрел металлические зубцы, провёл пальцем по краю и выпрямился.

— Металл хороший. Сам делал?

— Деревянные части — сам. С металлическими помогали кузнец и Кира.

— Девушка, которая чувствует слабые места металла?

Я чуть удивился, что Клим знает о ней.

— Да. Она помогала подобрать детали и проверяла, где могут появиться проблемы.

— Полезный дар.

— Ещё какой. Без её помощи некоторые детали пришлось бы переделывать не один раз.

Клим ещё раз посмотрел на три устройства. Теперь уже не как на отдельные поделки, а как на вещи, которые могли бы найти применение в хозяйстве.

— В больших местах подобное, наверное, уже встречается, — произнёс он. — Но до небольших хозяйств многое не доходит. Там по-прежнему поднимают мешки руками, таскают воду обычными вёдрами и придумывают, как удержать груз, чтобы он не упал.

— Я на это и рассчитывал, — ответил я. — Мне нет смысла делать то, что уже давно есть у каждого. Гораздо интереснее найти то, что можно улучшить или сделать доступнее.

— А вот это верно.

Один из стоявших рядом мужчин посмотрел на подъёмник.

— Если такую штуку поставить в амбаре, одному человеку хватит сил поднять мешок?

— Зависит от высоты и веса. Но для обычных мешков можно подобрать подходящий вариант.

— Надо будет подумать.

Клим тем временем ненадолго задумался.

— Знаю нескольких людей, которым стоит на такое взглянуть. Один держит склады, другой занимается хозяйственными постройками. Есть и хозяева постоялых дворов. Им подобные вещи могут пригодиться.

Я посмотрел на торговца, ожидая продолжения.

— Но по одним словам они ничего не решат, — продолжил Клим. — Им нужно увидеть, как всё работает. А если возникнут вопросы по размерам или устройству, я за тебя отвечать не смогу.

— Поэтому я и хотел показать их сам. Если кому-то понадобится изменить конструкцию, я смогу обсудить это на месте. Заодно пойму, что именно им нужно, а не буду гадать здесь.

Клим посмотрел на меня внимательнее.

— Ты уже думал о том, чтобы продавать их не здесь?

— Думал. Только пока не было возможности добраться до тех, кому они могут понадобиться.

— Возможность теперь есть.

Я чуть приподнял брови.

— Вы предлагаете показать их вашим знакомым?

— Не только. Через три дня я отправляюсь обратно. Могу взять тебя с собой. Поедешь на Каэргардский рынок, покажешь изделия тем, кого я знаю. Дальше посмотрим, будет ли интерес.

На мгновение я задумался.

Это было именно то, чего мне не хватало. Я мог сколько угодно работать в мастерской, улучшать конструкции и проверять их на прочность, но пока изделия оставались в Лир-Холме, о них никто не узнавал.

— Я бы хотел поехать, — ответил я. — Но мне нужно будет взять с собой все три устройства.

— Разумеется. Покупателю лучше увидеть их в работе.

— Тогда я должен подготовить их к дороге. Они не слишком большие, но крепления нужно защитить.

— С повозкой проблем не будет. Найдём место.

— А сколько мы пробудем на рынке? Хотелось бы успеть не только показать изделия, но и осмотреться.

— Зависит от того, как пойдут дела. Не факт что я поеду той же дорогой, возможно тебе придется возвращаться самому. Но в любом случае время у тебя будет.

— Тогда хорошо. Успею и с вашими знакомыми поговорить, и рынок посмотреть.

— Вот и ладно.

Клим протянул мне руку. Я пожал её.

— Тогда увидимся перед отъездом.

Торговец вернулся к Дерну, чтобы продолжить осмотр деревенских товаров. Вскоре его снова окружили жители. Кто-то предлагал шкуры, кто-то спрашивал о привезённых инструментах, а неподалёку уже начался спор о цене нескольких мотков верёвки.

Разговор о механизмах закончился так же буднично, как и начался. Никаких обещаний, никаких уверений в будущей прибыли.

Но теперь у меня была возможность, которой утром ещё не существовало.

К вечеру деревня постепенно вернулась к привычному ритму.

Обоз расположился на ночлег, торговцы закончили осмотр товаров, а жители разошлись по домам. Я убрал демонстрационную площадку и перенёс механизмы в свою мастерскую.

Мара встретила меня у дома.

— Судя по лицу, разговор прошёл неплохо.

— Клим предложил поехать с ним на Каэргардский рынок.

Она остановилась, собираясь внимательнее меня выслушать.

— Когда?

— Через три дня. Он знает нескольких людей, которым могут пригодиться мои механизмы. Хочет показать им изделия, но считает, что мне лучше быть там самому.

Мара некоторое время молчала.

— И ты хочешь поехать?

— Конечно. Если буду ждать, пока кто-нибудь сам доберётся до Лир-Холма, могу долго не дождаться. Да и мне самому интересно посмотреть, как на мои задумки отреагируют за пределами деревни.

— Это верно.

— Завтра поговорю с Дерном. Хочу предупредить что уезжаю.

Мара кивнула и открыла дверь.

— Тогда сначала поешь. До дороги ещё три дня, успеешь всё подготовить.

Я вошёл следом за ней и сел за стол.

Впервые за долгое время работа в мастерской перестала казаться делом, замкнутым на четырёх стенах. Впереди были незнакомые люди, новые места и вопросы, на которые мне ещё предстояло найти ответы.

На следующее утро я отправился к Дёрну.

Нашёл его возле хозяйственного двора. Староста осматривал ограду, время от времени останавливаясь, чтобы проверить крепления между столбами. Заметив меня, он выпрямился и отложил в сторону молоток.

— Рэн? Что-то случилось?

— Нет. Хотел предупредить, что через три дня уезжаю с Климом. Отправимся вместе с его обозом в Каэргард.

— Значит, всё-таки решил?

— Да. Он предложил показать мои изделия на рынке, познакомить с торговцами. Думаю, глупо отказываться от такой возможности.

Дёрн кивнул, соглашаясь.

— Верно. Самому туда добираться было бы куда сложнее.

— Поэтому и еду с ним.

— А надолго?

Я пожал плечами.

— Пока не знаю. Сначала нужно посмотреть, как всё сложится на месте. Обратную дорогу возможно ещё придётся искать. Если получится что-нибудь продать, будет проще договориться о месте в обозе.

— Понятно. Значит, пока без определённых сроков.

— Именно.

— Ну что ж, тогда удачи. Только не торопись соглашаться на первое же предложение. На рынке каждый будет думать прежде всего о собственной выгоде.

— Клим уже предупреждал.

— Вот и хорошо. Он в торговле понимает больше нас с тобой.

Дёрн усмехнулся, снова взял молоток и кивнул на ограду:

— Ладно, не буду тебя задерживать. У меня тут ещё работы хватает.

Мы попрощались, и я направился обратно к дому Мары.

Она занималась обычными утренними делами. На столе стояли несколько мисок, рядом лежали травы, которые нужно было перебрать и убрать на хранение.

— Поговорил с Дёрном? — спросила она, не отрываясь от работы.

— Да. Теперь он тоже знает.

— И что сказал?

— Пожелал удачи. Только напомнил, чтобы я не соглашался на первое попавшееся предложение.

Мара улыбнулась.

— Хороший совет. Особенно для человека, который собирается на рынок впервые.

— Клим, кажется, придерживается того же мнения.

— Тогда тебе повезло с попутчиком.

Я сел за стол и принялся за завтрак. Разговор постепенно перешёл на обычные вещи: Мара рассказала, что у соседей приболел младший сын, а я пообещал после еды занести им воды, если понадобится.

До отъезда оставалось три дня. Времени было достаточно, поэтому я не собирался превращать их в бесконечные сборы. Всё необходимое уже было готово, оставалось лишь не забыть личные вещи и закончить несколько мелких дел.

Первый день прошёл спокойно. После завтрака я помог Маре по хозяйству, затем заглянул в мастерскую, где немного поработал над своими записями. Ближе к полудню встретил Тиля. Мальчишка тащил небольшую охапку хвороста, которая то и дело норовила рассыпаться.

— Помочь? — спросил я.

— Сам справлюсь!

Он сделал ещё несколько шагов, и одна из веток выскользнула из охапки.

— Конечно, — усмехнулся я, поднимая её.

— Она сама упала.

— Я заметил. Но все же не много помогу.

Мы вместе донесли хворост до его двора. Уже у ворот Тиль вдруг вспомнил о чём-то важном.

— А ты правда в Каэргард едешь?

— Правда.

— А там большой рынок?

— Говорят, большой.

— И много всего продают?

— Наверняка. Узнаю когда приеду туда.

Он задумался, словно пытался представить себе все товары сразу.

— Привезёшь что-нибудь?

— Посмотрю, что там есть.

— Только не скучное.

— Постараюсь угадать, что тебе понравится.

Тиль довольно кивнул и убежал во двор.

Вечером я вернулся к Маре. Она уже приготовила ужин, и за столом мы немного поговорили о предстоящей дороге. Её больше интересовало, состояние дорог в Каэргард и как долго обоз будет добираться туда зимой.

— Клим знает дорогу, — ответил я. — Думаю, с этим проблем не будет.

— Хорошо, что едешь не один.

— Это точно. Думаю один я бы не добрался.

На следующий день я вышел пораньше. Нужно было сходить за водой и заглянуть к одному из соседей, который просил помочь передвинуть тяжёлую лавку. Ничего особенного, обычные деревенские дела.

По дороге обратно я встретил Торвина. Он стоял возле двора и перебирал охотничье снаряжение, проверяя ремни на поклаже.

— Слышал, с Климом уезжаешь, — произнёс он, заметив меня.

— Через день отправляемся.

— В Каэргард?

— Да.

Торвина, похоже, это заинтересовало.

— Давно там не был. На рынке народу хватает, особенно когда обозы сходятся. Не отставай от Клима, если не хочешь потом искать его среди чужих повозок.

— Постараюсь.

— И смотри под ноги. Там не лесная тропа, где каждый корень заранее знаешь.

— Учту.

Охотник усмехнулся.

— Ну, удачи тебе. Будет что рассказать — послушаю.

— Обязательно. Но на красочные приключения не надейся.

Мы разошлись. Я продолжил путь, а Торвин вернулся к своим делам.

Позже, когда я проходил мимо кузницы, меня окликнула Кира.

— Рэн, погоди!

Я остановился и повернулся к ней. Она вышла из кузницы, вытирая руки о рабочую ткань.

— Ты ведь скоро уезжаешь?

— Завтра. Если ничего не изменится.

— Тогда у меня к тебе просьба.

— Слушаю.

— Если будешь на рынке и увидишь хорошие кузнечные клещи, присмотрись. И небольшие молоты тоже. Наши уже давно просятся на замену.

— Мне кажется ты уже говорила. Постараюсь купить.

— Просто решила напомнить, а то забудешь.

— Не забуду. Только если найду что-нибудь подходящее, ещё нужно будет посмотреть, насколько это удобно и сколько стоит.

— Вот это правильно. Не хватай первое, что блестит.

— Похоже, у меня уже целый список наставлений перед поездкой.

Кира рассмеялась.

— Значит, не зря едешь. Хоть чему-нибудь научишься.

Она вернулась к работе, а я пошёл дальше.

Днём мне ещё довелось пересечься с Гуннаром. Он возвращался со стороны окраины деревни, перекинув через плечо небольшой мешок.

— Ну что, скоро в дорогу? — спросил он.

— Завтра.

— Хорошо. Давно пора посмотреть, как там живут за пределами нашей округи.

— Посмотрим. Самому интересно, а то дальше деревни ничего и не видел.

— Только не забудь, что и здесь дел хватает. А то вернёшься и решишь, что деревенская работа слишком простая.

— Не думаю, что рынок избавит меня от работы.

— Вот и правильно.

Гуннар улыбнулся и пошёл дальше.

К вечеру основные дела были закончены. Я проверил свои личные вещи, убрал то, что собирался взять с собой, и оставил всё в одном месте. Много мне не требовалось. Впереди была дорога, а не переселение на новое место.

Мара, заметив мои приготовления, поставила рядом небольшую сумку.

— Это возьмёшь с собой. Несколько нужных мелочей, чтобы не пришлось искать их в дороге.

— Спасибо.

— И не забудь, что в пути нужно нормально есть. Не все остановки будут удобными.

— Постараюсь.

Она посмотрела на меня чуть внимательнее.

— Ты ведь понимаешь, что возвращение может занять время?

— Понимаю. Пока даже не знаю, как именно буду добираться обратно. Сначала нужно разобраться с делами в Каэргарде.

— Тогда не торопись с решениями. Главное, чтобы всё прошло благополучно.

— Так и сделаю.

На этом разговор закончился. Мара вернулась к своим делам, а я ещё немного посидел за столом, перебирая записи. Завтра предстояло вставать рано.

Третий день начался с привычного шума во дворе.

Я проснулся раньше обычного и, выйдя из комнаты, услышал, как за окном переговариваются люди. Обоз Клима уже готовился к отправлению. До назначенного часа оставалось немного времени.

За завтраком Мара поставила передо мной ещё один свёрток.

— Возьми. На дорогу.

— Ты и вчера уже собрала мне достаточно.

— Это не значит, что лишнее помешает.

Я улыбнулся и убрал свёрток к остальным вещам.

— Кажется, теперь точно всё.

— Тогда иди. Не заставляй Клима ждать.

Я поднял сумку и направился к выходу. Мара пошла следом, но дальше двора провожать меня не стала.

Возле повозки Клима уже заканчивали последние приготовления. Сам купец проверял упряжь и о чём-то переговаривался с возчиком. Увидев меня, он коротко кивнул.

— Собрался?

— Да. Всё готово.

— Тогда хорошо. Скоро тронемся.

Неподалёку оказалась Кира. Она заметила меня и подняла руку.

— Про клещи не забудь!

— Уже понял, что не забуду!

— Вот и посмотрим!

Она улыбнулась и вернулась к своим делам.

Я поставил сумку рядом с повозкой и огляделся. Деревня жила обычным утром: кто-то нёс воду, кто-то спешил по своим делам, возле соседнего двора возились с телегой. Никакой особенной суеты вокруг моего отъезда не было.

И это казалось правильным.

Я ещё раз проверил, всё ли взял, после чего подошёл к Климу.

— Ну что, Рэн, готов?

— Готов.

— Тогда подожди немного. Закончим с упряжью — и отправимся.

Я кивнул и устроился возле повозки, наблюдая за последними приготовлениями.

Впереди был Каэргард, рынок, новые люди и дела, о которых я пока знал совсем немного. Сколько времени всё это займёт, я не представлял. Но сейчас это уже не имело значения.

Каэргардский рынок

Обычно дорога от Лир-Холма до Каэргардской крепости занимала около трёх дней. Зимой, однако, никто не стал бы рассчитывать время с точностью до часа. Снегопад, оттепель или неудачный участок пути могли задержать обоз, поэтому Клим сразу предупредил меня, что дорога может оказаться длиннее обычного.

Обоз вышел из Лир-Холма утром. Ночь выдалась морозной, и земля под ногами успела промёрзнуть. Колёса повозок глухо постукивали на твёрдых участках дороги, а там, где снег подтаял и снова схватился льдом, возницы старались вести лошадей осторожнее.

Я ехал рядом с Климом. Тот устроился на передке своей повозки, укрыв ноги плотным дорожным плащом. Время от времени он оглядывался на обоз, проверяя, не отстали ли остальные.

Впереди двигались двое сопровождающих всадников, ещё двое держались позади. Несколько человек ехали рядом с повозками или шли пешком, время от времени меняясь местами. Вторая телега Клима следовала за нами, покачиваясь на неровностях дороги. Именно в ней находились мои изделия.

— Не замёрз? — спросил Клим, заметив, как я растираю ладони.

— Пока нет. Просто непривычно сидеть так долго без дела.

Клим усмехнулся, не поворачивая головы.

— В дороге без дела не сидят. Смотри по сторонам.

— И что я должен там увидеть? Поле? Лес?

— Всё, что потом может пригодиться. Кто с какой повозкой идёт, кто торопится, кто бережёт товар, а кто уже на первом привале жаловаться начнёт. Вон, смотри, — он кивнул подбородком вперёд. — Тот обоз впереди. Второй раз за утро груз перекладывают. Значит, кто-то закрепил наспех, а теперь мучается.

Я проследил за его взглядом. И правда — возницы что-то подтягивали, спорили, снова тянули.

— И вы такое всегда замечаете?

— А ты думал, купец только деньги считает?

— Честно? Понятия не имею, что делает купец. Пока не составил представления.

— Тогда у тебя впереди несколько дней на обучение, — Клим поёрзал на передке и укутал ноги плащом поплотнее. — Начни с простого: кто куда едет и зачем. Остальное приложится.

Я улыбнулся.

Через некоторое время Клим заговорил о предстоящих встречах.

— Как приедем, познакомлю тебя с Хальдом. Заведует одним из складов. Человек практичный, слова в ветер не бросает. Если вещь ему нужна — поймёт быстро.

— А остальные?

— Есть Руд. Мастерит, строит, чинит. У него постоянно что-то ломается, перекашивается или требует крепления. Живёт от поломки до поломки. И ещё хозяин постоялого двора — Эдвард. Хозяйство у него немаленькое, так что что-нибудь из твоих изделий да пригодится.

— Интересно, как эти знакомства пройдут.

— Пока могу сказать одно: представлю тебя как человека с полезными механизмами. Обещать за тебя ничего не буду.

— И правильно. Пусть сначала посмотрят.

Клим одобрительно кивнул.

— Вот это верно. Не каждый покупает только потому, что вещь ему понравилась. Иной раз человеку надо сперва убедиться, что она работу облегчит, а не просто на верстаке красиво лежать.

Я посмотрел на вторую повозку, где лежали мои изделия.

— Надеюсь, хоть один заинтересуется.

— Заинтересуются, думаю. Только не торопись. У тебя не одно изделие, а продавать всё одному — путь к беде. Каждому своё.

— Я и не собирался. Подъёмный комплект больше для складов и хозяйственных дворов. Фиксатор в любой работе сгодится. А ворот…

— А ворот — тому, у кого колодец есть, — закончил за меня Клим.

— Именно.

Он рассмеялся — впервые за день так откровенно.

— Ну, с тобой торговать можно.

Дорога постепенно уходила от знакомых холмов. Сначала по обе стороны тянулись открытые заснеженные поля, разделённые невысокими изгородями. Потом появились перелески, а за ними начался лес. Высокие деревья стояли по обе стороны пути, их ветви прогибались под снегом.

К вечеру мы добрались до дорожного укрытия, которым пользовались обозы. Развели огонь, проверили упряжь и приготовили горячую еду. Я помог перенести несколько вещей, а потом устроился неподалёку от Клима.

— Если всё сложится удачно, начнём с Хальда, — сказал торговец, подбрасывая в огонь ветку. — У него как раз в последний мой приезд возникла проблема с разгрузкой тяжёлых ящиков.

— Значит, подъёмный комплект может пригодиться.

— Может. Только не начинай разговор с цены.

— А с чего?

— С того, как у них устроена работа. Пусть расскажет, что именно приходится поднимать и как они справляются сейчас. Ты посмотришь, а потом уже предложишь своё решение.

— Хорошо. Хотя, если честно, я бы сам хотел увидеть их склад.

— Вот и увидишь.

В следующие дни пейзаж за повозкой менялся. Лесные участки чередовались с открытыми полями, иногда дорога проходила мимо небольших поселений и отдельных хозяйственных построек. Снег то прекращался, то снова начинал идти мелкой крупой.

Путь занял чуть больше трёх дней. Несколько участков заставили обоз заметно сбавить ход, но серьёзных задержек не случилось.

Ближе к вечеру впереди показались стены Каэргардской крепости. Сначала я различил тёмную линию на фоне зимнего неба. Затем стали видны башни и массивные стены, сложенные из серого камня.

Крепость стояла над дорогой, и даже издали было понятно, что это не просто укреплённый двор, а серьёзное сооружение, рассчитанное на долгую оборону.

— Вот и добрались, — сказал Клим.

Я молча смотрел вперёд.

— Впечатляет?

— Да. Особенно если представить, сколько камня пришлось сюда доставить.

— Вот уж не думал, что первым делом ты оценишь работу каменщиков.

— А что ещё мне оценивать?

— Например, то, что отсюда управляют дорогой и торговлей в округе.

— Это я тоже вижу.

Клим улыбнулся.

По мере приближения к крепости дорога становилась шире и плотнее укатанной. Движение заметно усилилось, и теперь приходилось считаться не только с состоянием дороги, но и с другими обозами.

Торговая площадка располагалась неподалёку от крепости. Зимой она выглядела иначе, чем, вероятно, в тёплое время года. Не было длинных рядов лёгких навесов и множества открытых прилавков. Часть торговых мест пустовала, некоторые товары держали под крышами или в закрытых помещениях.

Зато движение не прекращалось. Повозки прибывали и уезжали, грузчики переносили мешки и ящики, торговцы проверяли товар, договаривались о цене и спорили с возницами. Воздух пах дымом, лошадьми, влажным деревом и горячей едой из ближайшего помещения.

Мы въехали на площадку, где обозу указали место для остановки. Люди занялись разгрузкой и проверкой повозок. Клим обменялся несколькими словами с местным служащим, затем распорядился, где разместить товар.

— Сегодня никуда не торопись, — сказал он мне. — Поешь, отдохни. Завтра начнём знакомиться с людьми.

— А изделия?

— Они никуда не денутся. Главное, чтобы ты сам не свалился от усталости раньше первого знакомства.

Спорить я не стал. Дорога действительно вымотала меня сильнее, чем я ожидал.

К вечеру основные дела с обозом были закончены. Клим предложил поужинать в постоялом дворе неподалёку от торговой площадки.

В общей зале стояли длинные столы, возле стены потрескивал очаг, а из кухни доносился запах горячей еды.

Клим заказал две миски похлёбки и хлеб. Когда хозяин принёс еду, я некоторое время молча смотрел в свою миску. Пар поднимался, пахло репой и чем-то мясным, а я всё не притрагивался.

— Что-то не так? — спросил Клим.

— Нет. Просто вспомнил, что хотел спросить.

— Так спрашивай. Пока не остыло.

— Мара рассказывала про местные деньги. Медь, серебро, золото, редкая платина. Но этим всё и кончилось. Я знаю, что они существуют. А сколько чего стоит — не понял. И главное — что на что менять.

Клим отложил ложку и посмотрел на меня внимательнее.

— И ты всё это время молчал?

— Не было нужды. А теперь мне цену называть. Не хочется выглядеть человеком, который в деньгах не разбирается вовсе.

— Тогда начнём с простого. Сколько, по-твоему, стоит эта похлёбка?

— Вот это я как раз и хотел узнать.

— Одна медная. Хлеб отдельно — тоже одна. Ночлег в общей комнате — две.

Я мысленно прикинул. Одна медная за еду…

— А работник сколько получает?

— Смотря какой. Подсобник на складе — четыре-пять медных в день. Работа тяжёлая, но ума не требует.

— Значит, серебряная — это три его дня.

— Примерно. Только не забывай: из этих денег ему ещё есть надо и где-то спать. На бумаге всегда выходит больше, чем в кошеле.

Я отломил кусок хлеба.

— А хороший мастер?

— Плотник или кузнец, если заказ есть, — серебряную за день может выручить. А то и больше. Всё от рук зависит.

— Тогда объясните мне, как монеты между собой считаются.

— Двенадцать медных — серебряная. Двадцать серебряных — золотая. Десять золотых — платиновая.

Я нахмурился, пересчитывая.

— В золотой — двести сорок медных?

— Верно. Но золото в повседневной жизни почти не нужно. Медь и серебро — вот на чём вся торговля стоит. Золотом за крупные покупки расплачиваются, а платину ты можешь всю жизнь не увидеть.

— Понятно. А за мои изделия серебром брать?

— За небольшую цену и медь сгодится. Но за хороший механизм — серебром, это удобнее. И ещё запомни: не путай стоимость работы со стоимостью вещи.

— В каком смысле?

— Ты продаёшь не железо и не дерево. Ты продаёшь готовую вещь, которую человек берёт и сразу пускает в дело. Ему не искать мастера, не покупать материал, не терять время. Это стоит денег, и это по-честному.

Я задумался. Ложка так и лежала нетронутой.

— Значит, даже если материалы дешёвые, цена вещи может быть заметно выше.

— Именно. Только не задирай без причины. Мастеров здесь хватает — покупатель сравнить успеет.

— Пожалуй, это и есть самое сложное. Я местных цен на материал и работу не знаю.

— Потому и приехал. Посмотришь, послушаешь, людей узнаешь. А там разберёшься.

Я кивнул и наконец принялся за похлёбку. По крайней мере, теперь у меня была хоть какая-то точка отсчёта.

Утром следующего дня Клим нашёл меня возле повозок. Я как раз проверял крепления на оставшемся грузе.

— Закончил?

— Да. Всё целое.

— Тогда пойдём. Хальд уже на месте.

Мы прошли по торговой площадке к одному из крытых складов. У входа несколько работников переносили ящики, а чуть поодаль мужчина в плотной куртке проверял записи на деревянной дощечке.

— Доброе утро, Хальд, — поздоровался Клим.

Мужчина поднял голову от дощечки.

— Клим. Давно тебя не видел.

— Дороги зимой длиннее, чем летом. Ты же знаешь.

— Это точно. Что привёз?

— Товар, как обычно. И кое-что, на что советую взглянуть. — Клим повернулся ко мне. — Это Рэн. Молодой мастер. Говорит, есть пара механизмов для твоей работы.

Хальд окинул меня взглядом — быстрым, деловитым, с ног до головы, как оценивают повозку перед покупкой.

— Ну, раз мастер — рассказывай.

— Подъёмный комплект, отдельный фиксатор и колодезный ворот. Ворот вам, правда, вряд ли нужен.

— С воротами угадал, — усмехнулся Хальд. — А подъёмное показывай.

Мы направились к повозке. Один из работников помог перенести треногу и блок на свободное место возле склада.

Пока я собирал конструкцию, Хальд ходил вокруг, руки за спиной.

— Давно такими занимаешься?

— Не так давно. Но несколько раз уже проверил в деле.

— А нагрузку какую выдержит?

— Зависит от того, как закрепить груз и каково основание. Называть предел вслепую не стану — совру либо в одну, либо в другую сторону. Для обычной складской работы — вполне подходит.

Я закончил сборку и показал, как работает блок. Верёвка легла на барабан, и небольшой груз медленно оторвался от земли.

— А фиксатор здесь? — Хальд ткнул пальцем в узел.

— Да. Встроен в подъёмный узел. Барабан назад не провернётся. Остановить можно на любой высоте.

Хальд присел на корточки, разглядывая зубчатое колесо. Ткнул в собачку костяшкой пальца.

— Удобно. Особенно когда один.

— Именно. Хотя с тяжёлым грузом я всё равно советую, чтобы рядом был человек — за креплением следил.

— У нас как раз такая беда, — вмешался работник. — Позавчера ящик со скобами снимали. Четверо тянут, пятый подсовывает бруски. Тот ящик, Хальд, помнишь?

— Помню. И ты под ним чуть не оказался, — добавил Хальд без улыбки.

— Так я потому и говорю!

Я улыбнулся.

— С таким устройством таких ситуаций можно избежать. Главное — правильно закрепить и не тянуть сверх меры.

Хальд ещё раз обошёл треножник, потом выпрямился.

— Саму опору разобрать можно?

— Конечно. Ноги снимаются, верхнее соединение тоже. В собранном виде места занимает много, но разобрать не сложно.

— И сколько хочешь за весь комплект?

Я на миг замялся. Цифру я выверил ещё вчера, но сейчас она вдруг прозвучала в голове громче, чем надо.

— Три серебряных и шесть медных.

Хальд присвистнул.

— Немало.

— Это готовый комплект. Треножник, блок, фиксатор внутри. Не придётся искать балку, подбирать крепёж, подгонять на месте. Привезли — поставили — работает.

Хальд помолчал. Потом подозвал работника.

— Бран. Тот ящик со скобами, что у дальней стены стоит. Принеси.

Через несколько минут ящик стоял возле треножника. Мы закрепили его — и ящик медленно, ровно пошёл вверх. Никто не тянул, никто не подсовывал бруски.

— Вот это другое дело, — произнёс Хальд, глядя, как верёвка уходит на барабан. — Сколько времени на этом сэкономим…

— И четверых каждый раз не собирать, — подхватил Бран.

Хальд покачал головой — то ли себе, то ли ценам.

— Ладно. Забираю. Только моим людям объясни, как собирать и как перед работой проверять.

Я не сразу поверил, что всё вышло так просто.

— Покажу, конечно.

Пока я разбирал конструкцию и объяснял порядок установки, Хальд не переставал спрашивать — про соединения, про крепёж, про то, что менять, если сломается.

— А если часть выйдет из строя — к тебе отправлять?

— Не придётся. Тут всё разбирается. Собачка износится или колесо — ставим новые. Я специально делал так, чтобы из-за одной детали весь механизм не выбрасывать.

Хальд хмыкнул, наклонился к узлу ещё раз.

— То есть подкрутил, подставил — и дальше грузим?

— Именно. Главное — сверх меры не тянуть. У любой железки есть предел.

— Вот это правильно. Не люблю вещи, которые после первой поломки — только в печь.

Когда мы закончили, Хальд отсчитал монеты и передал их мне.

— Если устройство окажется таким же полезным, как выглядит, — ещё поговорим.

— Буду рад.

Клим, всё это время стоявший в сторонке, довольно улыбнулся.

Когда мы отошли от склада, он хлопнул меня по плечу.

— Первая продажа.

— Получается, да.

— А ты переживал, что никто не заинтересуется.

— Я не переживал. Просто хотел убедиться, что найдётся подходящий покупатель.

— Разумеется.

Я посмотрел на него.

— Вы ведь не случайно начали именно с Хальда?

— Нет. Я знаю, сколько у него работы и с какими трудностями он сталкивается. Но покупать он решил сам. Это важно.

Я кивнул.

— В таком случае, думаю, с остальными будет проще.

— Не торопись. У каждого своя голова на плечах.

Следующее знакомство Клим устроил ближе к полудню.

На этот раз мы отправились к небольшому хозяйственному двору, где работали несколько мастеров. Там нас встретил широкоплечий мужчина с короткой бородой и засученными рукавами.

— Клим! — воскликнул он ещё издалека. — Вот уж кого не ждал.

— Здравствуй, Руд. Как дела?

— Как обычно. То крыша течёт, то ворота перекосило, то кто-нибудь умудрится сломать то, что вчера только починили. — Он вытер руки о передник и посмотрел на меня. — А это кто с тобой?

— Рэн. Делает механизмы. Думаю, тебе пригодиться могут.

Руд посмотрел на меня с любопытством.

— И что же привёз?

Я достал отдельный храповой фиксатор.

— Вот такой узел. Не даёт механизму идти назад. Сам по себе тоже работает — если надо натянуть верёвку или удержать что-то в положении.

Руд взял его в руки, повертел, поднёс к глазам, заглянул в зубчатую часть. Пальцы у него были в мозолях, но двигались осторожно.

— Небольшой.

— Есть варианты крупнее. Этот — на сравнительно небольшую нагрузку.

— Ну-ка, покажи.

Я закрепил механизм на подготовленной опоре и продемонстрировал. Руд несколько раз проверил зацепление, потом рванул рукоять в обратную сторону — раз, другой.

— Не даёт, — заметил он с одобрением.

— Для того и нужен.

— А если нагрузка сильнее будет?

— Тогда подбирается размер колеса, прочность собачки и крепление. Маленький механизм на большую нагрузку ставить нельзя — сорвёт.

Руд хмыкнул.

— У меня как раз работа есть, где такая штука пригодилась бы. Иногда приходится верёвки тяжёлые натягивать, а потом держать, пока закрепляем. Двое тянут, третий пытается всё это зафиксировать. Маета одна.

— Для такой работы можно сделать крупнее. Но мне нужно посмотреть, как вы натягиваете и где закреплять будете.

— А этот маленький продаёшь?

— Да. Восемь медных.

Руд ещё раз покрутил механизм, что-то прикидывая у себя в уме.

— Беру. Люблю вещи, которые лишние руки экономят.

Он расплатился и положил фиксатор на верстак.

— А насчёт большого… Приходи завтра. Покажу, где у нас работа. Придумаешь что-нибудь дельное — договоримся.

— Хорошо.

— И чертёж прихвати, если есть. Хочу понимать, как крепить.

— Готового пока нет. Но наброски сделаю после того, как на месте посмотрю.

— Тогда жду.

Когда мы отошли от двора, я спросил:

— Вы заранее знали, что ему понадобится фиксатор?

— Нет. Но я знаю, чем он занимается. А теперь и ты знаешь.

— Получается, вы не просто знакомите меня с покупателями.

— Конечно. Я знакомлю тебя с людьми, которым может пригодиться твоя работа. А дальше вы уже сами разбираетесь.

Я задумался.

Такой подход мне нравился куда больше, чем попытки продать устройство первому встречному.

На следующий день мы вернулись к Руду. Он уже ждал нас и почти сразу повёл к месту, где его работники занимались натяжением толстых верёвок.

Работа оказалась не совсем такой, как я представлял. Верёвку протягивали между двумя опорами, а затем натягивали вручную. Пока двое работников тянули её с разных сторон, третий должен был удерживать достигнутое натяжение и закреплять конец. Если верёвка ослабевала, приходилось начинать заново.

— Вот так мы и мучаемся, — пояснил Руд. — Иногда быстро проходит, а иногда по несколько раз переделывать приходится.

Я присел возле опоры и осмотрел место крепления. Дерево старое, но плотное.

— Здесь можно поставить фиксатор покрупнее, — сказал я. — Только крепить придётся не к верёвке — она не выдержит, — а к прочному основанию. И надо понять, какое натяжение вы обычно создаёте.

Руд хмыкнул и потёр ладонь о рукав.

— Основание есть. А натяжение… бывает разное. Иногда так тянем, что верёвка скрипит, будто вот-вот лопнет.

— Тогда и крепление должно быть крепче. Если ось заиграет, никакой фиксатор не спасёт.

Руд кивнул — так, будто услышал то, что и сам давно подозревал.

— Поэтому и позвал. Мне нужна вещь, которая работать будет, а не просто красиво выглядеть.

Я достал блокнот и сделал несколько набросков: опора, направление нагрузки, способ крепления, то, как сейчас удерживают верёвку.

— А если рукоять длиннее сделать? — спросил он, заглядывая через плечо.

— Усилий меньше понадобится. Но на крепление нагрузка больше ляжет. Одно с другим считать надо.

— Понятно, — протянул Руд, и по тому, как он это сказал, стало ясно: понял он далеко не всё, но спорить не стал.

— А один человек справится?

— Возможно. Но сначала надо механизм подобрать и крепление рассчитать. Обещать, что маленький фиксатор выдержит, не буду.

— Вот это мне и нравится, — Руд хлопнул меня по плечу. — Ты не обещаешь, что будет легко.

Мы ещё немного обсудили, где встать механизму. Руд рассказал, как часто приходится делать такую работу и какие верёвки использует.

Когда я закончил записи, то убрал блокнот.

— Теперь у меня есть представление, что вам нужно. Но точную конструкцию рассчитаю как вернусь в деревню. Для начала нужно докупить необходимые материалы.

— Не тороплю. Главное — чтобы надёжно.

— Тогда, как все будет готово, приеду снова, постараюсь не затягивать с изготовлением.

— Договорились. И, Рэн… — Руд уже отвернулся, но обернулся. — Если получится — ты мне ещё не одну вещь такую продашь.

На этот раз я уходил не просто с разговором о возможном заказе. У меня были конкретные сведения о работе, которую предстояло облегчить.

Позже Клим познакомил меня с хозяином постоялого двора. Сам двор оказался довольно большим. Помимо основного здания, здесь имелись конюшня, складские помещения, навесы для повозок и отдельный хозяйственный двор.

Эдвард встретил нас возле колодца. Мужчина средних лет, крепкий, с сединой на висках.

— Клим! Рад видеть. Как дорога?

— Зимняя. Другого ответа у меня нет.

Эдвард рассмеялся.

— Тогда проходи. Что привело?

— Хотел познакомить с одним человеком. Это Рэн. Делает механизмы для хозяйства.

— Вот как? — тот перевёл взгляд на меня. — И что же ты умеешь?

— В основном подъём и удержание грузов. Есть кое-что и для других работ.

— Тогда, пожалуй, ты явился вовремя. У меня с колодцем беда настоящая.

Он указал на деревянную конструкцию над колодцем.

— Ведро тяжёлое, верёвка длинная. К вечеру у работников руки отваливаются. А если воды много надо — людей меняй.

Я посмотрел на колодец.

— У меня как раз есть готовый ворот. С барабаном и рукоятью. И кожух есть — чтобы верёвка и механизм меньше от снега и влаги страдали.

— Ну-ка. Показывай.

Мы сходили к повозке и принесли устройство. Я объяснил принцип, показал крепление оси, рукоять, кожух.

Эдвард наклонился, провёл пальцем по краю кожуха, заглянул внутрь.

— То есть не надо будет каждый раз звать парня, у которого руки покрепче?

— Не надо. С этим воротом и один справится — если крепление надёжное.

— А если верёвка износится?

— Заменить можно. Весь ворот для этого разбирать не придётся.

Эдвард посмотрел на своего работника.

— Слышал? Наконец-то человек, который сперва смотрит, как вещь обслуживать, а потом продаёт.

Работник усмехнулся.

— А вы обычно наоборот делаете.

— Не умничай.

Я невольно улыбнулся.

Мы осмотрели колодец. Надстройка держалась крепко, расстояние между опорами подходило.

— Здесь он встанет без серьёзной переделки, — сказал я. — Только крепление к вашим опорам немного изменить придётся.

— Сложно?

— Нет. Механизм готов. Подгоню крепёжные детали.

— Сколько?

— Одна серебряная и восемь медных.

Эдвард кивнул, не торгуясь, — и это почему-то подсказало мне, что цену я назвал не самую высокую.

— Забираю. Установишь?

— Конечно. Заодно покажу работникам, как пользоваться и как осматривать.

— Договорились. Кстати, Эдвард меня зовут.

— Рэн, — ответил я, Клим мне про вас рассказывал.

— Вот как, тогда рад знакомству.

Мы перенесли ворот к колодцу. Работа заняла время: подгоняли крепления, проверяли, как ходит барабан. Потом я закрепил верёвку и ведро.

— Попробуйте.

Эдвард взялся за рукоять и несколько раз провернул. Ведро шло ровно, без рывков.

— И правда легче, — заметил он. — Давно надо было что-то такое сделать.

— Главное — проверяйте крепление оси и состояние верёвки. А кожух периодически открывайте — осматривайте механизм.

— Это уже мелочи. Если всё так работать будет — только выигрываю.

Пока мы стояли у колодца, Эдвард вдруг спохватился.

— Слушай, Рэн. А ты говорил, делаешь устройства для удержания верёвок?

— Да. Могу сделать отдельный храповой фиксатор.

— А на стену закрепить можно? У нас тут постоянно верёвки натягивать приходится — сушим, подвешиваем. Иной раз двоих звать надо, чтобы удержать натяжение.

— Можно. Но смотреть надо на месте. Если крепить прямо к стене — нагрузку распределить важно.

— Тогда пойдём, покажу.

Мы прошли вдоль хозяйственных помещений. На стене были закреплены перекладины, на них — несколько верёвок.

Эдвард объяснил, как обычно натягивают. Я осмотрел крепления, прикинул.

— Здесь фиксатор небольшой поставить можно. Но я бы сделал отдельную металлическую пластину с креплением к стене. Так надёжнее — нагрузку распределит.

— А один человек с ним справится?

— Если правильно установить — да.

— Тогда сделай два. Один сюда, второй у дальнего навеса. Там такая же беда.

— Хорошо. Но мне понадобятся размеры. И надо уточнить, какую нагрузку давать будете.

— Покажу завтра. А примерно сколько выйдет?

— Сначала посчитаю материалы. Наугад цену называть не хочу.

Эдвард одобрительно кивнул — так же, как Хальд и Руд. Мне начало казаться, что в Каэргарде слова «посчитаю, потом назову цену» ценятся выше громких обещаний.

— Правильно. Когда скажешь точно?

— После осмотра и расчётов. Сейчас могу сказать только одно: возьмусь.

— Тогда договорились.

На следующий день Эдвард показал оба места. Первое — у стены, где сушили одежду и ткани. Второе — под дальним навесом, рядом с помещением для инвентаря.

Я осмотрел стены, проверил крепления, измерил расстояния между опорами. Эдвард рассказывал, какие верёвки используют, как тянут, что на них вешают.

— Здесь нагрузка выше будет, — заметил я у навеса. — Особенно если несколько тяжёлых вещей разом подвесить.

— Потому и два одинаковых хочу. Чтобы работники каждый раз за помощником не бегали.

— Постараюсь сделать одинаковыми. Но крепления немного отличаться будут — стены тут не близнецы.

Я сделал наброски, записал размеры и особенности каждого места.

— Этого хватит? — спросил Эдвард.

— Для начала — да. Теперь подберу размеры механизма и прикину детали.

— Хорошо. Мне главное — чтобы не подвели в работе.

— Постараюсь учесть.

Эдвард проводил нас до двора и на прощание добавил:

— Если всё получится — буду с тобой работать и дальше.

— Я тоже, постараюсь сделать как можно быстрее.

На этом встречи не закончились. В следующие дни Клим продолжал знакомить меня со своими знакомыми.Иногда люди просто задавали несколько вопросов и уходили по своим делам. Кто-то обещал подумать, кто-то говорил, что подобная вещь ему пока не нужна.

Но были и те, кто задерживался подольше.

Однажды мы познакомились с владельцем небольшого склада, который заинтересовался возможностью приобрести ещё один подъёмный комплект. Однако после разговора выяснилось, что ему пока достаточно обычных приспособлений, а покупать новое оборудование он собирался только после окончания зимы.

Я не стал настаивать.

Зато разговор оказался полезным. Выяснилось, что у него есть знакомый в соседнем поселении, которому подобный механизм мог бы пригодиться гораздо раньше.

Постепенно я перестал воспринимать каждую встречу как испытание. Сначала было немного непривычно рассказывать о собственных разработках незнакомым людям, но Клим оказался прав: стоило начать разговор с обычных вопросов о работе, и дальше всё шло гораздо легче.

Люди рассказывали о том, как поднимают грузы, как ремонтируют оборудование, сколько времени теряют на простые операции. Иногда я даже удивлялся, насколько сложными становились самые обычные задачи только потому, что у них не было подходящего инструмента.

Однажды после очередного знакомства Клим спросил:

— Ну что, начинаешь понимать, зачем я тебя сюда привёз?

— Начинаю.

— И как впечатления?

Я подумал.

— В Лир-Холме я смотрел на свои механизмы как на готовые решения. А здесь всё иначе. Одному нужен подъёмник, другому — фиксатор, а третьему нужна конструкция, которой у меня вообще нет.

— Вот теперь ты понимаешь разницу между мастерской и торговлей.

— Не уверен, что понимаю торговлю. Но людей понимать начинаю.

— Для начала достаточно.

Я посмотрел на площадку, где грузчики несли очередной ящик.

— Знаете, что самое странное?

— Что?

— Многие из этих вещей настолько простые, что я даже не задумывался, насколько они нужны. А для них — ежедневная проблема.

Клим пожал плечами.

— Потому что ты смотришь на устройство, а они — на работу, которую каждый день выполнять надо. Хороший мастер должен уметь смотреть с обеих сторон.

Я запомнил эти слова.

Вечером Клим разбирал записи по прибывшему товару, а я достал свой блокнот и начал записывать, что продано и о чём договорились.

— Не спеши записывать всё это в прибыль, — заметил Клим, не поднимая головы.

— Я и не собирался.

— Ну-ка, покажи, что там у тебя.

Я развернул блокнот.

— Подъёмный комплект — три серебряных и шесть медных. Отдельный фиксатор — восемь медных. Колодезный ворот — серебряная и восемь медных.

Клим кивнул.

— А задатки?

— Никаких. Пока только договорились. Эдвард хочет два настенных фиксатора. Места осмотрели, размеры и требования записал. Окончательной цены нет. Руду нужен крупный механизм для натяжения верёвок. Наброски сделал, как работает — записал.

— А цены?

— Не определил. Сначала рассчитать надо, посмотреть материалы, понять, во что изготовление обойдётся.

— Вот и правильно. Не записывай того, чего ещё не заработал.

— Получается, приехал с тремя готовыми изделиями — а уезжаю с заказами.

— Если всё правильно рассчитаешь, — заметил Клим.

— И если заказчики не передумают.

— Такое бывает. Поэтому деньги шибко не трать, пока работу не закончишь.

Я усмехнулся.

— Вы сегодня особенно осторожны.

— А это потому, что я уже видел немало людей, которые успевали потратить деньги раньше, чем получали заказ. Некоторые — на следующий день после рукопожатия.

Я закрыл блокнот, потом поднял глаза.

— Получается, всё, что привёз, продано. Очень удачно все сложилось, благодаря вам.

Клим отложил перо и усмехнулся — не насмешливо, а так, как усмехаются, глядя, как ученик делает первый уверенный шаг.

— Неплохо. Для первой поездки — очень даже неплохо. А благодарить меня рано, пока что я просто свёл тебя с нужными людьми.

Я взялся за подсчёты и быстро сложил суммы, вышло пять серебряных и десять медных. Придется еще тратиться на материалы, да и домой надо вернуться не с пустыми руками. Но исход всех этих дней меня радовал.

— Кстати, мы ведь ещё не обсуждали расчёт за вашу помощь.

— Обсудим, но позже. Я не беру денег за то, что ещё не посчитал. У меня тоже записи есть.

— Хорошо. Тогда пока оставлю всю сумму как выручку.

Я записал её отдельной строкой и отложил перо. За окном постоялого двора стучали копыта и перекрикивались возницы — торговой площадке ночь была не указ.

Недавно я приехал сюда с несколькими простыми устройствами, которые казались мне вполне обычными. Теперь же видел, что даже небольшое изменение в привычной работе может оказаться для кого-то настоящим облегчением.

Мне ещё предстояло многое узнать: местные размеры, материалы, особенности креплений, требования к прочности. И всё это нужно было обдумать уже дома, в Лир-Холме. Там у меня были инструменты, место для работы и возможность спокойно проверить расчёты, прежде чем браться за изготовление.

В Каэргарде я пока сделал только первый шаг: показал людям свои устройства, узнал об их проблемах и собрал достаточно сведений для будущей работы.

Но впервые за долгое время у меня появилось ощущение, что я двигаюсь в правильном направлении.

Крепость и договор

Утро в крепости началось задолго до того, как я окончательно проснулся.

Сначала за стеной послышались тяжёлые шаги, затем чей-то голос потребовал освободить проход. Следом раздался скрип колёс, короткое ржание лошади и глухой стук чего-то деревянного о камень. Каэргард, похоже, не слишком заботился о том, чтобы его обитатели могли поспать подольше.

Я поднялся, умылся холодной водой и привёл в порядок одежду. За окном уже было светло. Небо оставалось серым, но снегопада не было, и сквозь облака временами пробивалось бледное зимнее солнце.

Клим ждал меня во дворе постоялого двора. Рядом стояла его повозка, а сам купец разговаривал с одним из возчиков.

— Выспался? — спросил он, когда я подошёл.

— Вполне. Хотя здесь, похоже, утро наступает раньше, чем в деревне.

— Здесь у каждого найдётся работа, которую нельзя отложить до завтра. Особенно зимой.

Он закончил разговор с возчиком и повернулся ко мне.

— Сегодня у нас ещё есть время. Если не передумал, покажу тебе крепость. Не каждый день сюда попадаешь, а раз уж оказался — стоит посмотреть, куда именно приехал.

— Не передумал.

— Тогда пойдём. Только далеко не отставай. Здесь постоянно кто-нибудь куда-нибудь спешит, а под ногами то груз, то лошадь.

Мы вышли со двора и направились к крепостным воротам.

Снаружи Каэргард выглядел внушительнее, чем я успел оценить накануне. Вблизи стены казались почти сплошной каменной массой. Между крупными блоками виднелись более светлые участки кладки — следы прежних ремонтов. На некоторых башнях камень потемнел от времени и непогоды, а деревянные конструкции над воротами явно меняли не один раз.

У входа стояли двое стражников. Один проверял бумаги у возчика, другой следил за повозками, пропускаемыми во внутренний двор. Над воротами находилась площадка для караула, а по обе стороны от проезда поднимались толстые стены.

— Крепость старая? — спросил я.

— Старше, чем большинство поселений в округе. Её не раз перестраивали и укрепляли. Камень, который видишь, не весь положили в один год. Каэргард должен был пережить не одного хозяина.

Клим кивнул в сторону стены.

— Но крепость нужна не только для того, чтобы за ней прятаться. Отсюда удобно следить за дорогой и рекой. Кто держит эти места, тот видит большую часть движения через округу.

За воротами открывался широкий двор. По нему двигались люди, телеги и лошади. У одной стены несколько солдат разгружали мешки, неподалёку двое работников катили бочку на деревянной тележке. Возле конюшен конюх пытался заставить упрямую лошадь отойти от прохода, а чуть дальше молодой парень торопливо подбирал рассыпавшиеся поленья.

Над крышами хозяйственных построек поднимался дым. Пахло сырыми дровами, лошадьми и чем-то съестным. Из одной мастерской доносился стук молота, из другой — голоса людей, споривших о том, куда поставить очередной груз.

Крепость не казалась неподвижным каменным сооружением. Она жила собственной жизнью, причём довольно шумной.

— Сколько здесь людей? — спросил я.

— Постоянно? Точно не скажу. Гарнизон, служащие, работники, ремесленники. Плюс торговцы, обозы и те, кто приезжает по делам. Даже в спокойные дни двор редко бывает пустым.

Мы прошли мимо казарм. У входа несколько солдат чистили снаряжение. Один из них, заметив Клима, поднял руку в приветствии.

— Часто здесь бываете? — спросил я.

— Достаточно, чтобы меня не принимали за случайного гостя. С торговлей иначе нельзя. Нужно знать не только тех, кто покупает товар, но и тех, кто следит за порядком, заведует складами и распоряжается перевозками.

Дальше начиналась хозяйственная часть крепости. Вдоль стены тянулись склады с широкими дверями. Перед одним из них лежали аккуратно сложенные мешки, рядом стояли бочки и несколько ящиков. Рабочие переносили груз с телеги внутрь, сверяясь с записями человека, державшего в руках дощечку.

Я задержал взгляд на воротах склада. Над проёмом находилась простая балка с подвешенным блоком. С её помощью двое работников поднимали тяжёлый ящик, который иначе пришлось бы затаскивать внутрь по наклонным доскам.

— Такие приспособления в крепости повсюду?

— Где есть необходимость, там и ставят. Не все склады одинаковые. На одних больше работают с мешками, на других — с бочками и тяжёлыми ящиками. Люди быстро понимают, что проще один раз сделать подъёмник, чем каждый день надрываться.

— Разумный подход.

— Вот только не каждый готов тратить деньги на то, что не приносит немедленной выгоды.

Мы миновали склады и вышли к мастерским. Здесь было заметно теплее. Из открытых дверей тянуло жаром, слышался звон металла. В одной мастерской работали с деревом, возле другой чинили тележное колесо. Чуть поодаль кузнец склонился над наковальней.

Я невольно задержался, наблюдая за его работой.

— Ищешь себе конкурентов? — усмехнулся Клим.

— Скорее смотрю, как они работают. У каждого мастера свои привычки.

— Это верно. Только не задерживайся надолго. Мы ещё не всё посмотрели.

От мастерских дорожка вела к конюшням. Здесь было особенно оживлённо. Лошади переступали в стойлах, фыркали, били копытами по подстилке. Конюхи таскали сено, меняли воду и чистили стойла. В одном из проходов двое мужчин пытались провести животное, которое явно не желало идти туда, куда его направляли.

За конюшнями располагались хозяйственные навесы и дровяной склад. Поленья были сложены под крышей, приподняты над землёй и закрыты от снега. Я отметил, что здесь не пытались хранить всё в одном месте: дрова, корм и инструменты находились в разных частях двора.

— В крепости всё устроено так, чтобы не мешать друг другу, — заметил Клим, поймав мой взгляд. — Если возчики начнут толкаться у конюшен, а работники склада станут таскать мешки через весь двор, это будет только мешать.

— Похоже, здесь за порядком следят не только стражники.

— Иначе порядок долго не проживёт.

Мы поднялись на широкий участок внутренней стены, откуда открывался вид на окрестности.

За крепостными стенами тянулась дорога, по которой двигались повозки. Дальше, между заснеженными склонами, виднелась река Каэр. Вода не замёрзла полностью: тёмная полоса течения прорезала белые берега. У одного из участков стояли несколько небольших судов, а возле пристани люди переносили груз.

Всматриваясь ещё дальше, насколько позволяло зрение, река расширялась и уходила куда-то вдаль. Вспоминая карту я понял, что где-то в той стороне находится северный континент Нордхейм.

— Каэр, — сказал Клим. — Зимой движение по воде становится сложнее, но река всё равно остаётся важной дорогой. Когда позволяет погода, по ней перевозят то, что невыгодно тащить повозками.

— А крепость следит за переправой?

— За переправой, дорогой и всем, что происходит поблизости. Здесь не любят, когда кто-то начинает перевозить товары, не обращая внимания на местные порядки.

Он произнёс это без особого выражения, будто говорил о чём-то само собой разумеющемся.

Я ещё немного посмотрел на реку. Вчерашние разговоры о торговле и ценах теперь складывались в более понятную картину. Дороги, склады, пристань, крепость — всё было связано. Один участок пути мог оказаться важнее десятка деревень, если через него проходили товары и люди.

— Теперь понимаешь, почему сюда едут купцы? — спросил Клим.

— Думаю, начинаю.

— Хорошо. Значит, не зря ходили.

Мы спустились со стены и вернулись во двор. По дороге Клим несколько раз останавливался, чтобы поздороваться со знакомыми. Одному человеку он напомнил о какой-то поставке, с другим коротко обсудил состояние дороги. Я не вмешивался, но слушал. Постепенно становилось понятно, что купец знает здесь гораздо больше людей, чем я мог предположить.

Когда мы отошли от шумной части двора, Клим остановился у стены.

— Ну что, Рэн. Вчера мы поговорили о твоих изделиях, но оставили один вопрос открытым.

Я помнил что ещё не оплатил помощь Клима, но решил спросить другое.

— Вы хотите предложить мне некий договор?

— Именно. Ты собираешься возвращаться в деревню, работать над заказами. Потом захочешь привезти сюда новые вещи. И каждый раз искать попутную повозку будет неудобно.

— С этим у меня действительно проблема.

— А у меня другая проблема. Обозы всё равно ходят по дорогам. Иногда в них остаётся свободное место, иногда приходится искать дополнительную повозку. Но пустое место само по себе денег не приносит. А твои изделия могут приносить.

Он посмотрел на меня.

— Предлагаю работать вместе. Ты делаешь механизмы, я занимаюсь покупателями и перевозкой. Буду показывать твои изделия тем, кому они могут пригодиться. Если человек заинтересуется, договариваемся о цене и условиях.

— А если товар не продастся?

— Тогда он остаётся твоим. Я не собираюсь покупать у тебя всё подряд и складывать у себя на складе. Но если берусь за продажу, товар должен быть готовым, а цена — согласованной заранее.

— Комиссия?

— Пятнадцать процентов от стоимости проданного изделия.

Я задумался. Сумма казалась немаленькой, но Клим не просто перевозил вещи. Он искал покупателей, разговаривал с ними, объяснял назначение механизмов и брал на себя часть торговой работы.

— А доставка?

— Отдельно. Для небольших грузов, которые можно положить среди обычного товара, четыре медные. Для среднего груза, который занимает заметное место, — восемь. Если вещь крупная или требует особых условий перевозки, цену обсудим заранее.

— То есть комиссия не включает перевозку?

— Нет. Это разные расходы. Иначе мне придётся угадывать, сколько места займёт твой товар, а тебе — гадать, сколько я заработал на продаже.

Я кивнул. Разделять эти суммы было разумно.

— А если покупатель захочет изменить конструкцию или попросит установить механизм?

— Тогда я сначала свяжусь с тобой. Самостоятельно обещать то, чего ты не согласовывал, не стану. Если потребуется твоё присутствие, договоримся о поездке. Но обычные готовые изделия я могу продавать и без тебя.

— И деньги?

— Записываем каждую продажу. Стоимость изделия, моя комиссия, доставка и прочие расходы, если они были согласованы. При встрече сверяем записи и рассчитываемся. Никаких недомолвок.

Я посмотрел на него.

— Почему вы вообще решили со мной связаться? Могли бы просто продать то, что привезли, и на этом закончить.

Клим немного помолчал.

— Я встречал много мастеров, Рэн. Одни хорошо работают руками, другие умеют красиво рассказывать о своих товарах. Но редко встречаются те, кто сначала спрашивает, что именно нужно покупателю, а уже потом предлагает решение.

Он усмехнулся.

— Вчера ты не пытался убедить Хальда купить то, что ему не требовалось. Ты посмотрел, как он работает, и предложил то, что могло ему помочь. С Рудом и Эдвардом было то же самое. Мне такой подход нравится. Я вижу, что ты можешь делать полезные вещи, а у меня есть возможность доставить их туда, где они нужны. Почему бы нам не заработать на этом обоим?

— Звучит разумно. Мне нравится ваше предложение.

— Вот и хорошо.

Мы пожали друг другу руки. Никаких торжественных обещаний не последовало. Просто договорились о том, что каждому из нас было выгодно.

Оставалось рассчитаться за вчерашние продажи.

Мы устроились за свободным столом в одном из помещений, где Клим мог спокойно разложить записи. Я достал свой блокнот и сверил суммы.

Всего — пять серебряных и десять медных, или семьдесят медных монет.

Пятнадцать процентов составляли десять с половиной. Половины медной монеты не существовало, поэтому мы условились округлить сумму до одиннадцати.

Я отсчитал монеты и передал их Климу.

— Теперь у меня остаётся пятьдесят девять, — проговорил я, записывая расчёт.

— Не забывай, что будущие заказы пока не оплачены, — напомнил купец.

— Помню. Руд и Эдвард заплатят, когда я выполню работу, сумму согласуем уже на месте.

— Вот и правильно. Не стоит считать деньги, которых ещё нет.

Я убрал блокнот. Теперь можно было заняться покупками.

Рынок к этому часу уже успел оживиться. Между торговыми рядами сновали покупатели, возчики разгружали повозки, продавцы выкладывали товар на прилавки. В воздухе смешивались запахи дыма, свежего хлеба, шерсти и сырой древесины.

Клим шёл рядом и время от времени указывал на нужные лавки.

— Сначала металл. Потом посмотрим инструменты. Не советую хватать всё в первом же месте. Здесь цены у соседних торговцев иногда отличаются сильнее, чем качество товара.

Я достал блокнот. Список покупок был коротким, но денег у меня оставалось не так много, чтобы позволять себе лишнее.

Пятнадцать процентов Климу я уже отдал. Из оставшихся пятидесяти девяти двенадцать решил не трогать. Один серебряный — на расчёт с кузнецом в Лир-Холме. Сколько именно я ему должен, предстояло разобраться, но возвращаться домой без денег на оплату его работы не хотелось.

Значит, на покупки оставалось сорок семь медных.

Первым делом мы остановились у торговца металлом.

Я объяснил, что ищу железо для изготовления нескольких механизмов. Продавец показал полосы, прутки и слитки, разложенные на деревянных подставках. Я осмотрел металл, уточнил размеры и стоимость.

Два слитка подходящего железа обходились в шестнадцать медных. Для крупного механизма Руда они могли пригодиться при изготовлении наиболее массивных деталей. Брать больше пока не имело смысла: точные размеры и нагрузки я ещё должен был рассчитать дома.

К ним я добавил несколько железных полос, пару прутков и немного крепежа. Не всё, что предлагал торговец, было необходимо прямо сейчас. Я выбрал только то, что мог использовать при изготовлении ближайших заказов.

Отдельно взял немного крепкой верёвки для сборки и проверки отдельных узлов. Остальное можно будет подобрать уже на месте.

Когда мы отошли от прилавка, я пересчитал расходы.

— Всего двадцать пять монет потратил.

— Не так много взял, — заметил Клим.

— Пока не знаю точных размеров всех деталей. Не хочу покупать металл, который потом будет лежать без дела.

— Разумно. Хотя некоторые торговцы любят убеждать, что выгоднее брать сразу больше.

— Им выгоднее, чтобы я покупал больше.

Клим рассмеялся.

— Так скоро и сам торговцем станешь.

Следующими были инструменты. Я помнил просьбу Киры ещё с того времени, когда мы собирались в дорогу. Она просила привезти кузнечные щипцы и небольшие молотки. Тогда я пообещал, что постараюсь найти подходящие.

В лавке оказалось несколько вариантов. Я не стал выбирать самые дорогие, но и откровенно плохие инструменты брать не хотелось. Осмотрел крепление бойков, рукояти молотков и сами щипцы. После короткого разговора с продавцом остановился на одной паре универсальных щипцов за семь медных и двух небольших молотках по три медных каждый.

— Для Киры? — спросил Клим, взглянув на свёрток.

— Для неё. Перед отъездом просила привезти.

— Значит, не забыл. Она будет рада, особенно если щипцы окажутся удачными. Передавай ей привет.

Я улыбнулся и убрал инструменты в сумку, отдельно от металлических заготовок.

Оставалось ещё кое-что.

Я уже собирался уходить, когда взгляд зацепился за небольшой прилавок с деревянными поделками. Там лежали фигурки зверей, простые свистульки и несколько игрушек. Среди них была маленькая деревянная лошадка. Ничего особенного: гладко обтёсанная, с короткими ножками и чуть неровной гривой.

Я вспомнил Тиля.

Мальчишка наверняка обрадуется даже такой мелочи. Я подошёл, проверил, нет ли на игрушке заноз, и спросил цену.

Две медные.

— Беру.

Клим посмотрел на покупку, но ничего не сказал. Только улыбнулся краешком рта.

Я убрал лошадку в сумку, подальше от железных деталей.

После этого мы отошли в сторону, чтобы я мог проверить расходы.

Двадцать пять медных за материалы. Тринадцать — за инструменты Кире. Две — за игрушку Тилю.

Всего сорок. Из пятидесяти девяти оставалось девятнадцать. Двенадцать из них были отложены на кузнеца, так что свободными оставались семь медных.

Я записал расчёт и убрал блокнот.

— Всё? — спросил Клим.

— Пока да. Остальное куплю, когда разберусь с конструкциями. Древесину брать здесь не буду.

— В Лир-Холме её хватает?

— Когда ты приезжал в деревню, местные сами продавали тебе доски. Для первых изделий я набрал дерева у кого только мог. Думаю, со старостой можно будет договориться. Незачем тащить древесину из Каэргарда, если её можно достать дома.

— И правильно. Перевозить то, что есть под рукой, — лишние расходы.

Я кивнул. Получалось, что даже с небольшим запасом денег можно было начать работу. Главное — не пытаться купить всё сразу.

Когда мы закончили с покупками, день уже заметно продвинулся. Клим предложил вернуться к повозке и проверить, всё ли готово к обратной дороге.

Я ещё раз оглянулся на рынок. Вчера он казался мне местом, где нужно просто продать несколько изделий. Сегодня я смотрел на него иначе. Здесь были торговцы, мастерские, склады, люди, которым требовались разные вещи, и целая система, связывавшая всё это между собой.

— О чём задумался? — спросил Клим.

— О том, что работы впереди больше, чем я рассчитывал.

— Это обычно хороший знак.

— Если хватит времени и материалов.

— Материалы найдём. А время… его всегда не хватает.

Мы направились к повозке.

В сумке лежали металлические заготовки, инструменты для Киры и небольшая игрушка для Тиля. В блокноте появились новые записи: расходы, условия сотрудничества, список материалов и будущие заказы.

Дома предстояло многое сделать. Сначала разобраться с долгом кузнецу, потом поговорить со старостой о древесине, рассчитать конструкции для Руда и Эдварда. А ещё подумать, какие изделия можно изготовить заранее, не дожидаясь нового заказа.

Но теперь всё это уже не казалось разрозненными задачами.

У меня появился торговый партнёр, понятные условия перевозки и возможность продавать свои изделия не только тем, кто случайно окажется рядом с Лир-Холмом.

Предел

Дорога домой казалась короче, хотя расстояние оставалось прежним.

В Каэргарде я постоянно смотрел по сторонам: запоминал расположение мастерских, складов и лавок, прикидывал стоимость материалов, оценивал, какие возможности открываются передо мной. Теперь же дорога была знакомой, и мысли постепенно возвращались к тому, что ждало впереди.

Клим ехал рядом, придерживая поводья одной рукой. Время от времени он поправлял плащ, который ветер настойчиво пытался распахнуть.

— Значит, к концу зимы нам стоит снова встретиться, — произнёс он, словно продолжая разговор, начатый ещё у городских ворот.

— Из-за заказов Руда и Хальда?

— И из-за них тоже. Ты ведь помнишь, что обещали приехать и установить механизмы?

— Конечно. Без меня там всё равно не обойтись. Нужно будет проверить крепления, подогнать детали и убедиться, что всё работает как следует.

— Вот об этом я и хотел поговорить. Работу по установке ты оценишь отдельно, когда увидишь, что именно потребуется на месте. В процессе поймешь, сколько это займёт времени.

— Согласен. Пока не начну саму установку, трудно сказать, сколько это займёт.

Клим кивнул и некоторое время ехал молча. Потом продолжил:

— Но мне бы хотелось, чтобы следующая поездка не стала для нас единственной возможностью что-нибудь продать.

Я повернул к нему голову.

— Что Вы имеете в виду?

— Сейчас всё устроено просто: я нахожу покупателя, показываю ему твою работу, а потом мы договариваемся о продаже. Но если каждый раз ради одного или двух заказов тебе придётся добираться до Каэргарда, много мы так не наторгуем.

— Дорога действительно отнимает время. Постоянной возможности ездить на рынок у меня нет.

— Вот именно. Поэтому я хочу попробовать кое-что другое. Мне нужны стандартные образцы. Не один механизм на заказ, а несколько изделий, которые можно будет показывать разным людям.

— Например?

— Подъёмник. Такой, как ты уже делал, только рассчитанный на обычную складскую работу. Мешки с зерном, мукой, ящики — грузы примерно одного порядка. Не для каменных глыб и не для подъёма целых телег. Обычная работа склада.

Я задумался, мысленно прикидывая конструкцию.

— Значит, нужно сделать стандартный механизм?

— Именно. И ещё фиксаторы. Тоже стандартных размеров, чтобы подходили для распространённых ящиков и подобных грузов.

— Это можно сделать. Но сначала нужно понять, какие именно размеры встречаются чаще всего.

— Этим я и займусь.

Клим посмотрел на дорогу, затем снова заговорил:

— Я буду расспрашивать владельцев складов, торговцев, людей, которые занимаются перевозками. Выяснять, кому что нужно и в каком количестве. Одному хватит пары подъёмников, другому понадобится несколько комплектов фиксаторов. Кто-то захочет стандартный механизм, а кому-то потребуется что-нибудь особенное.

— И Вы будете собирать заказы?

— Сначала пожелания и примерные заявки. Не хочу обещать людям то, о чём мы с тобой ещё не договорились. Но если у меня будут образцы, я смогу показать, как всё работает, объяснить устройство и понять, есть ли настоящий интерес.

— А потом передадите мне, что удалось выяснить.

— Да. Ты будешь знать, что именно нужно изготовить, сколько и к какому сроку. А мне не придётся каждый раз тащить тебя сюда ради разговора с очередным покупателем.

Я невольно улыбнулся.

— Получается, Вы хотите сделать из меня мастерскую, а сами будете ходить по рынкам?

— А разве это плохое разделение работы? Ты умеешь делать механизмы. Я умею находить людей, которым они нужны. Каждый занимается тем, что у него получается лучше.

— Есть в этом смысл. Я от этого только в выигрыше.

— Конечно, есть. И ещё кое-что. Если кому-то понадобится механизм крупнее или сложнее стандартного, мы обсудим его отдельно. Ты оценишь работу, материалы и скажешь, что возможно сделать. Если потребуется твоя помощь с установкой, это тоже будет отдельный разговор.

— Без согласования ничего обещать не будете?

— Разумеется. Я продаю твои изделия, а не твои обещания. Если покупателю понадобится что-то особенное, я сначала поговорю с тобой.

Я некоторое время молчал, обдумывая предложение.

В этом действительно был смысл. До сих пор я рассматривал каждый заказ как отдельную задачу: получить просьбу, разобраться в требованиях, изготовить механизм, доставить его покупателю. Но если изделия окажутся востребованными, такая схема быстро станет неудобной. Я не смогу постоянно бросать работу в Лир-Холме ради поездок в Каэргард.

— Тогда мне нужно будет подготовить два стандартных образца, — сказал я. — Подъёмник и фиксаторы. А заодно закончить механизмы для Руда и Хальда.

— Именно. Не торопитесь в ущерб качеству. Но постарайся, чтобы к нашей следующей встрече у меня было что показать.

— Договорились.

— Вот и хорошо. Похоже, мы начинаем работать по-настоящему.

— Похоже на то. Это уже куда интереснее.

Клим улыбнулся и больше к этому разговору не возвращался.

А я ещё некоторое время прокручивал его предложение в голове. Получалось, что теперь мне предстояло не просто изготовить несколько механизмов. Нужно было подумать о размерах, нагрузках и повторяемости конструкции. Сделать так, чтобы одна и та же вещь могла пригодиться не одному конкретному человеку, а многим.

Это уже было немного другое дело.

В деревне нас заметили ещё до того, как мы добрались до первых домов.

Клим первым поприветствовал встречных, обменялся парой слов с местными и направился к месту, где собирался оставить повозку. Я помог разгрузить часть вещей, после чего забрал свою сумку.

Она казалась тяжелее, чем утром.

Внутри лежали металлические заготовки, крепёж, верёвка, инструменты для Киры и небольшая деревянная лошадка, завёрнутая в ткань.

Последнюю вещь я проверил первой.

Целая. Ничего не сломалось.

Я убрал свёрток обратно и направился к кузнице.

Изнутри доносился привычный металлический звон. Я остановился у входа, чтобы не мешать работе, и дождался, пока кузнец закончит удар.

— Вернулся? — спросил он, заметив меня.

— Как видите.

Он положил молот на наковальню и окинул меня взглядом.

— Ну что, торговля удалась?

— Вполне. Удалось продать несколько изделий, познакомиться с новыми людьми и даже получить пару заказов.

— Вот как? — В его голосе мелькнуло неподдельное любопытство. — Значит, не зря ты со своими железками возишься.

— Похоже на то.

Я поставил сумку на свободное место и принялся доставать покупки. Два железных слитка, несколько пластин, полос и прутков. Разложил всё так, чтобы кузнец мог рассмотреть.

— Это привёз для дальнейшей работы. Думаю, ещё не раз понадобится.

Он осмотрел металл, взял одну из полос, проверил её толщину и положил обратно.

— Неплохой запас. А что собираешься делать?

— Пока не всё решил. Есть несколько задумок, да и под новые заказы кое-что придётся изготовить. Но без Вашей помощи с металлическими деталями мне не обойтись.

Я достал кошель и положил рядом с металлом.

— Здесь девятнадцать медных монет. Больше у меня сейчас нет. Готов отдать их за работу, а металл, который привёз, оставить для новых изделий. Понимаю, что этого может оказаться недостаточно, но хочу, чтобы мы начали работать по-настоящему. Скоро, надеюсь, с деньгами станет проще.

Кузнец посмотрел сначала на кошель, потом на меня.

— Погоди-ка, — перебил он. — Ты сейчас о чём вообще?

Я не сразу нашёлся с ответом.

— О том, что мне нужна ваша помощь. И я не хочу, чтобы вы работали задаром.

Он покачал головой и отодвинул кошель обратно ко мне.

— Я не собирался выставлять тебе счёт за каждую мелочь, которую мы делали раньше. Мы ведь не о дворцовых воротах говорим. Да и ты мне уже не раз помог своими задумками. Мне самому было интересно посмотреть, что из этого выйдет.

— Но металл и работа…

— Металл я вижу. А работу мы ещё обсудим, когда ты принесёшь что-нибудь конкретное. Не надо сейчас выкладывать передо мной всё, что у тебя осталось.

Он произнёс это без раздражения, скорее с лёгким недовольством тем, что я вообще решил поставить перед ним такой вопрос.

— Я помогу с новым заказом, — продолжил он. — Но запомни одну вещь: мне нужно точно понимать, что ты хочешь получить. Не просто кусок железа с дыркой посередине, а размеры, толщину, форму, где и как оно должно крепиться. Чем понятнее объяснишь, тем меньше времени мы потратим на переделки.

— Постараюсь подготовить чертежи.

— Вот и хорошо. А когда дело пойдёт дальше, будем считать металл и работу отдельно. Я не собираюсь всю жизнь делать тебе скидки.

Последние слова он произнёс с усмешкой.

— И не рассчитываю на это.

Я убрал кошель обратно. Металл оставил на столе, объяснив, что рассчитываю использовать его в следующих работах.

Кузнец ещё раз осмотрел заготовки, прикинул что-то в уме и кивнул.

— С этим можно работать. Принесёшь чертежи — посмотрим, что получится.

Я уже собирался уходить, когда впервые за всё время задержал на нём взгляд чуть дольше обычного.

Эрнест.

Я знал его имя, конечно, но прежде как-то не задумывался о самом человеке. Он всегда казался мне суровым и мрачным. Немногословным, привыкшим держать дистанцию и не склонным к уступкам. Таким мастером, с которым лучше заранее обсудить каждую мелочь, иначе потом придётся долго договариваться.

А сейчас я увидел в нём кое-что другое.

Он не собирался отказываться от заработка и вряд ли стал бы работать себе в убыток постоянно. Но, похоже, понимал, что сейчас я только начинаю. И если моё дело действительно пойдёт в гору, у него появится постоянный заказчик, а возможно, и немалая доля будущей работы. В этих механизмах металлические детали были необходимы, а хорошего кузнеца поблизости я вряд ли найду.

Получалось, что Эрнест не просто шёл мне навстречу. Он тоже вкладывался в то, что могло принести выгоду нам обоим.

И, пожалуй, это было куда ценнее простой скидки.

— Спасибо, Эрнест. Я постараюсь вас не подвести.

Он только махнул рукой, уже возвращаясь к наковальне.

Киру я нашёл не сразу.

В кузнице её не оказалось, поэтому я заглянул к дому, где она обычно помогала по хозяйству. Девушка как раз вышла со двора, вытирая руки о передник.

— Вернулся! — Она остановилась, оглядела меня и улыбнулась. — Я уж думала, ты ещё долго будешь пропадать.

— Дорога оказалась не такой короткой, как хотелось бы.

— А рынок? Нашёл то, о чём говорили?

Я снял сумку с плеча.

— Нашёл.

Достал свёрток и протянул ей.

Кира развернула ткань. Сначала показались щипцы, затем два небольших молотка.

Её улыбка стала шире.

— Это они?

— Универсальные щипцы. И два молотка. Один полегче, второй чуть тяжелее.

Кира взяла щипцы, несколько раз сжала рукояти, проверила, как сходятся губки, затем повернула инструмент в руках.

— Неплохо. Рукояти удобные. И губки не слишком широкие. Для мелкой работы подойдут.

Она взяла один из молотков, оценила вес, осторожно постучала деревянной частью рукояти по ладони.

— А этот хорошо лежит.

— Я надеялся, что тебе понравится.

— Надеялся? — Кира подняла на меня глаза. — Ты вообще понимаешь, сколько времени мне придётся теперь искать повод, чтобы не выпускать их из рук?

— Думаю, найдёшь.

— Ещё бы.

Она снова посмотрела на инструменты, уже более внимательно.

— Спасибо, Рэн. Правда.

В её голосе не было прежней шутливости. Я кивнул, не пытаясь превращать момент в нечто большее.

— Пользуйся на здоровье.

— А ты? Что привёз себе?

— Металл, крепёж, кое-какие мелочи. Работы теперь хватит.

— Тогда не забудь иногда выходить из мастерской.

— Постараюсь.

— Вот и договорились.

Она ещё раз проверила щипцы, словно уже прикидывала, какую работу сможет ими выполнить. Я оставил её с обновкой и отправился дальше.

Тиля я увидел возле дома старосты.

Мальчик возился с деревянной щепкой, изображая, будто она была кораблём. Когда он заметил меня, то сразу бросил своё занятие.

— Рэн!

— Привет, Тиль.

— Ты вернулся!

— Как видишь.

Мальчик подбежал ближе и с любопытством посмотрел на сумку.

Я присел перед ним и достал небольшой свёрток.

— Это тебе.

Тиль осторожно развернул ткань.

На его ладонях оказалась деревянная лошадка. Небольшая, гладкая, с вырезанной гривой и четырьмя крепкими ножками. Не самая искусная игрушка, но сделанная аккуратно.

Мальчик сначала просто смотрел на неё, будто не сразу поверил, что она действительно его.

— Мне?

— Тебе.

— Настоящая?

Я улыбнулся.

— Если ты не собираешься запрягать её в настоящую повозку, то вполне.

Тиль провёл пальцем по деревянной спине, затем осторожно поставил лошадку на землю.

— Она будет жить у меня.

— Думаю, ей там понравится.

Мальчик поднял игрушку и прижал к груди.

— Спасибо!

Он убежал прежде, чем я успел что-нибудь ответить.

Я проводил его взглядом. Иногда для хорошего результата не требовалось ни сложных расчётов, ни точной подгонки деталей. Достаточно было двух медных монет и маленькой деревянной лошадки.

Со старостой разговор оказался дольше.

Я не стал сразу просить древесину. Сначала рассказал о поездке, о договорённостях с Климом и о том, что теперь смогу продавать изделия за пределами деревни.

Староста слушал, время от времени задавая вопросы.

— Значит, тебе понадобится больше материала?

— Не обязательно много. Но лучше иметь возможность заранее рассчитывать на определённое количество досок и бруса.

— А взамен?

— Я могу помочь с одной из деревенских работ. Не обещаю переделать всё, что давно требует ремонта, но если выберем конкретную задачу, постараюсь сделать полезное приспособление или улучшить то, что уже есть.

Староста задумался.

— Ты ведь понимаешь, что дерево тоже не бесплатно?

— Понимаю. Поэтому и предлагаю обмен, а не прошу отдавать его просто так.

Мы ещё некоторое время обсуждали возможные варианты. Я не хотел брать на себя слишком много, а староста не собирался отдавать деревенские запасы без понимания, какую пользу получат жители.

В итоге разговор свёлся к тому, что сначала мы определим объём древесины и конкретную работу, которую я смогу выполнить для общины. После этого договоримся о небольших поставках в мою мастерскую.

Мне такой вариант подходил.

Мне не требовалось сразу заполнять мастерскую запасами. Гораздо важнее было понимать, что нужный материал можно получить, когда он понадобится.

К вечеру я наконец добрался до дома.

Мара сидела у стола и перебирала какие-то травы. Услышав шаги, подняла голову.

— Вернулся.

— Да. Наконец-то дома.

— Судя по тому, как ты держишь плечо, сумка стала тяжелее.

— Не настолько, чтобы жаловаться.

— Это не ответ.

Я поставил сумку у стены.

— Поездка прошла хорошо. Продал изделия, договорился с купцом, купил кое-что для работы.

— Значит, не зря ездил.

— Не зря. Я ожидал меньшего от этой поездки, но вышло наоборот.

Мара вернулась к своим травам, но вскоре заметила, что я не собираюсь ни ужинать, ни отдыхать. Я достал блокнот, разложил несколько листов и начал что-то записывать.

— Ты собираешься работать прямо сейчас?

— Нет. Хочу кое-что проверить.

— Что именно?

Я на мгновение задумался.

— Магию.

Мара отложила травы.

— Что случилось?

— Ничего. Просто я понял, что слишком долго повторяю одно и то же. Чувствую ядро, направляю поток, создаю небольшое свечение. Но дальше почти не продвинулся.

— А куда ты хочешь продвинуться?

— Пока не знаю. Поэтому и хочу попробовать.

Мара посмотрела на меня внимательнее.

— Я могу помочь тебе с контролем. Но ты ведь понимаешь, что мои знания не безграничны?

— Понимаю. Ты уже говорила, что никогда не занимались другими направлениями.

— Я знаю, как направлять силу в рану, как поддержать тело, как почувствовать нарушения в потоке. Но создать большой свет или заставить воду замёрзнуть я не умею. Не потому, что это невозможно. Просто так и не научилась.

— Значит, придётся искать самому.

— Возможно. Только не забывай: незнание не делает любую попытку безопасной.

Я кивнул.

— Буду осторожен.

Мара посмотрела на меня так, будто уже слышала подобные обещания.

— Надеюсь.

Первым я выбрал свет.

Это казалось самым простым направлением. Я уже умел создавать небольшое свечение, пусть и не слишком яркое. Значит, задача заключалась не в том, чтобы освоить совершенно новый эффект, а в том, чтобы понять, можно ли изменить уже знакомый.

Я сел за стол, положил перед собой деревянную дощечку и сосредоточился.

Ядро ощущалось привычно — не как предмет внутри тела, а скорее как знакомая точка, от которой расходилось едва уловимое движение. Я не пытался сразу усилить поток. Сначала просто нашёл его, позволил энергии пройти по привычному направлению и удержал небольшое свечение над ладонью.

Свет появился.

Небольшой, мягкий, едва освещающий пальцы.

Я не спешил. Удерживал его, наблюдая за тем, как меняется ощущение потока. Попробовал сделать свет чуть плотнее, затем немного ярче.

На этот раз свечение дрогнуло.

Я ослабил воздействие и попробовал снова.

Несколько попыток ничего не дали. Свет то становился ярче, то начинал мерцать, словно я не мог найти устойчивое положение.

Но постепенно я заметил одну особенность.

Когда я пытался просто увеличить количество энергии, свечение становилось нестабильным. Когда же сосредоточивался на самом результате — на том, каким должен быть свет, — удерживать его становилось легче.

Это не было объяснением. Пока лишь наблюдение.

Я повторил попытку.

На этот раз над ладонью возник небольшой светящийся шар. Он был ярче прежнего свечения и держался ровнее. Не настолько, чтобы осветить всю комнату, но достаточно, чтобы на столе появились чёткие тени.

Я невольно улыбнулся.

— Получилось? — спросила Мара.

Она стояла чуть поодаль, наблюдая за мной.

— Кажется, да.

— Не кажется. Ты ведь видишь результат.

— Вижу. Но пока не понимаю, почему именно так.

— Это уже другой вопрос.

Я осторожно погасил свет.

Затем записал несколько коротких замечаний: попытка усиления простого свечения, нестабильность при резком увеличении потока, более устойчивый результат при сосредоточении на форме и свойствах света.

Потом посмотрел на чашу с водой.

— Хочу попробовать ещё кое-что.

Мара проследила за моим взглядом.

— Что?

— Воду.

— Что ты собираешься с ней сделать?

— Попробовать охладить.

— Магией?

— Да.

Она нахмурилась.

— Ты знаешь, как?

— Нет. Но могу предположить, с чего начать.

Я придвинул чашу ближе.

В моём прежнем мире холод не был самостоятельной субстанцией. Чтобы охладить воду, требовалось отвести от неё тепло. Но я не знал, работала ли магия по тому же принципу. Может быть, она воздействовала на движение частиц. Может быть, меняла состояние вещества иначе. Сейчас у меня не было ни приборов, ни теории, которая позволила бы отличить одно от другого.

Была только задача.

Я положил ладонь рядом с чашей и сосредоточился.

Сначала ничего не произошло.

Я попробовал направить поток в воду, но ощущение оказалось непривычным. Свет я создавал как отдельный эффект, удерживая его перед собой. Здесь же требовалось воздействовать на уже существующий предмет.

Я изменил направление потока.

Вода едва заметно дрогнула.

Я остановился, прислушался к ощущениям и повторил попытку. На поверхности появилась слабая рябь, хотя в комнате не было сквозняка.

— Чувствуешь что-нибудь? — спросила Мара.

— Пока не уверен.

Я продолжил.

Прошло несколько мгновений. Затем я заметил, что поверхность воды изменилась. У самого края чаши появилась тонкая мутная полоска.

Я наклонился ближе.

Лёд.

Пока лишь узкая корочка, почти незаметная, но сомнений не оставалось.

Я резко убрал руку.

— Получилось.

Мара подошла к столу и осторожно коснулась края чаши.

— Похоже результат есть.

— Я не создавал лёд напрямую. По крайней мере, не пытался. Я думал о том, чтобы отвести тепло.

— И что это доказывает?

Я задумался.

— Пока ничего. Только то, что такой подход дал нужный эффект.

Мара кивнула.

— Хорошо. Тогда запиши именно это. Не больше того, что ты действительно знаешь.

Я посмотрел на неё и улыбнулся.

— Ты говоришь как преподаватель.

— А ты ведёшь себя как ученик, который уже решил, что понял урок.

Я записал наблюдение и ещё раз посмотрел на воду. Маленькая ледяная корочка выглядела почти незначительной, но для меня это был первый результат, полученный не повторением знакомого приёма, а самостоятельной попыткой понять незнакомый эффект.

Именно поэтому мне хотелось продолжить.

Я не заметил, как прошло время.

Сначала повторил опыт со светом, стараясь добиться той же яркости без лишнего напряжения. Затем снова занялся водой. На этот раз ледяная корочка появилась быстрее, и я попытался увеличить её толщину.

Получилось хуже.

Поток начал распадаться. Я чувствовал, как энергия проходит через ядро, но удерживать воздействие становилось всё труднее.

Я остановился, перевёл дыхание и посмотрел на чашу.

Ещё одна попытка.

Теперь я хотел не просто охладить воду, а сделать это быстрее. Если получится увеличить интенсивность воздействия, возможно, я пойму, где находится предел самого эффекта.

— Рэн, — позвала Мара.

— Сейчас.

Я сосредоточился.

Поток стал заметно сильнее. Вода в чаше дрогнула, поверхность покрылась мелкой рябью. Ледяная корочка начала расширяться.

Всё шло хорошо.

Слишком хорошо, чтобы остановиться.

Я добавил ещё немного силы.

Пальцы правой руки дрогнули. Я нахмурился, но не отвёл внимания от чаши. В голове появилась тяжесть, словно я слишком долго смотрел на яркий свет.

— Рэн, хватит.

— Ещё немного.

— Прекрати.

Я услышал её голос, но в этот момент пытался удержать поток. Мне казалось, что ещё одно небольшое усилие позволит завершить опыт и получить результат, который можно будет сравнить с предыдущим.

Но поток перестал слушаться так, как прежде.

Не исчез и не оборвался. Просто стал неровным. Я почувствовал, как напряжение прокатывается от ядра по телу, а пальцы начинают дрожать сильнее.

Перед глазами всё слегка поплыло.

Я попытался ослабить воздействие, но сделал это слишком резко.

Магия погасла.

Я откинулся назад и едва успел ухватиться за край стола. Чаша осталась на месте. Ничего не разбилось, ничего не взорвалось. Только моё собственное тело внезапно перестало казаться надёжным.

— Не шевелись.

Мара оказалась рядом быстрее, чем я ожидал.

— Я уже…

— Говорю тебе, не делай резких движений.

Я послушался.

Ноги будто стали чужими. В голове кружилось, к горлу подступила тошнота. Я попытался поднять руку, но пальцы слушались плохо.

Мара пододвинула ко мне чашку с водой.

— Пей понемногу.

Я сделал несколько глотков.

— Что это было? — спросил я наконец.

— Ты взял больше силы, чем способен принять.

— Но я контролировал поток.

— Нет. Ты пытался его контролировать. Это не одно и то же.

Я опустил взгляд на ладони. Дрожь постепенно ослабевала, но не проходила.

— Я не чувствовал, что теряю контроль.

— Вот именно.

Мара присела напротив.

— Ты всё время думаешь о том, сколько магии можешь использовать. Но почти не думаешь о том, сколько способен через себя пропустить.

Я молчал.

— Контролировать и выдерживать — не одно и то же, — продолжила она. — Ты можешь направить больше, чем способен безопасно провести. И если будешь каждый раз проверять это на себе, однажды последствия окажутся хуже.

— Я хотел понять предел.

— Тогда начни с того, чтобы узнать собственные возможности. А не пытайся перепрыгнуть через них.

Я снова посмотрел на чашу. Ледяная корочка так и осталась на поверхности воды. Маленький результат, ради которого я едва не довёл себя до полного истощения.

— Значит, ядро может вместить больше, чем я способен провести?

— Я не знаю, как именно устроено твоё ядро. И не стану придумывать ответ. Но твоё тело явно не выдерживает того, что ты сейчас от него требуешь.

Я медленно кивнул.

— Больше сегодня никаких опытов, — твёрдо сказала Мара.

— Хорошо.

— И завтра тоже не начинай с попыток повторить это.

— Я понял. Займусь обычными делами.

— Надеюсь.

Позже, когда головокружение почти прошло, я вернулся к столу.

Мара уже убрала чашу с водой и попросила меня лечь, но я настоял, что хочу хотя бы записать наблюдения. Не экспериментировать. Просто записать.

Я открыл блокнот.

Сначала описал свет: небольшая устойчивая сфера, заметно ярче привычного свечения. Затем воду: образование тонкой ледяной корочки при воздействии на поверхность. Отдельно отметил, что предположение об отводе тепла пока не доказано.

Последняя запись далась труднее.

Я посмотрел на страницу, задумался и вывел несколько строк:

Увеличение силы воздействия не означает увеличения эффективности.

Способность управлять потоком не значит что можно выдерживать его.

Необходимо определить баланс и развивать контроль магии дальше.

На этом я закончил свои записи.

За окном уже сгущались сумерки. В комнате было тихо, только изредка потрескивали дрова в печи.

Сегодня я узнал о магии больше. Но куда важнее оказалось другое: столкнулся с тем, что мои собственные возможности могут стать главным ограничением.

Новые горизонты

К концу зимы работа в мастерской не останавливалась. После первой поездки в Каэргард прошло достаточно времени, чтобы выполнить заказы, подготовить новые изделия и договориться о следующей поставке.

Утро уже вступило в свои права, когда со стороны дороги послышался знакомый скрип колёс. Я как раз проверял одну из готовых конструкций, прикидывая, не стоит ли немного изменить положение крепёжной планки. Услышав голоса у двора, отложил инструмент и вышел наружу.

Купец спрыгнул с телеги, потянулся, разминая затёкшую спину, и огляделся.

— Ну что, мастер, готов отправляться?

— Почти. Осталось проверить последние крепления.

— Тогда не буду мешать. Только долго не возись. Дорога сама себя не проедет.

Я усмехнулся.

— Дайте мне немного времени. Надо всё ещё раз перепроверить, на всякий случай.

Он заглянул под навес, где аккуратно лежали подготовленные изделия: два подъёмных механизма, несколько фиксаторов и отдельные детали, которые я хотел показать покупателям. Всё было уложено так, чтобы в дороге ничего не сместилось и не повредилось.

— В прошлый раз деталей было меньше, — заметил купец.

— В прошлый раз мы ещё не знали, что именно понадобится. Теперь есть конкретные заказы. Надеюсь, что в будущем изделий станет ещё больше.

— И это хорошо. Чем меньше приходится гадать, тем больше остаётся времени на дело.

Клим осмотрел крепления, проверил упаковку и удовлетворённо кивнул.

— Ладно. Похоже, можно ехать.

Я ещё раз прошёлся вдоль телеги, убедился, что всё закреплено, и вернулся в дом за сумкой с инструментами. Перед дорогой предупредил Мару, что уезжаю и постараюсь не задерживаться, после чего мы с Климом отправились в путь.

Поездка уже не казалась мне чем-то новым. Я знал дорогу, представлял, что нас ждёт в Каэргарде, и оставалось только надеяться, что установка и расчёты не займут много времени.

По пути Клим рассказывал о новых разговорах с торговцами и владельцами складов.

— Подъёмники интересуют не всех, — говорил он, придерживая поводья. — Некоторые считают, что проще нанять ещё одного работника. Другие смотрят на стоимость и сразу начинают торговаться. Но есть и те, кто понимает, что механизм окупится, если пользоваться им постоянно.

— Значит, нужно показывать не только сам подъёмник, но и то, сколько работы он снимает с людей.

— Именно. Только не обещай мне, что сможешь изготовить десяток за одну неделю.

— Я пока и сам не знаю, сколько времени займёт следующая партия. Новые заказы ещё предстоит собрать.

— Вот и правильно. Сначала узнаем, что людям нужно, потом решим, что можем предложить. Я не собираюсь продавать то, чего у нас ещё нет.

Я посмотрел на купца.

— Хорошо, что мы наконец начали понимать друг друга.

— А разве раньше не понимали?

— Раньше мы оба больше предполагали, чем знали.

Клим хмыкнул, но спорить не стал.

В Каэргарде нас ждали дела. Первым пунктом стала установка механизмов. Я не собирался доверять эту работу кому-то другому: мне нужно было убедиться, что конструкции правильно закреплены, выдерживают нагрузку и работают так, как задумано.

У Руда пришлось немного изменить положение одного из креплений. Стена оказалась не совсем такой, как предполагалось по предварительным замерам, и мне пришлось подгонять опору на месте. Работа заняла больше времени, но в итоге подъёмник встал как нужно.

Первую проверку проводили осторожно. Сначала подняли небольшой груз, затем постепенно увеличили нагрузку. Механизм скрипнул, натянул канат, но выдержал. Я несколько раз проверил фиксаторы и только после этого позволил использовать его с обычными складскими грузами.

Руд наблюдал за работой, не скрывая удовлетворения.

— Теперь не придётся каждый раз звать троих, чтобы поднять один мешок.

— Зато придётся следить за состоянием каната и креплений, — предупредил я. — Если что-то начнёт изнашиваться, не ждите, пока механизм заклинит или верёвка порвётся.

— Понял. А если понадобится ещё один?

— Сначала посмотрите, как этот покажет себя в работе. А как понадобится что-то ещё, передайте через Клима.

— Уже думаю об этом.

У Хальда установка прошла спокойнее. Там конструкция подошла почти без изменений, и после нескольких проверок механизм был готов к использованию.

Я задержался ещё ненадолго, объяснил, как пользоваться фиксаторами, и показал, какие детали требуют периодического осмотра. Мне было важно, чтобы покупатели понимали: механизм не избавляет от необходимости следить за оборудованием. Он лишь делает работу проще и безопаснее, если обращаться с ним правильно.

Когда с установкой закончили, мы с Климом занялись расчётами.

Расчёт за изделия и установку мы получили полностью. Купец отделил свою долю, я проверил остаток, учёл обязательства перед Эрнестом и отложил средства на дальнейшие закупки. Часть выручки ушла на материалы и крепёж, которые понадобятся для следующей партии. Заодно приобрели металл для Эрнеста, чтобы не задерживать выполнение следующих заказов.

Пока я занимался закупками, Клим успел поговорить с несколькими торговцами. Он уточнил интерес к стандартным изделиям и собрал предварительные заявки. Ничего окончательного не обещал, но теперь у него было больше конкретных пожеланий, которые можно было передать мастеру.

Обратная дорога прошла спокойнее.

— В этот раз получилось неплохо, — заметил Клим, когда крепость осталась позади.

— Да. Главное, что механизмы установлены и работают.

— А ещё мы привезём новые заказы. Если всё пойдёт так же, в следующий раз я смогу обойтись без тебя.

— Это было бы кстати. Мне не хочется каждый раз бросать мастерскую ради поездки.

— Поэтому и говорю. Я буду собирать заявки, показывать образцы, договариваться с покупателями. А ты будешь заниматься тем, что умеешь лучше меня.

— Только не забывайте: нестандартные заказы сначала согласовываем. И по материалам тоже. Не хочу однажды получить от вас телегу железа, которое мне некуда девать.

— Не получишь. Перед каждой закупкой будем составлять список и считать расходы. Я привезу всё необходимое, а ты проверишь.

— И расчёты отдельно.

— Разумеется. Моя доля — моя, твои деньги — твои. Не переживай, я не собираюсь содержать твою мастерскую.

— Я и не просил. Но было бы неплохо!

Клим рассмеялся.

— Вот и договорились.

Перед тем как расстаться, мы обсудили ещё один вопрос — время следующих поездок.

Клим предложил ориентироваться примерно на один приезд в месяц. За этот срок он рассчитывал успевать собрать новые заявки, уточнить пожелания покупателей и привозить необходимые материалы. Я, со своей стороны, постараюсь подготовить заказанные изделия к следующей встрече.

Разумеется, это не было строгим расписанием. Дороги зависели от погоды, а весенняя распутица могла задержать даже самого расторопного купца. Если поездка сдвинется, придётся подстраиваться. Но общий порядок обоим показался удобным.

Теперь я мог планировать работу не от одной поездки до другой, а сразу на несколько недель вперёд.

После возвращения работа постепенно вошла в новый ритм.

Клим больше не ждал, пока я освобожусь, чтобы отправиться в Каэргард. Он мог ездить самостоятельно, собирая заказы. Если покупатель хотел что-то необычное, купец записывал пожелания и привозил их мне для обсуждения. Сроки и стоимость определяли уже после того, как становилось понятно, что именно требуется изготовить.

Мне оставалось следить за производством и готовить изделия к следующей поездке.

В мастерской снова появились заготовки. Древесину привозили небольшими партиями, металл отправлялся к Эрнесту, а готовые детали возвращались обратно по мере выполнения заказов. С кузнецом мы постепенно наладили понятный порядок: я передавал размеры, чертежи и материал, Эрнест называл стоимость работы и сроки. Иногда приходилось что-то уточнять, иногда менять форму детали, но теперь мы уже знали, чего ждать друг от друга.

Кира по-прежнему проводила большую часть времени в кузнице. Она помогала Эрнесту, выполняла поручения и занималась работой, которую ей доверяли. Иногда, когда у неё появлялось свободное время, девушка заходила ко мне и помогала с отдельными операциями.

Она хорошо разбиралась в инструментах, уверенно обращалась с материалом и нередко замечала мелочи, которые я упускал из виду. Но я не пытался постоянно занимать её своими делами. У неё была своя работа, и я это понимал.

Однажды, когда Кира помогала мне подогнать деревянные детали для очередного подъёмника, я заметил, насколько привычно она обращается с инструментом.

— Ты ведь почти всё время проводишь в кузнице? — спросил я.

— С детства, — ответила она, не отрываясь от работы.

— Тогда неудивительно, что ты так хорошо со всем этим управляешься.

Кира только пожала плечами.

— Когда долго смотришь, как работают другие, многое запоминается.

Я хотел было спросить ещё что-то, но девушка уже переключилась на следующую деталь. Я не стал настаивать. В конце концов, у нас будет время поговорить позже.

Сама мастерская тоже постепенно менялась. Заказы перестали быть случайными. Появились повторные обращения, покупатели начали спрашивать о тех изделиях, которые уже видели в работе. Клим привозил новые пожелания, а я всё чаще ловил себя на мысли, что нужно не просто изготовить очередную вещь, а заранее продумать, как сделать её удобнее в производстве.

Работы становилось больше, и свободного времени оставалось меньше.

Но от остальных занятий я отказываться не собирался.

Мара заметила, что я стал реже приходить к ней с вопросами о магии.

Не потому, что потерял интерес. Скорее, прежние вопросы постепенно сменились новыми, на которые она уже не могла дать ответ.

Однажды вечером я снова занимался со светом. Небольшой шар парил над ладонью, сохраняя ровное свечение. Я пробовал менять его яркость, удерживать форму и следить за тем, как меняется ощущение потока.

Мара сидела неподалёку и перебирала сушёные травы.

— Долго собираешься продолжать? — спросила она.

— Ещё немного.

— Ты уже говорил это раньше.

Я посмотрел на неё и усмехнулся.

— Сегодня я не собираюсь повторять прежних ошибок.

— Надеюсь. Не буду тебя ловить, если начнёшь терять сознание.

Я сосредоточился, немного усилил свечение, затем вернул его к прежнему уровню. Никакой резкой нагрузки не последовало. Когда шар погас, я несколько секунд прислушивался к собственным ощущениям.

— Устал? — спросила Мара.

— Немного. Но не так, как в прошлый раз.

— Тогда на сегодня достаточно.

— Я как раз собирался закончить.

Мара отложила травы.

— Рэн, я уже не смогу научить тебя тому, чего сама не знаю. Могу подсказать, как беречь себя, могу заметить, когда ты начинаешь переутомляться. Но со светом или тем, что ты делаешь с водой, да и прочие твои эксперименты, тебе придётся разбираться самому.

— Я понимаю. Просто я пытаюсь увидеть больше, но каждый раз что-то ускользает от меня.

— Не пытайся каждый раз проверить, насколько далеко можешь зайти. Иногда полезнее повторить то, что уже получается, чем искать что-то новое.

Я посмотрел на свои ладони.

— Я стараюсь понять, что именно ограничивает меня. Силы вроде хватает, но стоит увеличить воздействие, как тело начинает сдавать.

— Значит, пока не хватает.

— Возможно. Я думаю, дело не только в самой магии.

Мара чуть приподняла брови.

— И к чему ты пришёл?

— Пока только к предположению. Я могу направить поток, могу удерживать его, но когда пытаюсь использовать больше силы, появляется слабость. Будто тело не успевает за тем, что я от него требую.

— Тогда не заставляй его поспевать через силу.

— Поэтому я и начал больше заниматься физически.

Мара кивнула.

— Это разумно. Только помни: сильное тело не делает человека неуязвимым.

— Знаю. Но без этого, похоже, никак.

— Хорошо. Тогда иди отдохни.

Я погасил остаточное свечение и убрал записи. Мара больше не пыталась объяснять мне то, чего сама не понимала. Но её присутствие по-прежнему помогало мне не забывать о простом правиле: знать, что ты способен сделать, и понимать, что можешь выдержать, — разные вещи.

В последующие недели я продолжал эксперименты, но стал осторожнее. Не пытался каждый раз увеличивать силу воздействия. Иногда повторял уже освоенные упражнения, иногда проверял, насколько долго способен удерживать свет или насколько точно могу менять его форму. С водой дело продвигалось медленнее. Получить тонкую ледяную корочку мне уже

удавалось, но повторить результат с одинаковой точностью получалось не всегда. Про другие аспекты магии я не забывал, но с огнём и воздухом получалось слабо. Над ладонью вспыхивал огонёк не больше язычка свечи, а в попытке создать плотный поток воздуха поднималось лишь лёгкое дуновение ветра — вот и всё. А стихия земли вообще молчала, или я просто не знал, с чего начать.

К магии тьмы я не обращался не из страха, а потому что не понимал её сути: не знал, как к ней подступиться и что она способна дать.

Я записывал наблюдения и не спешил делать выводы. Пока я разбирался, что именно происходит, любые объяснения оставались лишь предположениями.

Занятия с Торвином давно перестали быть простыми прогулками по лесу. Теперь охотник всё чаще давал мне задание и отходил в сторону, позволяя разбираться самостоятельно.

Иногда требовалось проследить за несколькими животными, не перепутав их следы. Иногда — восстановить путь зверя там, где тот переходил с мягкой земли на камни или пробирался через густой подлесок. Торвин даже несколько раз оставлял намеренно запутанные следы, проверяя, замечу ли я несоответствия.

Ошибки всё ещё случались, но теперь я хотя бы понимал, где именно ошибся. Учился не цепляться за первую догадку, проверять её другими признаками и смотреть не только на сам след, но и на то, что происходило вокруг.

— Ты стал внимательнее, — заметил как-то Торвин, когда я в очередной раз остановился у поваленного дерева. — Раньше ты бы прошёл мимо.

— А сейчас?

— Сейчас заметил, что ветка сломана не ветром. Но пока не понял, кто её сломал и зачем.

Я присел, ещё раз осмотрел место и нахмурился. Торвин не торопил меня. В этом и заключалась новая сложность: готового ответа никто не давал.

С Гуннаром дела обстояли не проще. Основные движения я уже освоил, поэтому тренировки постепенно стали больше походить на настоящую работу с противником. Мы отрабатывали связки, переходы от защиты к ответному удару, перемещения и удержание дистанции.

Гуннар не позволял полагаться на одну только силу. Стоило мне слишком широко замахнуться или увлечься атакой, как деревянный меч охотника тут же оказывался у меня сбоку или останавливался возле плеча.

— Ты опять смотришь на оружие, — недовольно замечал Гуннар. — Оно не само по себе движется. Смотри на человека.

Постепенно учебные поединки становились быстрее. Гуннар менял темп, обманывал движениями, заставлял меня перестраиваться на ходу. Выиграть у него пока не получалось, да я и не рассчитывал на это. Но я уже мог продержаться несколько обменов ударами, не теряя равновесия и не превращая каждое движение в беспорядочную попытку защититься.

После таких занятий мышцы нередко гудели от усталости, однако теперь я восстанавливался быстрее. Тело постепенно привыкало к нагрузкам, а движения становились увереннее.

В это же время имя Рэна начало появляться в разговорах за пределами Лир-Холма.

Сначала сведения были незначительными.

Управляющий барона Каэрбрука, разбирая очередные хозяйственные отчёты, услышал о необычном подъёмном механизме, установленном на одном из складов Каэргарда. Упоминание было коротким, почти случайным. Какой-то мастер из небольшой деревни изготовил устройство, которое облегчало подъём грузов.

Подобные сообщения не были редкостью. В землях барона постоянно что-то строили, ремонтировали и совершенствовали. Управляющий отметил сведения, но не придал им особого значения.

Позже он услышал о том же мастере снова.

На этот раз речь шла о нескольких заказах и новых механизмах. Торговец, с которым управляющий обсуждал поставки, упомянул, что изделия пользуются спросом, а изготовитель работает через купца по имени Клим.

Управляющий уточнил несколько деталей, но и на этот раз ограничился краткой записью.

Однако спустя некоторое время сведения повторились. Оказалось, что мастер не просто выполняет случайные заказы. Он изготовил несколько стандартных изделий, которые предлагали разным покупателям. Работал с местным кузнецом, самостоятельно закупал материалы и постепенно расширял объём производства.

Управляющий заинтересовался.

Он не стал делать выводов по чужим словам и при следующей поездке в Каэргард решил посмотреть на один из механизмов лично.

На складе его встретил владелец, который без особого энтузиазма отнёсся к вопросам о покупке.

— Работает исправно, — ответил он, когда управляющий поинтересовался подъёмником. — Сначала сомневался, но теперь вижу пользу. Людей на такую работу приходится ставить меньше.

— Кто изготовил?

— Мастер из Лир-Холма. Рэн, кажется. Приезжал вместе с Климом, сам всё устанавливал.

— Он постоянно этим занимается?

— Похоже на то. У Клима можно узнать. Тот с ним работает.

Управляющий осмотрел крепления, понаблюдал за работой механизма и задал ещё несколько вопросов. Ничего необыкновенного в самой конструкции он не увидел, но её практическая польза была очевидна.

Вернувшись в усадьбу, он доложил барону о том, что узнал.

Лиам Каэрбрук выслушал его, не отрываясь от бумаг.

— Значит, какой-то деревенский мастер начал продавать подъёмники?

— Не совсем. Судя по сведениям, он не ограничивается одним изделием. Есть ещё фиксаторы для грузов. Несколько складов уже пользуются его работой. Купец Клим занимается продажами.

— И что в этом необычного?

— Пока ничего особенного, господин. Но он, похоже, пытается организовать постоянное производство.

Барон отложил перо.

— Насколько постоянное?

— Этого я пока не выяснил. Но заказы повторяются. Он закупает материалы, работает с кузнецом и не зависит от одного покупателя.

Лиам задумался на мгновение.

— Узнай, кто он такой. Откуда появился, кому принадлежит мастерская, кто за ним стоит.

— Насколько мне известно, никому. А покровителей у него нет. Но я проверю.

— И выясни, что он собирается делать дальше. Если производство действительно растёт, возможно, нам стоит обратить на него внимание.

На этом разговор закончился.

Следующий доклад оказался значительно подробнее.

Управляющий собрал сведения через торговцев, поговорил с людьми, знавшими Лир-Холм, и выяснил, что Рэн появился там не так давно.

Его прежнее поселение было уничтожено во время набега. Деревня находилась в пределах владений самого Лиама, и барон помнил о случившемся.

В докладе говорилось, что после нападения Рэн оказался среди немногих выживших. Управляющий не смог установить всех подробностей: одни сведения противоречили другим, а очевидцев, способных рассказать всё последовательно, не осталось. Но само нападение не было случайным происшествием, которое можно было забыть через несколько дней.

Лиам отложил бумаги.

Он хорошо помнил ту историю.

Тогда весть о сожжённой деревне пришла к нему не сразу. Сначала говорили о разбойниках, затем появились рассказы о вооружённом отряде, который действовал слишком организованно для обычной шайки. Люди исчезали, дома горели, а следы нападавших терялись за границей владений.

Барон отправлял людей на поиски. Проверяли дороги, расспрашивали жителей соседних поселений, пытались восстановить маршрут отряда. Но нападавшие словно растворились. Никого не удалось схватить, а достоверных сведений о том, кто стоял за набегом, так и не появилось.

Подозрение почти сразу пало на барона Нордхейма.

Последние годы отношения между ними становились всё напряжённее. Спор из-за контроля над переправой у Каэргарда давно перестал быть обычным разногласием о пошлинах и торговых правах. Речь шла о влиянии на весь речной путь, о складах, перевозках и доходах, которые давала переправа. Каждый новый спор лишь укреплял уверенность Лиама, что северный сосед не отказался от намерения расширить своё влияние.

Набег на его земли слишком удобно вписывался в эту картину.

Но подозрения не были доказательствами.

Ни одного пленного, ни приказа, ни свидетеля, который мог бы прямо указать на виновного, у барона не было. Обвинить соседа открыто означало бы спровоцировать куда более серьёзный конфликт, а начинать войну из-за догадок Лиам не собирался.

В итоге расследование зашло в тупик.

Он не забыл о случившемся, хотя со временем другие заботы отодвинули эту историю на второй план. Но стоило вновь увидеть название сожжённого поселения, как прежнее раздражение вернулось.

— Значит, один из выживших теперь живёт в Лир-Холме, — произнёс он.

— Да, господин. Это тот самый Рэн.

Барон снова взглянул на доклад.

— Продолжай.

Управляющий перешёл к сведениям о нынешней жизни молодого человека.

— Основную работу выполняет сам. С металлическими деталями ему помогает местный кузнец. Также иногда помогает девушка, работающая при кузнице, но постоянных работников у него, насколько я выяснил, нет.

— А купец?

— Клим занимается продажами и доставкой. Они договорились о регулярных поездках в Каэргард. Примерно раз в месяц, если позволяют дороги и погода.

Лиам кивнул.

— Значит, дело поставлено не совсем плохо.

— Да, господин. Он не просто мастер, который продаёт случайные изделия. Похоже, он всерьёз намерен наладить собственное производство.

Барон перевернул страницу.

— А дар у нашего мастера имеется?

Управляющий сделал небольшую паузу.

— Подтверждений немного. Но несколько человек в Лир-Холме знают, что Рэн обладает магическими способностями. Он этого не скрывает, хотя, насколько я понял, посторонних к своим занятиям не допускает.

— То есть?

— Большую часть времени он проводит с магией дома у женщины по имени Мара. Она знакома с целительством и, возможно, помогает ему советами. Что именно он умеет, никто толком сказать не смог. Одни упоминали свет, другие замечали огонь, говорили о каких-то опытах с водой. Возможно, это лишь догадки тех, кто что-то видел или слышал. Подтвердить конкретные способности я не могу.

— Он проходил инспекцию?

— Нет. Жетона у него тоже нет. Насколько удалось выяснить, официального наставника у него не имеется.

Лиам откинулся на спинку кресла.

Теперь история выглядела иначе.

Ремесленник, который сумел наладить производство и торговлю, уже заслуживал внимания. Но если он действительно обладал магическим даром, значение такого человека могло оказаться куда выше.

— И как его до сих пор не выявили во время инспекции?

— Не знаю, господин. Возможно, его дар проявился сравнительно недавно. Других объяснений у меня пока нет.

Барон некоторое время молчал, снова просматривая доклад.

— Значит, пока сам по себе.

— Похоже на то.

Лиам отложил бумаги.

Он не знал, насколько велик дар этого парня, насколько далеко тот сможет продвинуться и сумеет ли вообще пройти обучение. Не знал и того, почему Рэн до сих пор не воспользовался возможностью поступить в академию.

Но кое-что уже было понятно.

Перед ним находился человек, который не ждал, пока кто-то устроит его жизнь. Он самостоятельно развивал ремесло, искал покупателей, договаривался с поставщиками и при этом пытался освоить магию.

Такие люди встречались нечасто.

Если дар окажется достаточно сильным, Рэн вполне может стать полноценным магом. А пока он никому не связан обязательствами и сам распоряжается своей жизнью. Для Лиама это было немаловажно. В будущем такой человек мог оказаться не просто полезным мастером, а независимым союзником, с которым можно договариваться на взаимовыгодных условиях.

Барон не собирался заранее строить планы на человека, которого даже не видел. Но и оставлять подобную возможность без внимания не хотел.

— Подготовь мне всё, что сейчас известно о Лир-Холме, — распорядился он. — Дороги, состояние поселения, кто там староста. И отдельно подготовь сведения о самом Рэне. Не только о его работе. Мне нужно понимать, с кем предстоит разговаривать.

— Вы собираетесь его вызвать?

— Нет. Я сам туда поеду.

Управляющий чуть приподнял брови, но вопросов задавать не стал.

Лиам снова посмотрел на доклад.

— Хочу увидеть мастерскую. И самого мастера. Посмотрим, насколько он соответствует рассказам.

К тому времени в Лир-Холме весна уже вступила в полную силу и постепенно намекала на начало лета.

Работа в мастерской не прекращалась. Я закончил очередную партию изделий и готовился к следующей. Металл для новых механизмов уже находился у Эрнеста, а Клим должен был вскоре вернуться с новыми заявками.

Я как раз проверял готовые фиксаторы, когда услышал знакомый голос во дворе.

— Надеюсь, ты не собираешься заставить меня ждать до вечера!

Я вышел из мастерской и увидел Клима возле телеги.

— А вы, как всегда, торопитесь.

— Если бы я не торопился, мы бы до сих пор обсуждали первый заказ.

— И как дела? Что по заказам?

— Неплохо. Есть несколько новых заявок. Две на подъёмники, ещё одна на фиксаторы. Кроме того, один торговец хочет посмотреть, что ты можешь предложить для его склада. Но сначала нужно обсудить размеры и нагрузку. Ещё записал размеры одного колодезного ворота — на замену старому.

— Хорошо. Посмотрим, что из этого можно сделать.

Клим достал из сумки несколько листов и передал их мне.

— Здесь все записи. Ничего не обещал, как договаривались.

Я прочитал, задал пару уточняющих вопросов и отложил бумагу.

— Разберём после того, как вы отдохнёте с дороги.

— С удовольствием. Но есть ещё кое-что.

Купец помедлил, словно решая, с чего начать.

— В Каэргарде мной интересовались люди барона.

Я поднял голову.

— Вами? А что им нужно?

— Сначала мной. Потом, как выяснилось, тобой. Расспрашивали о механизмах, о том, кто их делает, как давно мы работаем вместе.

— И что вы ответили?

— Правду. Что ты живёшь в Лир-Холме, занимаешься изготовлением механизмов и работаешь со мной. Ничего лишнего.

Я нахмурился. Вот ещё внимания местного барона мне не хватало.

— Зачем я понадобился барону?

— Не знаю. Но, судя по всему, интерес у него не праздный.

Клим помолчал и добавил:

— Мне передали, что Лиам Каэрбрук собирается лично посетить Лир-Холм. Хочет познакомиться с тобой.

Я некоторое время молчал, обдумывая услышанное.

Я знал, что деревня находится во владениях барона. Знал, что тот распоряжается местными землями и имеет достаточно власти, чтобы его решения затрагивали жизнь каждого поселения в округе. Но до сих пор всё это оставалось где-то на заднем плане, не вмешиваясь напрямую в мои повседневные дела.

Теперь ситуация менялась.

— И когда он собирается приехать?

— Точной даты я не знаю. Мне сообщили только, что барон намерен приехать лично. Когда именно — не сказали.

Я ещё раз посмотрел на записи с заказами, затем убрал их в сторону.

Похоже, ближайшее время обещало быть куда интереснее, чем я рассчитывал.

И, судя по всему, не только в мастерской.

Барон

С конца весны жизнь в Лир-Холме шла своим чередом. Заказы постепенно прибавлялись, и свободного времени у меня становилось всё меньше. Клим продолжал заниматься продажами и доставкой, привозил новые пожелания покупателей, а иногда и заказы, требовавшие отдельных расчётов. Я понемногу расширял набор готовых изделий, старался держать запас наиболее востребованных деталей и одновременно работал над несколькими новыми приспособлениями.

До больших перемен было ещё далеко, но мастерская уже перестала быть просто местом, где я время от времени что-то мастерил. Теперь здесь постоянно находилась работа.

С делами деревни тоже всё складывалось неплохо. Договорённость с Дерном по древесине избавляла от необходимости искать ее самому, Эрнест продолжал помогать с металлическими деталями, а Кира иногда заглядывала ко мне, когда в кузнице выдавалась свободная минута. Торвин и Гуннар по-прежнему не давали мне забывать о тренировках. С последними, к слову, у меня уже получалось справляться заметно лучше, хотя до их уровня было ещё далеко.

Я не думал, что привычный порядок скоро изменится. По крайней мере, никаких причин для этого не видел.

В середине лета, когда я занимался подгонкой крепления для очередного подъёмника, со стороны деревни донёсся непривычный шум. Сначала я решил, что вернулся чей-то обоз, но вскоре услышал стук копыт. Причём не одной или двух лошадей.

Я отложил инструмент и выглянул из мастерской.

По дороге к центральной части деревни двигалась небольшая группа всадников. Впереди ехали двое, за ними ещё несколько человек в дорожном снаряжении. Не похоже было на торговцев. Лошади ухоженные, снаряжение добротное, а сами всадники держались так, как держатся люди, привыкшие передвигаться вместе.

На одном из знамён я заметил серебряную башню на тёмно-синем поле. На другом, зелёном, был изображён тёмный силуэт оленя.

С гербами я был знаком в общих чертах. Башня, вероятно, обозначала род или владение хозяина первого знамени. Олень же, насколько я знал, был знаком королевской власти Вестриона. Получалось, что вместе с отрядом прибыл кто-то из местной знати, причём не просто мелкий землевладелец.

Я ещё не успел как следует рассмотреть всадников, когда заметил Дерна. Староста уже направлялся им навстречу, поправляя на ходу пояс.

Похоже, догадка подтвердилась.

Жители тоже начали обращать внимание на приезжих. Никто не бросился толпой к дороге, но работа вокруг будто немного замедлилась. Кто-то вышел из дома, кто-то остановился у забора, а несколько человек продолжали заниматься своими делами, поглядывая в сторону всадников.

Я заметил Киру. Она стояла неподалёку от кузницы, вытирая руки о передник. Рядом с ней оказался Борн, который, судя по всему, тоже решил ненадолго отложить свои дела.

— Вот это гости, — негромко произнёс он.

— Похоже день обещает быть весёлым— ответила Кира.

Всадники остановились возле Дерна. Один из них спешился, и староста приветствовал его, склонив голову.

Я не слышал, о чём они говорили, но вскоре незнакомец повернулся к остальным и что-то спросил. Дерн указал рукой в сторону деревни, затем, судя по жесту, стал объяснять что-то о местных постройках.

Разговор продолжался недолго. После этого староста направился вместе с приезжими дальше, а сам всадник, судя по его положению среди остальных, был главным.

Через некоторое время Дерн заметил меня и указал в сторону мастерской.

Я понял, что сейчас придётся отложить работу.

Вскоре вся группа приблизилась. Несколько человек остались у дороги, а впереди остальных шёл мужчина средних лет.

На вид ему было около сорока пяти, может больше. Среднего роста, крепкий, широкоплечий, с коротко остриженными волосами, в которых уже заметно серебрилась седина. Короткая борода обрамляла морщинистое лицо. Правую бровь пересекал старый шрам, а слегка искривлённый нос явно когда-то пережил не самое удачное знакомство с чьим-то кулаком. Эти детали не выглядели как увечья, скорее давали некоторое понимание о характере.

Он держался уверенно, без лишней важности. В его движениях чувствовалась привычка к военной выправке. Даже пока он шёл, сначала огляделся, словно машинально отмечая окружающее, и только потом обратил внимание на меня.

— Господин барон, — произнёс Дерн, — это Рэн. О котором я вам рассказывал.

Мужчина посмотрел на меня.

— Лиам Каэрбрук, барон этих земель, — представился он и протянул руку. — А ты, стало быть, Рэн?

На мгновение я даже замешкался.

Почему-то ожидал что от меня потребуется чего-то более церемониального. Поклона, установленного приветствия, возможно, какого-нибудь обязательного обращения, которое следовало произнести в определённом порядке. Вместо этого барон просто протянул мне руку, словно мы знакомые люди.

Я пожал её.

— Да, господин барон. Рад знакомству.

— Взаимно. — Он слегка улыбнулся. — Говорят, ты здесь занят интересным делом.

— Стараюсь, господин барон. Не скажу что дело прям интересное, скорее полезное.

— Тогда покажешь, чем именно ты тут занимаешься ?

— Конечно. Прошу.

Я пригласил его в мастерскую. Дерн последовал за нами, а за ним, не слишком торопясь, двинулась и Кира. Борн остался снаружи, но явно не собирался далеко уходить. Несколько жителей тоже задержались неподалёку, делая вид, что просто заняты своими делами.

Внутри Лиам остановился у верстака. Осмотрел разложенные детали, несколько готовых механизмов и инструменты.

— Значит, всё это делаешь сам?

— Основную часть работы — да. Иногда обращаюсь к Эрнесту за металлическими деталями, которые проще изготовить в кузнице. Но сборкой и подгонкой занимаюсь здесь.

— И что у тебя сейчас самое востребованное?

Я показал ему подъёмник, стоявший у стены.

— В основном делаю такие механизмы. Подъёмники, фиксаторы, иногда улучшенные колодезные вороты. Есть стандартные варианты, но довольно часто приходят заказы с определёнными требованиями. Тогда приходится менять размеры, форму креплений или добавлять какие-то приспособления.

Лиам подошёл ближе и внимательно осмотрел конструкцию.

— Что может поднять этот подъёмник?

— Он нужен для мешков, ящиков и других грузов, которые можно перемещать с помощью такой опоры. Что-то намного тяжелее он не поднимет. Для этого нужна другая конструкция.

— А если всё же груз окажется тяжелее, чем рассчитывал?

— Тогда можно повредить механизм. Поэтому перед изготовлением я стараюсь выяснить, что именно собираются поднимать и как часто будут им пользоваться.

Барон провёл пальцами по одному из креплений.

— Разумно. А это?

— Фиксатор. Я показал ему отдельный образец, затем объяснил, как работает зубчатое соединение. Лиам выслушал, несколько раз уточнил детали и попросил продемонстрировать механизм.

Я закрепил его на небольшом стенде, показал, как он удерживает нагрузку, а затем освободил механизм.

— И всё это можно изготовить здесь? — спросил он.

— Основную часть — да. Для некоторых деталей требуется кузница. Но ничего такого, что нельзя было бы заказать у местного мастера.

— А треножники?

— Тоже делаю. Некоторые подъёмники удобнее использовать с отдельной опорой. Правда, не для каждого заказа она нужна.

Лиам ещё раз осмотрел конструкцию, после чего перевёл взгляд на другие детали.

— Это уже готовые изделия?

— Часть готовая. Остальное — запасные детали и несколько пробных вариантов.

— Пробных? Новые разработки?

— Пытаюсь придумать кое-что для обычных работ. Не только для покупателей в Каэргарде. Есть задачи, которые можно упростить и здесь, в деревне. Но пока ничего нового не продаю. Сначала нужно проверить, насколько это будет полезно.

— То есть не хочешь предлагать людям то, в чём сам ещё не уверен?

— Не хотелось бы потом объяснять, почему вещь не работает.

Лиам усмехнулся.

— Разумное желание. Покупатели обычно не слишком любят такие объяснения.

— Особенно если уже заплатили.

— Верно подметил.

Он ещё немного осмотрел мастерскую, затем спросил:

— А как ты находишь покупателей? Сам ездишь в Каэргард?

— Первые пару поездок сделал вместе с Климом. Он занимается торговлей и доставкой. Теперь часть изделий продаёт самостоятельно. Если появляется заказ, который требует изменений, сначала передаёт его мне. Я оцениваю работу, материалы и уже потом говорю, смогу ли взяться.

— И он сам решает, что можно обещать покупателям?

— Нет. Простые вещи, которые уже есть в наличии, он может продавать без меня. А всё, что требует изменений или отдельной работы, мы предварительно согласуем.

— Удобно. А необходимые материалы?

— Металл и крепёж покупаю в Каэргарде. Древесину получаю здесь, за часть работы для деревни мне выделяют нужное количество.

Лиам посмотрел на старосту.

— Значит, вы уже нашли общий язык?

— Вполне, господин барон, — ответил Дерн. — Рэн не просит ничего лишнего, а деревне от его работы есть польза. Так что договорились.

— Хорошо. Когда люди могут договориться между собой без лишних споров, это обычно выгодно всем.

Он вернулся к верстаку и обратил внимание на несколько небольших металлических деталей.

— Как конкретно кузнец делает тебе детали?

— Я приношу чертежи и объясняю, что требуется. Он оценивает металл и работу, после чего мы договариваемся о цене.

— И он согласен работать по твоим чертежам?

— Если они достаточно понятные. — Я невольно улыбнулся. — Впрочем, он быстро объясняет, когда я что-нибудь нарисовал не так.

Кира, стоявшая неподалёку, тихо усмехнулась.

— Это он умеет, — заметила она.

Лиам посмотрел на неё.

— Ты тоже работаешь с ним?

— В кузнице, господин барон. Помогаю Эрнесту.

— А здесь?

— Иногда помогаю Рэну, если есть свободное время. Но в основном я в кузнице.

— Значит, у вас уже есть некоторое разделение работы.

— Пока небольшое, — ответил я. — Но так проще.

Лиам кивнул и снова посмотрел на меня.

— А сколько заказов успеваешь выполнять?

— По-разному. Стандартные изделия делаются быстрее. Нестандартные требуют больше времени, иногда приходится несколько раз подгонять детали. Но заказов становится больше.

— И дело уже начинает приносить доход?

— Да, господин барон. Пока небольшой, но после расходов кое-что остаётся.

— Значит, ты не просто работаешь ради того, чтобы купить новые материалы. Это похвально.

— Стараюсь, чтобы так не получалось. Часть денег откладываю на закупки, часть оставляю на оплату работы. Остальное уже мой заработок.

Барон чуть заметно улыбнулся.

— Хорошо. Значит, ты понимаешь, что мастерская должна окупаться.

— Иначе долго она не просуществует.

— Верно.

Он ещё раз оглядел помещение. В его взгляде не было ни снисходительности, ни особенного удивления. Скорее, он пытался оценить, насколько всё устроено разумно.

— А если заказов станет больше? — спросил он. — Справишься один?

— Не уверен. Поэтому и думаю о том, чтобы постепенно обучать кого-нибудь отдельным операциям. Но пока рано. Сначала нужно убедиться, что работа будет постоянной.

— А если представить что заказы будут регулярные?

— Тогда придётся расширяться. Возможно, брать помощников, распределять работу. Но это уже следующий этап.

— Ты, выходит, заранее об этом думаешь?

— Приходится. Не хочется однажды набрать заказов, а потом обнаружить, что выполнить их некому.

Лиам негромко рассмеялся.

— Пожалуй, это одна из самых неприятных проблем для человека, который решил заняться торговлей или ремеслом.

Он не стал развивать тему, но по его взгляду было понятно, что услышанное его заинтересовало.

Я же не придавал этому особого значения. Просто отвечал на вопросы.

После осмотра мастерской мы вышли наружу. Лиам задержался возле входа, окинул взглядом постройки и людей, которые всё ещё находились неподалёку.

— Неплохо у вас здесь, — заметил он. — Деревня небольшая, но видно, что работа не стоит на месте.

— Стараемся, господин барон, — ответил Дерн.

— Это хорошо. А теперь хочу спросить ещё кое о чём.

Барон повернулся ко мне.

— Мне сказали, что у тебя обнаружился магический дар.

Я не сразу ответил.

— Да, господин барон.

— И давно ты об этом знаешь?

— Уже около года.

— Тогда объясни мне одну вещь. Почему ты до сих пор не в академии?

Вопрос прозвучал совершенно спокойно, но я заметил, что Дерн тоже посмотрел на меня.

— Я пока не спешу, господин барон.

— Почему? Насколько мне известно, академия принимает не только во время общего набора. Если человек обнаружил у себя дар между инспекциями, он тоже может обратиться и попытаться поступить. Конечно, добраться туда непросто, особенно из таких мест, как наше. Но желающих обычно хватает.

— Возможность есть, — согласился я. — Просто я пока решил заняться другими делами.

— Какими именно?

— Сначала хочу лучше разобраться в собственном даре. Я слишком мало о нём знаю. Пытаюсь освоить простые вещи, понять, что у меня получается, а что нет. А заодно хочу укрепить своё положение.

— И кто-то помогает тебе с магией?

— Мара. Она помогла мне разобраться с основами, но сама занимается в основном лечением. Многого из того, что мне хотелось бы узнать, она не знает.

— Значит, учишься самостоятельно?

— В основном да.

Лиам немного помолчал.

— Необычный подход. Большинство людей, узнав о даре, стараются попасть к тем, кто может научить их большему. Особенно если речь идёт об академии.

— Я понимаю. Но поступление — это не просто возможность получить знания. Насколько я знаю, там есть разные пути, и не все они предполагают одинаковые обязательства.

— Ты уже успел разобраться в условиях?

— Не до конца. Но кое-что слышал. Если идти по пути короны, после обучения придётся отслужить определённый срок. Есть и другие варианты, но для них нужны средства.

Лиам внимательно посмотрел на меня.

— И ты не хочешь заранее связывать себя обязательствами?

Я немного помедлил.

— Хотелось бы сначала иметь возможность выбирать. Не хотелось бы поступить только потому, что другого выхода нет.

Барон не стал сразу отвечать. Его взгляд ненадолго задержался на мастерской.

— Поэтому и занимаешься своим делом?

— В том числе. Я не хочу ехать туда с пустыми руками. Сейчас у меня есть возможность построить что-то своё. Пусть пока небольшое, но если оно начнёт приносить постоянный доход, это даст мне больше свободы в дальнейшем.

— Придёт время и тебе придется уехать, понимаешь?

— Тогда хотелось бы, чтобы мастерская продолжала работать и без меня. Для этого нужно обучить людей, наладить работу, найти того, кто сможет следить за заказами и расчётами.

— Ты собираешься оставить здесь того, кто сможет тебя заменить?

— Возможно. Но пока рано об этом говорить. Сначала нужно, чтобы было чем управлять.

Лиам улыбнулся.

— Справедливо. Ты пытаешься продумать дела заранее.

— Не хочется начинать всё заново, когда надо будет уехать.

— Понимаю.

Он на несколько мгновений задумался, а затем спросил:

— А что ты уже умеешь делать с магией?

— Немного. Получается создавать небольшой светящийся шар. Ещё пробовал охлаждать воду.

— Охлаждать?

— Да. Пока не слишком уверенно.

— Покажешь?

Я посмотрел на Дерна. Тот чуть пожал плечами, словно вопрос был вполне обычным.

— Конечно, господин барон.

В мастерской нашлась небольшая глиняная чаша с водой. Я поставил её на свободный край верстака и сосредоточился.

Свет получался у меня лучше всего. Я уже достаточно хорошо понимал, как удерживать его форму, чтобы небольшая сфера не мерцала и не распадалась. Через несколько мгновений над моей ладонью появился ровный светящийся шар.

Лиам посмотрел на него с интересом.

— И долго можешь его удерживать?

— Несколько минут, если не устаю. Но пока не проверял, сколько именно.

— Он греется?

— Нет. По крайней мере, я не замечал.

Я отпустил сферу, и свет постепенно погас.

Затем попробовал охладить воду. Здесь всё оказалось сложнее. Я сосредоточился на чаше, пытаясь добиться нужного эффекта, но на поверхности появилась лишь тонкая ледяная корочка. Она продержалась недолго, после чего начала таять.

— Пока получается не всегда, — пояснил я.

— Но ты понимаешь, что делаешь?

— У меня есть предположение, как это работает. Но пока не получается повторять результат с нужной точностью.

— И ты сам до этого додумался?

— Приходится проверять разные варианты.

Лиам посмотрел на чашу, затем снова на меня.

— Не плохо для человека, который, по его собственным словам, почти ничего не знает о магии.

— Я бы не стал так говорить, господин барон. Мне многое ещё предстоит узнать.

— Хороший ответ.

Мне показалось, что на этом разговор о магии мог бы закончиться, но Лиам ненадолго задержался возле верстака.

— Ты говоришь, что хочешь разобраться в собственном даре. Но ведь без наставника это может занять немало времени.

— Возможно. Но я пока не тороплюсь.

— Следующая инспекция ещё не скоро.

— Тогда буду заниматься тем, чем занимаюсь сейчас. Если появится возможность поступить раньше и я буду к этому готов, рассмотрю её.

Лиам не стал спорить. Только кивнул, словно отметил для себя ещё одну подробность.

Затем его выражение немного изменилось.

— Есть ещё один вопрос, Рэн.

Я посмотрел на него. Сегодня что-то слишком много отвечаю на вопросы.

— Мне сказали, что ты родом из Брейнфорда.

Название деревни прозвучало неожиданно. До этого я ни разу не слышал его в разговорах с местными, возможно они сами избегали этого разговора, да и сам никогда не вспоминал о прежнем месте жительства.

— Да, господин барон.

— Ты был там, когда деревня погибла?

— Насколько я понимаю, да.

— Тогда мне хотелось бы узнать, что ты помнишь о случившемся.

Я невольно напрягся.

До этого момента разговор шёл вполне непринуждённо. Теперь стало понятно, что приезд барона был связан не только с любопытством к моей мастерской.

Я знал, что должен был бы помнить что-то о Брейнфорде. Всё-таки это была деревня, где жил прежний владелец моего тела. Но никаких цельных воспоминаний у меня не было.

Лишь отдельные ощущения, которые иногда возникали без всякого предупреждения: дым, крики, беспорядочное движение людей, огонь где-то рядом. Я не мог сказать, что именно из этого было настоящим воспоминанием, а что — смутным следом пережитого.

— Не так много, господин барон, — ответил я после короткой паузы. — В памяти остались только отдельные обрывки.

— Какие именно?

— Огонь. Крики. Люди куда-то бежали. Помню, что сам пытался выбраться, потом всё смешалось. Кажется, меня куда-то несли. Остальное помню плохо.

Лиам внимательно слушал.

— Ты видел тех, кто напал на деревню?

— Нет. Не могу сказать даже, сколько их было.

— Одежда? Знаки на щитах, элементах снаряжения или знамёнах?

— Не помню, господин барон.

— Какое использовали оружие?

— Тоже не помню.

Он ненадолго замолчал.

— Ты знаешь, кто были твои родители?

Этот вопрос оказался неприятнее предыдущих.

Я задумался, пытаясь найти хоть что-то, что можно было бы назвать воспоминанием. Но ничего определённого не возникло.

— Нет. Не могу сказать.

Лиам чуть нахмурился, но не стал настаивать.

— Понятно. Наделся что может хоть от тебя получу зацепку.

Я же вдруг поймал себя на другой мысли.

За всё это время я почти не задумывался о том, откуда взялись некоторые мои нынешние знания. Я понимал местную речь, умел читать и писать, хотя никогда не учился этому. Когда впервые заговорил с Марой, мне даже не пришло в голову, что язык вокруг меня совершенно другой. Не русский, не какой-то знакомый земной язык, а нечто самостоятельное, со своими словами и правилами.

Но я просто понимал его.

То же самое было с письмом. Я мог держать перо, выводить буквы и читать чужие записи. Эти навыки не вспоминались и не требовали усилий. Они словно изначально были частью меня.

При этом о прежней жизни владельца тела я почти ничего не знал. Не помнил родителей, дома, занятий, не мог сказать, кем они были и чем занимались.

Я давно перестал задавать себе эти вопросы. В первые дни после пробуждения было слишком много других забот. Нужно было понять, где я оказался, научиться ориентироваться в деревне и, главное, выжить. Не до поисков ответов на вопросы, на которые всё равно нечем было ответить.

— Вы пытались выяснить, кто напал на Брейнфорд? — спросил я.

— Пытались, — ответил Лиам. — Но тогда нам не удалось получить достаточно сведений. Были подозрения, несколько версий, однако доказательств не нашлось.

— И вы до сих пор не знаете, кто это сделал?

— Нет. А подозревать кого-то без оснований — занятие бесполезное.

Он произнёс это спокойно, без видимого раздражения.

— Жаль, что ты не помнишь больше.

Я ничего не ответил. По сути, мне было нечего добавить.

Лиам ещё немного постоял, оглядывая мастерскую, после чего повернулся к Дерну.

— Что ж, думаю, на сегодня вопросов достаточно.

— Рад, что смог ответить на ваши вопросы, господин барон, — произнёс я.

— Вполне. Хотя, полагаю, ещё найдётся о чём поговорить в будущем.

Он посмотрел на меня с лёгкой улыбкой.

— Я буду следить за тем, как пойдут твои дела. Мне интересно, во что вырастет это начинание. И надеюсь, ты не станешь скрывать от меня вещи, которые могут иметь значение для моих земель.

— Не вижу причин что-либо скрывать, господин барон.

— Хорошо. И ещё кое-что. Моё имение находится примерно в полутора-двух днях пути отсюда, если дорога не преподнесёт неприятных сюрпризов. В сторону Торнмара. Если возникнут серьёзные вопросы или понадобится помощь, можешь приехать. Назовёшь страже своё имя и скажешь, откуда прибыл. Я распоряжусь, чтобы тебя приняли.

Я немного удивился.

— Благодарю вас, господин барон. Я запомню.

— Вот и отлично.

Он пожал руку Дерну, затем направился к своему коню. Остальные всадники уже ждали неподалёку. Вскоре группа снова собралась на дороге, и барон вместе со своими людьми покинул деревню.

Мы ещё некоторое время смотрели им вслед.

— Не каждый день такое увидишь, — заметил Борн.

— Это точно, а то я сперва подумал что случилось что-то, раз сам барон пожаловал.— ответил Дерн.

Кира перевела взгляд на меня.

— И что, понравился тебе барон?

Я пожал плечами.

— Вполне обычный человек, если не считать того, что он владеет этими землями.

Она улыбнулась.

— Думаю, не каждый согласился бы с таким определением.

— Возможно. Но конкретнее сказать пока нечего.

Я вернулся в мастерскую. Работа никуда не делась, а разговор с Лиамом, при всей его неожиданности, не изменил моих ближайших планов.

Правда, теперь я знал, что барон Каэрбрук будет интересоваться тем, как идут мои дела. И, судя по всему, не только мастерской.

Что именно он рассчитывал получить от нашего знакомства, я пока не понимал. Пока что мне вообще не хотелось связывать себя с людьми наделенных властью.

Но, пожалуй, это было не так уж важно.

Пока у меня оставалось достаточно работы.

Интерлюдия. По дороге в имение Каэрбрук.

Деревня осталась позади. Небольшой отряд двигался по дороге, во владения барона, в сторону Торнмара. Впереди ехали двое всадников, за ними — барон Каэрбрук и его люди.

Лиам некоторое время молчал, обдумывая увиденное. Он не торопил коня, время от времени поглядывая на дорогу и окружающие поля.

Управляющий, ехавший рядом с ним, дождался, пока они отдалятся от деревни, и заговорил:

— Вы задержались у него дольше, чем я ожидал, милорд.

— А ты думал, я ограничусь приветствием и парой вопросов?

— Признаться, да. Хотя после того, как вы узнали о его мастерской, я уже не был в этом уверен.

Лиам усмехнулся.

— Он интереснее, чем кажется на первый взгляд.

— Из-за механизмов?

— Не только. Он сумел организовать небольшое дело там, где у него, казалось бы, почти ничего не было. Нашёл покупателей, договорился о поставках, наладил работу с кузнецом и старостой. И, что немаловажно, понимает, что заработанные деньги нельзя бездумно тратить.

— Значит, вы считаете, что из его мастерской может что-то получиться?

— Думаю, может. Если он не бросит на полпути.

Управляющий немного помолчал.

— А какие у вас планы относительно этого молодого человека, милорд?

— Пока никаких определённых.

Лиам поправил поводья.

— Но я кое о чём подумал. Он не собирается всю жизнь просидеть в своей мастерской. У него есть дар, и рано или поздно он захочет учиться. Возможно, отправится в академию.

— Он сам говорил об этом?

— Достаточно ясно дал понять. Пока хочет укрепить своё дело, а потом уже решать, что делать дальше.

— И если оно разрастётся, ему придётся оставить кого-то вместо себя.

— Именно. На это и расчёт.

Лиам на несколько мгновений задумался.

— Сейчас он сам занимается почти всем. Но если заказов станет больше, ему понадобятся помощники. А если он действительно собирается обучать людей, то рано или поздно возникнет необходимость в человеке, который сможет следить за работой, принимать заказы и вести расчёты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.